

**КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ЗАГОВОР
ИМРЕ НАДЯ
И ЕГО СООБЩИКОВ**

**ИЗДАЕТ ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО
СОВЕТА МИНИСТРОВ
ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Отпечатано в Венгрии 1959 г., 591861 типография Атэнэум, Будапешт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судебный процесс по делу Имре Надя и его сообщников пролил свет на движущие пружины империалистического контрреволюционного нападения на конституционный строй Венгерской Народной Республики, на предательское поведение руководящей группы, готовившей и организовавшей контрреволюцию в самой Венгрии.

Наша книга — V том «Белой Книги», издаваемой Информационным бюро Совета Министров Венгерской Народной Республики — содержит в первую очередь новые документы, обнаруженные в ходе следствия и судебного процесса, служащие доказательством антигосударственной деятельности Имре Надя и его группы. В силу своего объема, это издание содержит лишь часть наиболее убедительных материалов и документов.

Публикуемые здесь материалы исключают всякое сомнение в том, что уже задолго до начала контрреволюционного мятежа под руководством Имре Надя велась тайная подпольная работа, ставившая себе целью свержение существующего государственного строя. Имре Надь и его сообщники создали нелегальную антигосударственную группу. В своих статьях, распространявшихся нелегально, Имре Надь разработал политическую платформу свержения Венгерской Народной Республики, в которой нашли свое отражение руководящие тактические принципы свержения народно-демократического строя, подготовленные ведущими глашатаями империалистических кругов Запада (Уолтером Липшманном, Сульдбергером и др.). На основе этой политической платформы организовалась группа Имре Надя и его сообщников, на ее основе налаживала она свои связи со своими зарубежными пособниками и покровителями. В ходе своей подпольной работы она тщательно подготовила действия, направленные на свержение Венгерской Народной Республики, вступила в союз с преступными элементами

и возрождавшимися силами фашизма и взялась за оружие с целью свергнуть конституционный порядок Венгрии.

Из материалов явствует, что различные выступления против народной демократии, принимавшиеся общественностью за стихийное проявление позиции отдельных групп интеллигенции, на деле были организованы заговорщицкой группой Имре Надя, заранее предопределившей и их направление.

Публикуемые нами документы показывают полное единomyслие, сотрудничество и тесное сплетение изменнической группы Имре Надя с реакционными силами внутри страны, с зарубежными эмигрантскими кругами и империалистами Запада, обнаруживают поддержку, которую Имре Надь и его сообщники получали от своих империалистических союзников.

Многие считали, будто Имре Надь просто придерживается взглядов, несколько отличающихся от мнения руководителей законных правительственных органов страны, но что в основном он стоит на позиции народно-демократического строя, законов Венгерской Народной Республики и стремится к социализму. После 24 октября 1956 года, когда Имре Надь — скрыв свои подлинные намерения и планы — обманным путем, с помощью измены и предательства, стал председателем Совета Министров, выяснилось, чего он хочет в действительности, и в чем заключается провозглашенный им «своеобразный венгерский путь к социализму». В период с 25 октября по 4 ноября 1956 года Имре Надь и его группа начали осуществление своих прежде разработанных планов по ликвидации государственного строя Венгерской Народной Республики. Своими мероприятиями Имре Надь фактически отменил компетенцию высшего органа государственной власти — Государственного Собрания, а также и Президиума Народной Республики, являющегося постоянным носителем государственной власти; он отстранил также высший орган государственного управления — Совет Министров — и самоуправно отдавал распоряжения по важнейшим вопросам, касающимся всей страны. Он отменил компетенцию Советов — местных органов государственной власти, избранных населением, и признал вместо них созданные незаконно безо всяких выборов «революционные комитеты», находившиеся по большей части под руководством всяких случайных и фашистских элементов. Своими мероприятиями Имре Надь фактически отменил действие Кон-

ституции Венгерской Народной Республики, принятой в августе 1949 года Государственным Собранием, избранным на основе всеобщего демократического избирательного права и тайного голосования; власть он передал контрреволюционным силам. Имре Надь стал одним из главных покровителей деятельности антикоммунистических террористических банд и способствовал организации всех реакционных партий. Он провозгласил отрыв Венгрии от ее социалистических союзников и не скрывал своего стремления к развалу всего социалистического лагеря. Не случайно международная реакция прославляла Имре Надя как главу контрреволюционного мятежа, поднятого против государственной власти Венгрии.

Эти действия полностью исчерпывают понятие измены родине.

Как это явствует из публикуемых здесь материалов, свою атаку против государственного строя Венгерской Народной Республики Имре Надь и его сообщники собирались продолжить и после 4 ноября; они призвали себе на помощь против правительства Венгерской Народной Республики вражеские силы с Запада, реакционные круги внутри страны и радиостанцию «Свободная Европа».

Созданное 3 ноября 1956 года Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство во главе с Яношем Кадаром отстояло и укрепило законный государственный строй Венгерской Народной Республики, обеспечило соблюдение Конституции и законности. Его мероприятия, направленные на подавление контрреволюции и укрепление народно-демократического строя, были целиком и полностью одобрены и утверждены Государственным Собранием, избранным в 1953 году.

Контрреволюция в Венгрии была одним из звеньев агрессивной политики западных империалистических держав, направленной против свободы и независимости народов. Известно, что по замыслу западных держав контрреволюция в Венгрии должна была отвлечь внимание от их военного нападения на Египет. Основная цель контрреволюционного мятежа была та же самая, что и тех непрерывных атак, которые империалисты проводят против свободы и независимости арабских и других народов Азии, Африки и Латинской Америки для сохранения экономического и политического господства капиталистических монополий. И это остается фактом, несмотря на всю ту лживую пропаганду, согласно

которой венгерская контрреволюция велась якобы «во имя независимости венгерского народа». Это точно такое же бессмысленное и глупое утверждение, как заявления империалистов о том, будто их вооруженная интервенция на Ближнем и Среднем Востоке необходима для защиты независимости народов от «арабского империализма».

В 1956 году Венгрия уже вторично переживала кровавую контрреволюцию. В 1919 году самые темные, самые реакционные силы с вооруженной помощью тех же империалистов Запада напали на законную власть, на свободное народное государство в Венгрии. В 1919 году Хорти и его компании удалось подавить с помощью иностранных войск и потопить в крови справедливую революцию венгерского народа.

По этому же пути 1919 года, по пути чудовищного белого террора, прислуживания империалистам и реставрации капиталистической эксплуатации направилась и контрреволюция 1956 года. Даже тактика маскировки походила на ту, которая была применена в 1919 году, когда пейдлевское «профсоюзное правительство» взяло на себя предательскую роль и, облачившись в демократическую тогу, помогло приходу к власти фашистов.

В 1956 году задачу проводников фашизма взяли на себя Имре Надь и его сообщники. Правительство Пейдля стремилось в 1919 году запутать народные массы своим лозунгом «социализм без диктатуры», распахнув в то же время настежь ворота для диктатуры белого фашистского террора; Имре Надь и его группа почти буквально следовали по стопам своих бесславных предшественников, когда черный реакционный характер наступления против народно-демократического строя прикрывали такими лозунгами, как «социализм без сталинизма», «демократический социализм», способствуя при этом концентрации и выдвигению на передний план открыто фашистских элементов.

Документы, приведенные в этом сборнике, тоже подтверждают, что империалисты поручили Имре Надю эту роль, роль тарана, но у них был заготовлен план и были наготове отобранные люди для осуществления открытого фашистского кровавого режима.

Не от Имре Надя зависело, что ему не удалось последовать примеру Пейдля и сыграть до конца роль проводника открыто контрреволюционных сил и фашизма. Соотношение сил сейчас, во второй половине XX века, стало

совсем иным, чем в 1919 году: оно благоприятствует не угнетателям народов, а свободолюбивым народам. Опираясь на международные силы социализма и мира, венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство восстановило государственный и общественный строй нашей родины, подвергшийся тяжкому потрясению, вновь восстановило силу нашей Конституции и проводит свою деятельность на законной основе. В результате подавления контрреволюционного мятежа в Венгерской Народной Республике вновь восстановлен конституционный порядок, и наш народ под руководством Венгерской социалистической рабочей партии и Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства, плечом к плечу со всеми прогрессивными силами борется за лучшее будущее человечества.

Важнейшим уроком бесславного провала венгерской контрреволюции 1956 года и всех связанных с ним реакционных выступлений против нашей родины служит то, что в нашу эпоху силы свободы, независимости, мира и социализма гораздо сильнее, чем силы империалистической тирании, и происки империалистов, направленные на закабаление других народов, неизбежно обречены на провал.

АНТИГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАГОВОР, ИЗМЕНА РОДИНЕ, МЯТЕЖ

После того как, успешно завершив борьбу против контрреволюционных вооруженных мятежников, венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство восстановило в стране конституционный порядок, соответствующие следственные и судебные органы приступили к расследованию предыстории и причин контрреволюционного мятежа и деятельности лиц, принимавших в нем участие.

В ходе процесса выявлялось все больше и больше данных, документов и взаимосвязей, которые сделали необходимым распространение следствия на роль и деятельность Имре Надя и его группы.

После всестороннего и тщательного изучения следственными и судебными органами Венгерской Народной Республики всех обстоятельств, 28 января 1958 года прокуратура, исходя из соответствующих статей законов, выдвинула обвинение против Имре Надя и нескольких его единомышленников.

Обвинительное заключение по делу Имре Надя и его сообщников было составлено прокуратурой не на основе нового законоположения, изданного после контрреволюционного мятежа, так же как и приговор был вынесен Коллегией Народного Суда при Верховном Суде не на основе нового закона, а на основе закона № VII об уголовно-правовой защите внутренней безопасности государства, принятого Государственным Собранием еще в 1946 году. Если бы органы правосудия Венгерской Народной Республики на основе вскрытых преступлений не возбудили уголовного дела, они тем самым нарушили бы законы народной республики. Венгерские законы предписывают в обязательном порядке предавать суду лиц, повинных в контрреволюционных преступлениях. Органы правосудия могли бы прекратить ведение законного уголовного процесса лишь в том случае, если бы Президиум Венгерской Народной Респуб-

лики воспользовался своим правом помилования и принял решение о прекращении дела. Президиум Венгерской Народной Республики этим своим правом не воспользовался.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА

Верховный прокурор обвинил :

Имре Надя, обвиняемого I степени, в преступлении по организации деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, и руководству ею, предусмотренном абзацем 1 статьи 1 СУЗ*, и в измене родине, т. е. преступлении, предусмотренном абзацем 1 статьи 35 СУЗ ;

д-ра Ференца Доната, обвиняемого II степени, в преступлении по организации деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, и руководству ею, предусмотренном абзацем 1 статьи 1 СУЗ ;

Миклоша Гимеша, обвиняемого III степени, в преступлении по организации деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, и руководству ею, предусмотренном абзацем 1 статьи 1 СУЗ ;

Золтана Тильди, обвиняемого IV степени, в преступлении по содействию организационной деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, предусмотренном абзацем 2 статьи 1 СУЗ ;

Пала Малетера, обвиняемого V степени, в преступлении по руководству организационной деятельностью, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, предусмотренном абзацем 1 статьи 1 СУЗ, в вооруженном мятеже, предусмотренном статьей 29 ВУК** и абзацем 2 статьи 30 ВУК, и в измене родине, т. е. преступлении, предусмотренном абзацем 1 статьи 38 СУЗ ;

Шандора Копачи, обвиняемого VI степени, в преступлении по руководству организационной деятельностью, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, предусмотренном абзацем 1 статьи 1 СУЗ, в преступлении по вооруженному мятежу, предусмотренном статьей 29 и абзацем 2 статьи 30 ВУК ;

д-ра Йозефа Силадьи, обвиняемого VII степени, в преступлении по организации деятельности, направленной на

*) СУЗ—свод уголовных законов

**) ВУК—Военно-уголовный кодекс

свержение народно-демократического государственного строя, и руководству ею, предусмотренном абзацем 1 статьи 1 СУЗ ;

Ференца Яноши, обвиняемого VIII степени, в преступлении по активному участию в организационной деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, предусмотренном абзацем 2 статьи 1 СУЗ ;

Миклоша Вашархеи, обвиняемого IX степени, в преступлении по активному участию в организационной деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя, предусмотренном абзацем 2 статьи 1 СУЗ,

и б о

обвиняемые I, II, III и VII степеней в период, предшествовавший 23 октября 1956 года, создали враждебную группировку и своей подрывной деятельностью в различных общественных организациях повели наступление против народно-демократической государственной власти, а после того, как была развязана контрреволюция, возглавив ее, повели наступление непосредственно в интересах разложения союза социалистических стран и посягнули на свержение народно-демократического государственного строя ;

обвиняемый IV степени, будучи государственным министром в правительстве Имре Нада, в период между 28 октября и 4 ноября 1956 года умышленно содействовал уклону правительства вправо, разворачиванию антинациональной внешней политики в целях буржуазной реставрации и свержения народно-демократического государственного строя ;

обвиняемые V и VI степеней, как назначенные Имре Надем военные руководители, дезорганизовали верные народной власти вооруженные силы, организовали и провели в жизнь вооружение контрреволюционных сил в целях воспрепятствования вооруженной ликвидации контрреволюции и для свержения народно-демократического государственного строя ;

обвиняемые VIII и IX степеней в период, предшествовавший 23 октября 1956 года, развивали организационную деятельность по созданию враждебной группировки, активно участвовали в наступлении на народно-демократический государственный строй и в осуществлении антигосударственных целей группы, возглавившей контрреволюцию ;

к р о м е т о г о ,

обвиняемый I степени в целях воспрепятствования ликвидации контрреволюции форсировал вмешательство противостоящих ВНР иностранных держав, а 4 ноября, выступив по радио, обратился к ним с воззванием развернуть враждебные действия против венгерского государства ;

обвиняемый III степени после 4 ноября 1956 года принимал участие в руководстве нелегальной организацией «Демократическое движение за независимость Венгрии», редактируя созданную и распространявшуюся в то время нелегальную газету «Двадцать третье октября», в которой в форме программы были определены задачи нелегальной организации по свержению народно-демократического государственного строя ;

обвиняемый V степени, будучи кадровым полковником армии, в период между 25 и 28 октября 1956 года, нарушив приказ министра обороны, с подчиненной ему воинской частью перешел на сторону контрреволюции, 2 ноября 1956 года передал секретные военные сведения английскому военному атташе Каули и дал ему разрешение изучать военное оружие и танки ;

обвиняемый VI степени в качестве начальника Будапештского полицейского управления во время событий октября 1956 года перешел на сторону контрреволюции.

По предложению прокуратуры первое слушание дела в уголовном суде состоялось 6 февраля 1958 года. В связи с дополнительными доказательствами дело рассматривалось на заключительном заседании Верховного Суда с 9 по 15 июня 1958 года и 15 июня Министерством юстиции Венгерской Народной Республики был оглашен приговор.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ИМРЕ НАДЯ И ЕГО СООБЩИКОВ

Сообщение Министерства юстиции

Органы юстиции закончили процесс по делу руководящей группы лиц, которые 23 октября 1956 года при активном содействии империалистов развязали вооруженный контрреволюционный мятеж, направленный на свержение законного строя в Венгерской Народной Республике.

Верховный прокурор Венгерской Народной Республики в своем обвинительном заключении предъявил Имре Надю

и его сообщникам — Ференцу Донату, Миклошу Гимешу, Золтану Тильди, Палу Малетеру, Шандору Копачи, Йожефу Силадьи, Ференцу Яноши, Миклошу Вашархеи обвинение в преступлении по организации деятельности, направленной на свержение народно-демократического государственного строя в Венгрии, и, кроме этого, Имре Надю — обвинение в измене родине, Шандору Копачи и Палу Малетеру — в организации военного мятежа. Дело, возбужденное против обвиняемого Гезы Лошонци, прекращено, так как названный после болезни умер.

Коллегия Народного суда при Верховном Суде ВНР на основании показаний обвиняемых, допроса 29 свидетелей, заслушав представителей обвинения и защиты и рассмотрев обширный материал вещественных доказательств по делу Имре Надя и его сообщников, констатировала :

Имре Надь и его ближайшие сообщники — Геза Лошонци, Ференц Донат, Миклош Гимеш, Йожеф Силадьи в декабре 1955 года организовали тайный антигосударственный заговор с целью насильственным путем захватить власть и свергнуть Венгерскую Народную Республику. На судебном процессе было установлено, что Имре Надь и его сообщники играли руководящую роль в подготовке и развязывании контрреволюционного мятежа в октябре 1956 года. Золтан Тильди и Пал Малетер в октябре 1956 года, ознакомившись с враждебными целями Имре Надя и его сообщников, выразили свое согласие с ними и деятельно включились в контрреволюционный мятеж. Члены заговорщической группы, возглавив силы внутренней реакции и в союзе с иностранными империалистами, совершили попытку путча, направленного на свержение Венгерской Народной Республики.

Суд установил, что Имре Надь уже в конце 1955 года в целях насильственного захвата власти создал из числа своих ближайших сторонников узкую подпольную группу. Подпольная группа осуществляла свою враждебную деятельность, используя как законные, так и незаконные средства и возможности. Для осуществления своих целей, направленных на свержение народной власти, они мобилизовали и привлекли на свою сторону всех и всяческих врагов народно-демократического государственного строя. В то же время, демагогически и лживым образом скрыв свои истинные цели, провозглашая «социалистические» лозунги, они временно ввели в заблуждение и использовали для своих антигосударственных целей также и доверчивых людей.

Группа заговорщиков, в первую очередь руководитель группы Имре Надь, детально разработала политическую платформу, ближайшие задачи, методы и дальнейшие цели движения, направленного против народной демократии. Обвинение представило суду секретные документы, написанные большей частью собственноручно Имре Надем.

Имре Надь в документе, написанном в 1955 году («Мораль и этика»), назвал народно-демократический государственный строй «выродившейся бонапартистской властью» и призвал к насильственному свержению его. В другом документе, написанном в январе 1956 года («Некоторые актуальные вопросы»), он поставил задачу заключить союз с силами, противостоящими народной демократии, отказался от власти рабочего класса и наметил в качестве своей цели восстановление многопартийной системы. В своей работе, написанной в январе того же 1956 года («Пять основных принципов международных связей»), под предлогом «ликвидации политики блоков» Имре Надь выдвинул в качестве одной из целей авантюристической группы ликвидировать оборонительный союз — Варшавский договор и предательски выдать страну в руки империалистов. На основании доказательств и показаний суд установил, что по указанию Имре Нады эти документы размножались и тайно распространялись среди его ближайших сообщников и верных ему элементов.

В ходе процесса было доказано, что подпольная организация, созданная Имре Надем и его сообщниками, проводила планомерную подрывную деятельность в интересах ослабления рабоче-крестьянской власти, разложения законного народно-демократического строя, а затем насильственного захвата власти. К своей подпольной деятельности они привлекли Габора Танцоша и бежавшего позже на Запад Балажа Нада и с их помощью превратили кружок Петефи в сборище враждебных элементов, в орган осуществления нападков на партию и государство. Под предлогом организации дискуссий они сами организовывали мероприятия кружка Петефи, направленные против народной демократии. Многие враждебные выступления были заранее ими подготовлены. В частности, выступление Тибора Дери на так называемой дискуссии по вопросам печати, подстрекающее молодежь к контрреволюционным действиям, было подготовлено им совместно с Гезой Лошонци и Шандором Харасти. С помощью Тибора Дери, Дьюлы Хая, Тамаша

Ацела и подобных им элементов, выступавших против народной республики, эта группа публиковала в печати подстрекательские статьи. В этих статьях они чрезмерно преувеличивали отдельные ошибки, допущенные в процессе строительства социализма, и безудержно клеветали на существующий строй. Целью всего этого было — подрыв власти, дискредитация авторитета государства, мобилизация враждебных народной демократии элементов и насильственное завоевание таким путем власти. В сентябре 1956 года Геза Лошонци публично заявил находившемуся в Будапеште израильскому журналисту Амосу Элону: «Если придется, мы применим против правительства насилие». 20 октября 1956 года Йожеф Силадьи на одном из организованных им подпольных собраний заявил: «Имре Надь и его сподвижники готовы к захвату власти».

Известная демонстрация 23 октября началась по инициативе Имре Надя и его группы, которые использовали для этого свои связи с кружком Петефи и с вузами. Йожеф Силадьи, например, на собрании, состоявшемся ночью 22 октября в Политехническом институте, по поручению Имре Надя лично призвал к демонстрации. Демонстрацией 23 октября руководила группа Имре Надя через посредство Габора Танцоша и его сообщников.

В этот период почти ежедневно, а иногда и несколько раз в день проводились тайные заседания группы заговорщиков. 19, 20 и 22 октября 1956 года по инициативе Имре Надя Геза Лошонци, Ференц Донат, Миклош Гимеш при участии других членов заговора приступили к разработке программы создаваемого ими правительства. Утром 23 октября 1956 года на тайном заседании, состоявшемся на квартире Гезы Лошонци, где, кроме Имре Надя, присутствовали Миклош Гимеш, Миклош Вашархеи, Ференц Яноши и Шандор Харасты, был составлен список членов правительства, которому после насильственного свержения законного венгерского правительства заговорщики намеревались передать власть.

В секретный список членов правительства Имре Надь включил себя в качестве премьер-министра. Министерские же должности были распределены между членами группы заговорщиков.

Для непосредственного руководства вооруженным мятежом, развязанным одновременно с демонстрацией и под ее прикрытием, участники заговора создали несколько спе-

циальных подпольных центров. Один из таких центров, членами которого были Шандор Копачи, Йожеф Силадьи, Миклош Гимеш, Дьердь Фазекаш и Тамаш Ацел, был организован в Будапештском управлении полиции. Шандор Копачи, нарушив присягу, злоупотребив своей должностью начальника Будапештского управления полиции и введя в заблуждение своих подчиненных, выполнял задания, разработанные подпольным центром. В интересах вооружения враждебных народной демократии сил и в то же время с целью разложения вооруженных сил, преданных социализму, он дал приказ районным полицейским управлениям не оказывать сопротивления мятежникам а, наоборот, передать им свое оружие и полицейские здания. Таким образом, Шандор Копачи роздал мятежникам более 20 тысяч единиц огнестрельного оружия из запасов полиции. С этой группой тесно сотрудничал другой, созданный 24 октября 1956 года вспомогательный центр, членами которого были Геца Лошонци, Ференц Донат и Ференц Яноши. Этот центр, в частности, руководил подрывной деятельностью в рядах армии и в то же время регулярно передавал мятежникам военные планы вооруженных сил, защищавших народную республику.

Имре Надь и его сообщники уже задолго до октябрьского мятежа установили тайные связи и вели переговоры со сторонниками буржуазной реставрации, с которыми они заключили союз в интересах насильственного захвата власти. В процессе этих переговоров, например, Геца Лошонци и Шандор Харасты уже в июле 1956 года лично, а позже при посредстве Иштвана Эрдеи договорились с Анной Кетли о том, что она будет участвовать в создаваемом правительстве Имре Надя. В декабре 1955 года Имре Надь решил восстановить старые так называемые «коалиционные» партии и вместе с ними сформировать правительство. Однако Имре Надь пошел намного дальше после того, как он, опираясь на контрреволюционные силы, путем насилия и обмана занял пост премьер-министра. Не зная границ, он сделал в течение нескольких дней контрреволюции возможным создание в нарушение Конституции 70 различных партий и организаций, в том числе пресловутых — запрещенных по мирному договору — буржуазно-фашистских партий, как партия Венгерской жизни, Христианская демократическая партия, Христианская венгерская партия, Венгерская народная партия, Национальный лагерь, Христианский фронт, Като-

лическая народная партия, Христианская народная партия и в городе Дьере — Партия скрещенных стрел.

Для обеспечения своей власти заговорщическая группа Имре Надя заключила союз и с другими группами самой крайней реакции. Она «реабилитировала» и предоставила возможность выступить против народной республики даже законно осужденному бывшему кардиналу Йожефу Миндсенти. После того, как при посредничестве Золтана Тильди группа Имре Надя пришла к соглашению с Миндсенти, 3 ноября он выступил по радио с программой реставрации капитализма. Имре Надь и его сообщники пришли также к соглашению и с венгерской буржуазно-фашистской эмиграцией, состоящей на службе империалистов. Об этом свидетельствует заявление председателя так называемого «национального комитета» Белы Варга от 28 октября 1956 года, в котором он заявил: «Члены комитета поддерживают постоянную связь с руководителями венгерского мятежа.» Вслед за этим Золтан Тильди по телефону договорился с Ференцем Надем, прибывшим в Вену для поддержки контрреволюции, о том, что эмиграция — на стороне правительства Имре Надя.

Будучи премьер-министром, нарушив данную им присягу, Имре Надь отстранил от руководства конституционные руководящие органы страны — Государственное Собрание, Президиум ВНР и правительство — и незаконным путем в качестве собственного органа правления создал так называемый «кабинет». Этот кабинет уже тогда был составлен таким образом, что в нем преобладали реакционные силы, хотя с целью обмана масс Имре Надь включил в него и лиц, преданных социализму. Однако 2 ноября он реорганизовал и этот кабинет, ввел в него новых крайних представителей буржуазной реставрации и руководителей контрреволюционного мятежа. В это время членами кабинета, кроме Имре Надя, Гезы Лошонци, Золтана Тильди, были уже и Анна Кетли, Иштван Б. Сабо, Иштван Бибо и в качестве министра обороны — командующий вооруженными силами контрреволюционных мятежников Пал Малетер.

После разложения и отстранения центральных органов власти народной республики Имре Надь и его заговорщическая группа приступили к ликвидации местных органов власти. Они упразднили законные органы государственной власти — местные советы, органы хозяйственного управле-

ния и заменили их так называемыми «революционными комитетами», созданными главным образом из буржуазных, фашистских элементов, и так называемыми рабочими советами, предназначенными для обмана рабочего класса.

Своей предательской и подрывной деятельностью Имре Надь и его сообщники, добившись приказа о прекращении огня, в конце концов парализовали вооруженные силы, защищавшие народную республику. В то же время они организовывали, снабжали оружием и, наконец, узаконили контрреволюционные силы мятежников. В так называемую «национальную охрану» они собрали военных и антинародных преступников, освободившихся из тюрем заключенных и всевозможных врагов народной демократии. После этого в Будапеште и повсюду в стране начался белый террор. По вывешенным до сего времени данным террористические отряды во время кратковременного господства Имре Надя и его группы зверски убили 234 беззащитных гражданина. В эти же дни было брошено в тюрьмы 3 тысячи прогрессивных, преданных народно-демократическому строю граждан, казнь которых была запланирована на ближайшие дни. Кроме этого, до 4 ноября были составлены списки и подготовлено массовое убийство более 10 тысяч человек.

Одновременно с тем, как Имре Надь и его сообщники собирали вокруг себя реакционные, контрреволюционные силы страны, они устанавливали также широкую связь и сотрудничество с различными кругами, органами и представителями империалистов. Один из членов группы заговорщиков Ласло Кардош имел связь с бывшим сотрудником английской миссии в Будапеште Копом, при содействии которого на Запад были контрабандой вывезены антигосударственные политические материалы, написанные Имре Надем. При посредстве Пала Малетера они поддерживали связь с английским военным атташе Каули, принявшим непосредственное участие в военном руководстве мятежом. При содействии Гезы Лошонци были установлены связь и сотрудничество с присланным в Венгрию представителем западногерманских империалистов герцогом Левенштейном. На основании переговоров с Гезой Лошонци герцог Левенштейн, выступая по радиостанции Кошута, заверил контрреволюционных мятежников в поддержке со стороны западногерманского капитала.

Одновременно определенные империалистические круги во главе с американскими империалистами уже на протя-

жении многих лет направляли деятельность всего своего пропагандистского аппарата и разведки на поддержание венгерских представителей контрреволюционного направления, называемого ими «национальным коммунизмом», группы Имре Надя. Орган американской разведки «Страсбургский университет» в сентябре 1956 года разработал программу контрреволюционного мятежа, которая нелегально распространялась внутри страны. Во время контрреволюции они контрабандой вместе с посылками Красного Креста присылали в страну большое количество оружия. Одновременно с этим империалистическая печать и радио развернули кампанию с целью популяризации личности Имре Надя. Они подчеркивали, что западным державам выгоднее, если отрыв Венгрии от социалистического лагеря будет произведен «группой, носящей коммунистическое название». Пресловутая радиостанция «Свободная Европа» в своих передачах на венгерском языке, при помощи организованного ею же запуска воздушных шаров подготавливала почву для контрреволюционного мятежа, а после того как он был развязан — руководила мятежниками и давала им военные указания. Заговорщицкая группа выполнила эти указания.

В интересах осуществления своих целей и для того, чтобы полностью открыть путь для империалистического вмешательства, Имре Надь и его предательская группа попытались незаконным путем денонсировать Варшавский договор — оборонительный союз, в который входит ВНР. Завершением этой попытки явилось выступление Имре Надя по радио 4 ноября 1956 года, в котором он призвал империалистов к открытому вооруженному выступлению против Революционного Рабоче-Крестьянского правительства и советских войск, призванных этим правительством на помощь.

После поражения контрреволюционного вооруженного мятежа отдельные группы заговорщиков вроде Имре Надя стали искать прибежище там, откуда и раньше получали поддержку. Из участников государственного переворота Бела Кирай, Анна Кетли, Йожеф Кеваго и другие бежали от ответственности на Запад. Йожеф Миндсенти, как известно венгерским властям, скрылся в американской миссии. Иштван Б. Сабо попытался скрыться в английской миссии в Будапеште. Группа Имре Надя, выступавшая ранее под пиратским знаменем «национального коммунизма», сбежала от ответственности в югославское посольство в Будапеште.

Характерно, что вероломные заговорщики продолжали неизменно проводить свою контрреволюционную деятельность даже тогда, когда венгерский народ под руководством Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства приступил к восстановлению законного порядка, к обеспечению мирной жизни народа и к ликвидации тяжелого ущерба, нанесенного контрреволюционерами. Анна Кетли, Бела Кирай, Йожеф Кеваго и их сообщники с Запада, а Имре Надь, Геза Лошонци и другие из здания посольства Югославии давали инструкции относительно продолжения вооруженного сопротивления, организации забастовок, парализующих жизнь, реорганизации подпольной подрывной работы.

Так, например, Имре Надь и Геза Лошонци, находясь в здании югославского посольства, установили через Миклоша Гимеша и других своих сообщников связь с центральным будапештским рабочим советом, с радиостанцией «Свободная Европа» и даже начали издавать новую подпольную газету «23 октября». Все это было доказано неоспоримыми фактами в ходе проведенного позднее следствия и на судебном процессе.

Материалы следствия и судебный процесс показали и подтвердили, что Имре Надь и его сообщники в соответствии с их прежними ревизионистскими, буржуазно-националистическими политическими взглядами закономерно скатились к союзу с самыми реакционными, империалистическими силами буржуазии, к предательству народно-демократического строя, венгерского трудового народа и социалистической родины.

На судебном процессе подсудимые Ференц Донат, Миклош Гимеш, Золтан Тильди, Шандор Копачи, Ференц Яноши, Миклош Вашархеи, выразив раскаяние, полностью признали свою виновность. Имре Надь, Йожеф Силадьи и Пал Малетер отрицали свою виновность. Однако в ходе процесса они были изобличены показаниями сообщников и свидетелей, а также вещественными доказательствами, и в своих показаниях частично признали факты своих преступлений.

Коллегия народного суда при Верховном Суде Венгерской Народной Республики, взвесив тяжесть преступлений, отягчающие и смягчающие обстоятельства, на основании материалов процесса признала подсудимых виновными в совершении преступлений, явившихся предметом обвинения, и приговорила Имре Надя к смертной казни, Ференца Доната — к 12 годам тюремного заключения, Миклоша Гимеша —

к смертной казни, Золтана Тильди — к 6 годам тюремного заключения, Пала Малетера — к смертной казни, Шандора Копачи — к пожизненному тюремному заключению, д-ра Йожефа Силадьи — к смертной казни, Ференца Яноши — к 8 годам тюремного заключения, Миклоша Вашархеи — к 5 годам тюремного заключения.

Приговор обжалованию не подлежит. Смертные приговоры приведены в исполнение.

ЗАГОВОР С ЦЕЛЮ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЗАХВАТА ВЛАСТИ

ИМРЕ НАДЬ ПИСЬМЕННО ИЗЛАГАЕТ СВОИ АНТИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЛАНЫ И ОРГАНИЗУЕТ НЕЛЕГАЛЬНУЮ ГРУППУ

Имре Надь написал в 1955 году и в самом начале 1956 года ряд статей под следующими заглавиями:

«Мораль и этика»;

«Пять основных принципов международных связей»;

«Несколько актуальных вопросов».

В ходе следствия венгерские следственные органы конфисковали и подлинные экземпляры этих статей, которые Имре Надь написал собственноручно.

В этих статьях он в письменном виде изложил свои антигосударственные планы, эти статьи составляли политическую программу тайной организационной работы, направленной против народной демократии, и руководившейся им.

В своей статье «Мораль и этика», написанной в декабре 1955 года, Имре Надь поставил целью свержение — как он выразился, «разгром» — народно-демократического государственного строя. В статье «Несколько актуальных вопросов» (январь 1956 года) он включил в свою программу союз с силами, противостоящими народной демократии, и высказал, что, отказавшись от власти рабочего класса, следует восстановить многопартийную систему, а вместе с ней — коалиционную систему правления. В работе «Пять основных принципов международных связей», пространно излагающая необходимость «ликвидации политики блоков», он высказывается за то, что Венгрия должна выйти из Варшавского договора.

Свои статьи он утаил от руководящих органов и народа страны. В то же время он передал их членам своей нелегально организовывавшейся группы, которые с его ведома и даже по его поручению доставили их различным иностранным державам, от которых надеялись получить поддержку.

С целью осуществления разработанных им планов по свержению народно-демократического строя Имре Надь еще задолго до октябрьского контрреволюционного мятежа 1956 года приступил к организации своей политической группы.

Он тщательно отбирал таких лиц, о которых знал, что они придерживаются политических взглядов, одинаковых с его воззрениями или близких к ним, а также таких, которым в предшествовавшие годы был нанесен ряд личных обид и о которых он мог поэтому предполагать, что их можно будет повернуть против народно-демократического государственного строя, что ему удастся привлечь их к осуществлению своих изложенных в статьях тайных планов, вовлечь их и в нелегальную заговорщическую группу.

Ференц Яноши показал об этом следующее :

«Группа сложилась вокруг Имре Надя, он был политически наиболее весомым представителем ее. Направление указывали Имре Надь и Лошонци. Имре Надь был одним из инициаторов и руководителей группы».

В ходе слушания дела 8 февраля 1958 года председатель суда задал Ференцу Яноши несколько дополнительных вопросов :

«Председатель: С кем из тех писателей, журналистов, общественных деятелей поддерживали вы связь в конце 1955 года, но главным образом в 1956 году еще до октябрьских событий, о которых вы знали, что они сторонники политической линии Имре Надя?»

Ференц Яноши: Сюда относились Шандор Харасты, Геза Лошонци, Миклош Вашархеи, Миклош Гимеш, Дьердь Фазекаш.

Председатель: А с кем из писателей?»

Ференц Яноши: С Тамашем Ацелом, Золтаном Зелком, Дьюлой Хаем».

Ференц Донат показал следующее :

«Имре Надь сам руководил деятельностью группы, а также отдельных лиц, входивших в нее. Относительно лиц, группировавшихся вокруг Имре Надя, было в первую очередь известно, что они противостояли политике партии в целом или частично. В ходе бесед с этими людьми Имре Надь одобрял их взгляды, и поэтому они

в лице Имре Надя видели того человека, который осуществит их политические взгляды и замыслы».

Шандор Харасты, член антигосударственной подпольной организации, выступавший свидетелем по этому делу, в своем показании указал, что в определенной форме группа Имре Надя сложилась осенью 1955 года. В этот момент к числу членов группы можно было отнести Гезу Лошонци, Миклоша Вашархеи, Ференца Доната, Миклоша Гимеша, Силарда Уйхеи и Шандора Харасты.

Встал вопрос, в какой форме нужно создавать организацию. Из свидетельских показаний Силарда Уйхеи выясняется, что имелся и план организации подпольного центра. Уйхеи рассказал следующее :

«Шандор Харасты сказал мне, что Миклош Гимеш предложил Имре Надю создать полулегальную или нелегальную организацию, в задачу которой входило бы спланировать и направлять тех, кто по всей стране открыто выступал в партийных организациях против тогдашнего правительства и партийного руководства». В феврале в ходе слушания дела Имре Надь ответил на вопросы председателя суда :

«Гимеш в середине 1956 года или около этого внес такое предложение, что было бы хорошо создать из лиц, близких к моей политике, более узкий комитет. Эта проблема была поставлена два раза. Один раз непосредственно Гимеш, Фазекаш и Лечеи выдвинули передо мной этот вопрос».

О распространении антигосударственных статей Имре Надя Миклош Вашархеи показал 8 февраля, отвечая в ходе процесса на вопросы председателя, следующее :

«Председатель : Получили ли вы от Имре Надя составленные им политические статьи, которые Имре Надь написал в 1955 или 1956 годах?»

Миклош Вашархеи : Да, получал. Получил статью «Пять принципов». И другие статьи тоже. Получил «Мораль и этику», статью об экономических вопросах, потом о злободневных вопросах, словом, получил несколько статей».

В тот же день Шандор Копачи заявил в своих показаниях :

«В сентябре 1956 года Дьердь Фазекаш дал мне статью Имре Надя «Мораль и этика».

На вопрос, с какой целью Имре Надь передал ему и другим лицам свои враждебные по содержанию статьи, Шандор Хараста ответил :

«Для того, чтобы мы познакомились с его точкой зрения по вышеназванным вопросам и затем распространяли ее в кругах интеллигенции, к которым мы принадлежим. В ходе бесед я распространял тезисы Имре Надя прежде всего среди журналистов...»

Габор Танцош, секретарь кружка Петефи, член антигосударственного заговора, показал следующее :

«Поздним летом 1956 года Балаж Надь дал мне для прочтения статью в 50—60 страниц, отпечатанных на машинке. Он сообщил мне, что эта статья написана Имре Надем».

Янош Мико, контролер городского транспорта, в своих показаниях рассказал :

«Балаж Надь и я отправились к Имре Надю. Вообще значительная часть беседы была посвящена рассказам Имре Надя о своих личных обидах. Здесь он дал нам для ознакомления и свои работы. Он просил прочитать его работы и передать их затем для прочтения еще нескольким людям, симпатизирующим ему. Он намекнул, что было бы плохо, если бы партия узнала об этой его деятельности».

Несмотря на совпадающие показания, Имре Надь утверждал в ходе судебного процесса, будто он не распространял свои упомянутые работы, не собирался использовать их против народно-демократического государственного строя и, насколько он помнит, передал их только Миклошу Вашархеи и Миклошу Гимешу, да и то только для прочтения. Ответственность за нелегальное распространение статей он старался взвалить на Вашархеи и Гимеша.

10 июня в ходе процесса была устроена очная ставка Шандора Хараста, заслушанного как свидетеля, и Имре Надя.

Шандор Хараста заявил :

«В кругу членов группы статьи Имре Надя были известны. Я тоже заметил Имре Надю, что не считаю правильным, что он хочет распространять свои воззрения таким путем».

Имре Надь продолжал отпираться :

«Отрицаю, что мои статьи были пущены в обращение. В более узком кругу некоторые мои статьи обращались. Утверждение Харасты, будто он неодобрительно сообщал мне, что мои статьи попадают в другие руки, я отвергаю.»

Из материалов и показаний, помещенных в главах V и VII нашей книги, выясняется, что статьи Имре Надя по его непосредственному указанию были переданы и за границу.

ПОДРЫВНАЯ РАБОТА ПРОТИВ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ПОД ЛЕГАЛЬНЫМ ПРИКРЫТИЕМ

Члены группы Имре Надя стремились — одновременно с нелегальной конспирацией — как можно шире использовать легальные возможности для нападения на народно-демократический строй. Их целью было создание различных группировок, побуждение их к открытому выступлению, противопоставление их государственному руководству и тем самым «приведение в движение» внутренней реакции. Именно поэтому, опираясь прежде всего на буржуазные и мелкобуржуазные элементы, они в этих рамках стремились создать себе для осуществления своих враждебных планов идеологическую и организационную базу в определенных кругах интеллигенции.

Первым таким действием нелегальной группы явилась организация так называемого меморандума писателей. Этот меморандум был составлен в октябре 1955 года, и его дали подписать ряду писателей, журналистов, деятелей искусств. Те немногие проблемы культурной жизни, которые были упомянуты в меморандуме, являлись для группы лишь предлогом для антиправительственного политического выступления.

Общественному мнению, да и значительной части подписавших меморандум не было известно, что этот меморандум был задуман и составлен группой Имре Надя, и что она же организовала подписание его.

Из свидетельских показаний выяснилось, что политический смысл так называемой кампании по меморандуму заключался в том, чтобы, используя недостатки в разрешении тогдашних проблем культурной жизни, атаковать пар-

тию и государственное руководство. Об этой акции говорилось несколько раз, в том числе на квартире Имре Надя.

Миклош Вашархеи показал следующее :

«Сбор подписей в основном тоже проводили мы, а именно : Шандор Харасты, Геза Лошонци, Тибор Дери, Золтан Зелк и я, а также один-два человека, не принадлежавших к группе. Насколько мне известно, Имре Надь знал об этом и был согласен с нашей акцией. Позже, когда мы собирали подписи, он торопил с подачей меморандума. Вследствие этой акции особенно в интеллигентских кругах возросло недоверие к политике партии и правительства. Массам эта акция была известна как акция венгерской интеллигенции, в действительности же эту акцию, по существу, задумала и осуществила группа Имре Надя».

После разъяснения партии значительная часть подписавших меморандум убедилась, что этот меморандум носит фракционный антипартийный характер, исполнен враждебных намерений, и поэтому взяла обратно свои подписи. Члены группы Имре Надя выступили против них и со своей стороны приняли решение не отказываться от своих подписей. Вашархеи в своем показании рассказал об этом следующее :

«После писательского актива 6 декабря 1955 года мы — Шандор Харасты, Геза Лошонци, Тибор Дери, Силард Уйхеи, Тамаш Ацел и еще несколько человек — собрались на квартире Гезы Лошонци и там приняли решение, что, вопреки партийному решению, не возьмем обратно свои подписи под меморандумом. Я сообщил об этом решении и Имре Надю, который согласился с ним».

Группа Имре Надя направляет кружок Петефи — публичный форум вражеской агитации

Группа Имре Надя использовала в качестве своего легального прикрытия кружок Петефи, из-за кулис направляла и организовала ряд дискуссий в кружке, особенно пресловутую дискуссию о печати. Группа обсудила выступления ряда журналистов, организовала эту дискуссию так, чтобы она превратилась во враждебную демонстрацию.

На заседании суда 11 июня Габор Танцош сказал в своем свидетельском показании следующее :

«В кружке Петефи мы популяризировали личность и политику Имре Надя. Члены группы Имре Надя — Лошонци были несколько раз руководителями дискуссий. Дискуссионной по экономическим вопросам руководил Донат, другой дискуссионной — Силард Уйхеи, дискуссионной о печати — Геца Лошонци, дискуссию на тему «Венгрия — сад» вел опять же Донат».

Писатель Иштван Маркуш, участник контрреволюционного заговора, показал об этом следующее :

«...с середины или с конца мая Танцош и его товарищи, направлявшие деятельность кружка Петефи, сознательно стремились организационно обосновать, укрепить, расширить кружок Петефи, как центр пропаганды имренадевского направления.

В конце мая — начале июня возникли и иные планы. Так возникла мысль, что кружок Петефи надо превратить в более крепкую организацию — ввести членские взносы, время от времени проводить собрания членов, созвать «учредительное собрание», которое изберет новое руководство, создать отраслевые секции и т. д. Было запланировано издание периодического журнала — по возможности печатного еженедельника, а пока это невозможно — литографированных «бюллетеней». Этот журнал, по плану, должен был публиковать важнейшие места из материалов дискуссий и, естественно, служил бы для того, чтобы укреплять базу кружка, увеличивать радиус его действия, повышать его политическую силу. Появилась мысль и о том, чтобы создать в провинции «малые кружки Петефи» главным образом, конечно, в крупных провинциальных городах, в университетских центрах. Шла речь и о том, чтобы студенты — предположительно по факультетам — создали свои специальные дискуссионные кружки, по образцу кружка Петефи. Имелись даже высказывания относительно того, что рабочая молодежь также должна создавать свои кружки Петефи».

Шандор Хараста показал :

«Группа Имре Надя расценивала кружок Петефи как орган, пригодный для провозглашения нашей поли-

тической платформы. Его нужно использовать именно с этой целью. Геза Лошонци и Ференц Донат взяли за то, чтобы провести дискуссии по различным вопросам на собраниях кружка Петефи, где высказывали и свою точку зрения. После решений Центрального Комитета партии, осудившего дискуссии кружка Петефи, политическая деятельность группы Имре Надя приостановилась. Нужно сказать, что Имре Надь был не согласен с временным отступлением в политической борьбе группы. Он считал, что политическую борьбу нужно продолжать с неослабевающей силой».

Ференц Донат подтвердил, что атаки были организованными :

«С весны 1956 года дискуссионные вечера кружка Петефи были важным местом деятельности группы. Отдельные дискуссионные вечера — так, например, дискуссия о печати — были поставлены на повестку дня руководителями кружка Петефи после предварительного обсуждения с Гезой Лошонци. Тем самым они, по существу, вели организованную деятельность, направленную против партии и государственного руководства».

Из показаний писателя Тибора Дери, принадлежавшего также к контрреволюционной группе :

«За день-два до проведения дискуссии о печати я зачитал часть (начало) моей речи, написанной мною в Клубе журналистов, Гезе Лошонци, Шандору Хараси, Золтану Зелку, принадлежавшим к группе Имре Надя. Они с большим одобрением встретили зачитанную часть речи, и это убедило меня, что речь правильна. До произнесения речи о ней знал еще Ференц Донат. Я предполагаю, что Донат узнал о содержании моей речи от кого-либо из членов группы Имре Надя. Не исключено, что он узнал об этом от самого Имре Надя».

На столь основательно подготовленных и организованных дискуссиях кружка Петефи звучали все более резкие нападки на народно-демократический строй ; особенно враждебно выступали отдельные участники дискуссии о печати — в первую очередь Тибор Дери и Тибор Тардош —, призывая к «действию», т. е. к нападению на существующий строй.

Тибор Дери предостерегал в своем выступлении: критика должна быть направлена не только против «поверхностных явлений, симптомов болезни», т. е. против ошибок, — острие атаки должно быть направлено на «самое существо, на возбудителя болезни», на сам строй. Он призывал к наладкам не только на отдельных лиц, но и на «мысли, представителями которых они являются».

«Пока наша критика, — сказал он, — обращена чуть ли не в главной своей части против лиц... и не ищет, нет ли определенных ошибок и в системе нашей идеи, до тех пор мы неминуемо можем добиться только того жалкого результата, что меняем зло на меньшее зло».

«Здесь речь идет об ошибках в самой структуре», — продолжал Дери и добавил, что требуется действие:

«1500—2000 человек, в основном все те же, ходят с одной дискуссии на другую... Мы гремим словами, радуемся им, как ребенок ярмарочной трубе, и не замечаем, что наши слова остаются словами, наши надежды пока что бесплодны, а конкретные факты вокруг нас не особенно-то меняются. Но что же может быть, в конце концов, результатом этого? То, что мы продаем перво-родное право действия за возможность произнести звучную речь.»

Проводя в своем выступлении, отличавшемся тем же демагогическим подстрекательством, что и выступления других членов группы Имре Надя, фальшивые исторические параллели, Тибор Тардош по существу подстрекал к захвату типографий, находящихся в собственности народного государства, если его слушатели хотят завоевать «свободу печати». К кому обращался Тардош? Кого он науськивал? Для кого он требовал свободы печати? Решение правления кружка Петефи от 9 июля 1956 года констатировало, что «на дискуссии кружка Петефи о печати присутствовали те бывшие студенты, которые в свое время организовали партии Пфейффера и Шуйока, а также заправили бывших реакционных молодежных организаций и организации «Католическое действие».

О своем собственном выступлении Тибор Тардош в показании сказал следующее:

«На дискуссии о печати в кружке Петефи я говорил о том, что наш «все растущий отряд» представляет

собой партию. Под этим, пусть это и не было произнесено вслух, я подразумевал членов кружка Петефи, писателей и всех тех, кто был сторонником политического руководства Имре Надя».

Деятельность группы Имре Надя и особенно открыто подстрекательский тон, взятый кружком Петефи, ободряли и остальных врагов народной демократии, побуждали их к действию.

Иштван Б. Сабо (принадлежал к правому крылу бывшей Независимой партии мелких хозяев, кулак, позднее стал статс-секретарем в правительстве Имре Надя и членом кабинета. — Прим. ред.) в своих показаниях рассказал, что прежние правые, реакционные руководители Независимой партии мелких хозяев неоднократно собирались на совещания :

«Нас сильно занимали происходившие в стране события. Мы со вниманием следили за дискуссиями в кружке Петефи, за печатью, давали оценку и делали выводы. Мы считали, что Имре Надь в скором времени придет к власти, и это может представлять для нас преимущество. Мы надеялись, что, если Имре Надь будет руководить страной, представится также возможность обновить Независимую партию мелких хозяев. Мы одобряли его выступление 1953 года и предполагали, что он разовьет его дальше на коалиционной основе».

В борьбе за достижение своих целей Имре Надь и его сообщники придавали особое значение оказанию влияния на писателей и журналистов, чтобы с их помощью начать концентрированное наступление в печати против партии и государства. Уже сам тот факт, что Лшонци и остальные добились, чтобы кружок Петефи включил в план работы дискуссию о печати, и что они с огромным вниманием отнеслись к подготовке и проведению этой дискуссии, показывает, что группа Имре Надя хотела непременно использовать в своих целях печать, играющую большую роль в формировании общественного мнения. Пользуясь своими постами в отдельных редакциях, члены группы Имре Надя занимались популяризацией своих различных действий и теорий и стремились подорвать доверие к народно-демократическому строю и социализму.

Находившиеся под их влиянием газеты популяризировали деятельность кружка Петефи, отводя его дискуссиям

несоразмерно много места. Габор Танцош в своих показаниях коснулся и этого :

«Газета «Мадьяр немзет», в которой Лошонци имел большое влияние, будучи ее ведущим сотрудником, регулярно и много писала о кружке Петефи, помещала хвалебные статьи о его деятельности и дискуссиях. В беседах с Лошонци мы отмечали этот факт, как весьма отрядный».

Касаясь воздействия на писателей и журналистов, Шандор Харати рассказал :

«Главной сферой моей агитационной деятельности была среда писателей и журналистов. В этой области подобной политической деятельностью занимались также Миклош Вашархеи, Геца Лошонци, Миклош Гимеш, Дьердь Фазекаш.»

Миклош Вашархеи показал :

«Значительно оживилась публицистическая деятельность отдельных членов группы и близких группе писателей и журналистов, которые поднимали в печати щекотливые проблемы, и часто представляли их в весьма преувеличенном виде. Мне известно, что Шандор Харати, Геца Лошонци и в этот период находились в постоянной связи с писателями и вместе с Тибором Дери, Золтаном Зелком, Ласло Беньямином приняли активное участие в политической подготовке конференции писателей» . . .

Несмотря на то, что группа Имре Надя создала значительный лагерь своих сторонников в Союзе писателей и Союзе журналистов, в начале 1956 года она все же считала свое положение очень неблагоприятным. Она чувствовала, что не имеет существенного влияния на основные массы населения страны, и в первую очередь — на рабочий класс.

Шандор Харати показал об этом следующее :

«Помнится, однажды вместе с Гимешем мы возвращались от Имре Надя. Беседовали. Гимеш говорил, что наша борьба не выходит за рамки интеллигенции. Причину этого он видел в неорганизованности нашей работы. Когда я поинтересовался, что он имеет в виду, он высказал мнение, что более успешно мы сможем продолжать свою борьбу, если распространим ее и на

неинтеллигентские массы. В качестве предпосылки этого он поднял вопрос о создании соответствующей организации».

Имре Надь временами тоже бывал недоволен активностью членов группы, о чем Шандор Хараста рассказал :

«Были случаи, когда Имре Надь сам предлагал и торопил проведение определенных кампаний, в других случаях он политическую работу членов группы считал неудовлетворительной. Имре Надь поднял вопрос о необходимости начать политическую кампанию за отмену решений о его смещении и исключении из партии. Имре Надь не раз упрекал членов группы в том, что хотя лагерь сторонников группы среди журналистов довольно велик, в печати все же не проявляется оппозиции. Он говорил об этом прежде всего Гезе Лошонци и Миклошу Гимешу».

Из показаний Миклоша Вашархеи явствует также, что Имре Надь требовал от членов группы более открытых выступлений враждебного характера. Вашархеи рассказал следующее :

«Имре Надь соглашался с каждым нашим подобным выступлением, отдельные выступления совершались по его инициативе, а в некоторых случаях, как я уже показывал, в связи с предыдущим вопросом, он выражал неудовольствие в связи с недостаточностью того или иного нашего шага.

Замечу, что Имре Надь не одобрял, что после июльского постановления партии мы приняли нашу реабилитацию, хотя его дело не было урегулировано. Он упрекал нас, что мы приняли различные посты, в то время как он даже не восстановлен в партии».

В этих показаниях, как припев, повторяется тема о восстановлении Имре Надя в партии и систематическая подрывная деятельность, направленная на разложение партии. Они прекрасно понимали, что чем в большей мере удастся им нарушить единство партии, тем больших результатов могут ожидать они от своей подрывной работы, тем легче смогут захватить инициативу и воспрепятствовать тому, чтобы Центральное Руководство партии могло последовательно осуществлять решения июльского пленума, взяв курс на исправление допущенных в прошлом ошибок, и

чтобы это принесло свои плоды. Ведь, как свидетельствуют приведенные показания и как это доказывается целым рядом позднейших документов, их целью было не исправление ошибок, а захват власти в интересах свержения народно-демократического строя.

Попытки подстрекательства рабочих

Чем ближе подходили Имре Надь и его группа к мысли о свержении народно-демократического строя, тем более решительно пытались они распространить свое влияние и на рабочий класс или, по крайней мере, на часть рабочего класса. В этих целях они сочли необходимым, чтобы органы, занимавшиеся вопросами культуры, в которых они имели наибольшее влияние, занимались в первую очередь экономическими и политическими вопросами. Здесь они имели в виду прежде всего Союз писателей и его орган — «Иродалми уйшаг», а также журнал «Беке эш сабадшаг», еженедельник «Мювелът неп» и другие подобные печатные органы и организации. Шандор Харасты на слушании дела в суде 10 июня показал по этому вопросу :

«Имре Надь хотел, чтобы в области культуры — в Союзе писателей и Союзе журналистов — мы выступали не только с нашими возражениями против культурной политики партии, но обсуждали и общегосударственные политические вопросы. Имре Надь выражал недовольство тем, что уделяется мало места обсуждению экономического положения страны. Он говорил членам группы, что было бы правильным, если бы они искали связей с заводскими партийными организациями».

Эта тактика группы Имре Надя нашла свое выражение в сентябрьской конференции Союза писателей 1956 года, которая, как об этом уже говорилось в показаниях Вашархеи, была подготовлена группой Имре Надя. По предложению Шандора Лукачи (писатель, во время контрреволюции подвизался в «революционном комитете интеллигенции», один из авторов контрреволюционного воззвания этого комитета. — Прим. ред.) эта конференция вынесла следующую резолюцию :

«После конференции каждый писатель или группа писателей должны побывать на 10—15 или еще большем числе предприятий и познакомить рабочих с дея-

тельностью нашей конференции и вообще с положением современной литературы».

Конференция в общем обсуждала политические вопросы, вопрос «реабилитации» Имре Надя и другие вопросы, инспирированные группой Имре Надя, а вышеприведенная резолюция означала намерение популяризировать эти вопросы среди рабочих.

Группа Имре Надя предпринимала и другие шаги для распространения своего влияния. Группа организовала празднование 60-летия Имре Надя, что также превратилось во враждебную по своему характеру политическую демонстрацию. Ференц Яноши показал об этом следующее :

«... В самом конце мая 1956 года на квартире у Имре Надя зашла речь о праздновании его дня рождения. Имре Надь заявил, что он ни в коем случае не считал бы правильным проведение такой годовщины в публичном месте ; по его мнению, день рождения нужно отметить у него на квартире, где он будет принимать гостей. После уже мы с Хараси пришли к заключению, что это явилось поводом для выражения политических симпатий. Позже на квартире у Имре Надя Лошонци, Хараси, Шурец, Уйхеи и я беседовали на эту тему и единодушно пришли к указанному мнению». Ференц Донат рассказал :

«Значительным этапом деятельности группы Надя было празднование его дня рождения летом 1956 года, которое предоставило Надю удобный случай устроить демонстрацию. Он пригласил тех, кто по той или иной причине противостоял руководству».

Проводники контрреволюционной пропаганды

Во второй половине 1956 года, но особенно в недели, предшествовавшие октябрьской контрреволюции, члены группы Надя и примыкавшие к ним лица в «Иродалми уйшаг» и в других газетах все более открыто призывали к борьбе против народно-демократического строя, к «революции». Газеты, находившиеся под влиянием группы, все в большей степени становились проводниками контрреволюционной пропаганды.

Так, Миклош Вашархеи писал в газете «Хетфеи хирлап» о венгерской народной демократии, что в ней «никогда

не было демократии, не было свободы, так как в ней воплотились прекраснейшие идеалы человечества».

Шандор Новобацки писал в «Иродалми уйшаг» о партийных работниках-коммунистах, что партийный функционер считает себя «призванным к господству, и обычно его постигает та же участь, что и римского наместника: миролюбивые и почтительные греки кланялись, встречаясь с ним, но когда он проходил, с ненавистью смотрели ему вслед».

Дьюла Хай писал о том, что вскоре «начнется большая выбраковка». Лайош Тамаш тоже призывал к мятежу: «Расцвети из нашей крови, расцвети, наконец, революция...»

Тамаш Ацел, обращаясь к Западу, писал в своей оде:

«Европа... уже и мы собираемся в путь, чтобы поднять шлагбаум... протяни же руку, помиримся и пойдем дальше, будем делать вместе, что можно и чего нельзя...»

Дьюла Фекете так выразил устремления группы Надя:

«Мы освободили бы невероятные силы, если бы захватили последние оставшиеся укрепления реставрации»...

Под этим члены группы подразумевали, что все важные посты должны занять приверженцы Имре Надя.

Это выступление группы Имре Надя полностью гармонировало с империалистической пропагандой. В то время, когда Дьюла Фекете писал о взятии укреплений, когда сентябрьская конференция Союза писателей требовала полной реабилитации Имре Надя, а Лошонци, Дьюла Хай, Новобацки и другие — массового смещения государственных и партийных работников, — радиостанция «Свободная Европа» 7 августа 1956 года говорила о том же:

«Нужны персональные изменения. Нужны люди... которым народ поверит, что они извлекли уроки из прошлого и согласны на серьезные перемены».

В своей передаче 12 сентября 1956 года радиостанция «Свободная Европа» обращалась к писателям:

«Нужно ясно сознавать, что мы являемся свидетелями событий, которые по праву можно назвать революцией. Нужно также ясно сознавать, что найдутся люди, которые захотят посадить эту революцию за ре-

шетку. Именно поэтому мы, писатели, должны выйти на баррикады, чтобы защитить эту революцию.»

Римское радио, как бы желая провозгласить западный вариант цитировавшейся оды Тамаша Ацела, 28 августа 1956 года передало следующее :

«Так же, как некогда Запад протянул руку помощи и провозгласил единение против общего врага, так и сейчас при поддержке Запада вновь пробьет час освобождения».

А в своей передаче 19 сентября 1956 года «Свободная Европа» с похвалой отозвалась о членах группы Имре Надя в Союзе писателей :

«Союз писателей смело вступил на путь демократизма и сделал первый шаг по пути развертывания событий. Мы знаем, что то, чего добивался Союз писателей, — еще не свобода. Однако конференция Союза писателей — значительный этап, важное деяние и добрая надежда на то, что эту свободу, полную свободу наши писатели и наш народ завоюют».

Геза Лошонци придерживался точки зрения, подобной высказываниям радиостанции «Свободная Европа». Летом 1956 года в своем интервью израильскому журналисту Амосу Элону он заявил, что может представить себе такую возможность, что «мы применим против правительства насилие».

Группа распространяет свои подстрекательские действия и антигосударственную деятельность и на провинцию

Члены группы Имре Надя распространили свою деятельность и на провинцию, стараясь своими выступлениями возбуждать настроения против народной демократии, создавать подходящую почву для своих враждебных планов. В частности, в таком духе в провинции выступали Лошонци, Донат и Йозеф Силадьи.

В середине октября 1956 года в Хайдубесермене было проведено «собрание интеллигенции», на котором с докладом выступил Геза Лошонци. Из показаний ряда свидетелей можно установить, что произошло на собрании. Житель

Хайдубесерменя Имре Гелень, крестьянин-единоличник, рассказал следующее :

«В собрании принимали участие интеллигенты, но главным образом кулаки, бывшие жандармы и другие люди, обиженные народной демократией.

Геза Лошонци произнес краткую речь, в которой говорил об опасности сталинизма и ракошизма. Затем выступило еще несколько человек, в том числе кулаки и главным образом обиженные. Один из выступавших зачитал программу, состоявшую из нескольких пунктов. Он требовал независимости страны, восстановления многопартийной системы, проведения свободных выборов. Кроме того, ряд других выступавших требовал изменения состава правительства. Выступавшие решительно требовали смещения председателя местного совета. Они настолько распоясались, что дело едва не дошло до драки».

Имре Гелень рассказал также, что после собрания на квартире у кулака Имре Багоши состоялось совещание, в котором принял участие и Геза Лошонци. Присутствовали несколько кулаков и бывший главный исправник Эрне Киш-Пал. Далее он показал :

«Лошонци говорил о том, что существующие ошибки совершены ракошизмом и сталинизмом, и что необходимо изменить состав правительства».

Из свидетельских показаний жителя Хайдубесерменя, пенсионера Имре Чикоша, явствует, о каких изменениях шла речь :

«Первым выступил кулак Бела Фазекаш, который ругал правительство. Бывший жандарм Шоймоши говорил о том, что руководители — неграмотные, ничего не понимают в своей работе. Он требовал, чтобы на руководящие посты были вновь поставлены прежние, опытные люди».

Можно себе представить, о каких «прежних, опытных» руководителях говорил бывший жандарм . . .

Д-р Эрне Киш-Пал в своем свидетельском показании рассказал о поездке Гезы Лошонци в Хайдубесермень следующее :

«. . . Упомянутое собрание интеллигенции состоялось в хайдубесерменьском Доме культуры примерно за 4—5 дней до 23 октября. Заранее было сообщено, что

собрание будет проводить Геца Лошонци, однако интеллигенция составляла лишь малую часть присутствующих, в большинстве это были крестьяне, кулаки. Настроение собрания становилось все более контрреволюционным, второму секретарю горкома партии Шандору Леваи не дали говорить. Председателю совета была устроена обструкция фашистского характера, были даже выкрики: «Вздернуть его!». Геца Лошонци даже не пытался утихомирить господствовавшее на собрании контрреволюционное настроение. Он говорил о сталинизме, говорил об Имре Наде, как человеке, пригодном для того, чтобы занимать руководящий пост» . . .

Йожеф Силадьи в это же время действовал в Кечкемете. Председатель городского совета Цегледа Имре Селепченьи в свидетельском показании рассказал:

«. . . 20 октября я прибыл в областной совет около пяти часов. Я слышал, что в комнате Ференца Даллоша идет разговор. Я обратил внимание на громкие слова, которые ясно были слышны через стену: «Революционер не рассуждает, а действует». Этот голос был мне не знаком. Когда я вошел в комнату, меня представили гостю, который назвался Йожефом Силадьи. Силадьи закончил свою речь словами, что недостаточно, чтобы изменений требовали студенчество и рабочие, нужно, чтобы и крестьянство всколыхнулось».

Карой Мохачи, директор госхоза, который в то время работал в областном совете, в своих свидетельских показаниях рассказал:

«Йожеф Силадьи сказал: не нужно пугаться обновления, даже если в нем есть и отрицательные моменты. Революционные изменения могут нести с собой и шлак. Ференц Даллош спросил, что он понимает под революционными изменениями. Силадьи ответил: власть должны взять в свои руки новые, позитивные силы. Тогда товарищ Даллош поинтересовался, о какой перемене власти он говорит, ведь, по его мнению, вопрос о власти — вопрос иного характера, власть уже находится в руках рабочего класса, и здесь речь может идти только о том, чтобы сменить людей, которым народ не доверяет. Тогда Силадьи ответил: какой же это революционер, который боится еще до наступления революционных событий?»

ТАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ И СОВЕЩАНИЯ

Когда группа Имре Надя сочла, что пришло время поставить на повестку дня захват власти, члены группы провели несколько тайных совещаний.

В программе Имре Надя фигурировало создание многопартийной системы и коалиционного правительства. Это было равнозначно попытке развала единства рабочего класса и его партии. Переговоры с Анной Кетли о воссоздании Социал-демократической партии были начаты по поручению Имре Надя с Шандором Харастии и Гезой Лошонци.

Шандор Харастии рассказал в своих показаниях: целью их встречи и переговоров с Анной Кетли было ознакомление с ее точкой зрения в отношении возвращения в политическую жизнь: они должны были узнать, согласна ли она принять участие в будущем правительстве Имре Надя.

Подобные переговоры велись и с другими лицами. Бывший депутат от Социал-демократической партии Иштван Эрдеи, который одно время был статс-секретарем Министерства земледелия, а затем уехал жить в свою кулацкую усадьбу, показал, что в сентябре 1956 года Имре Надь вел с ним переговоры. Эрдеи показал об этом следующее:

«Относительно моей позиции по сельскому хозяйству он спросил, является ли это точкой зрения Социал-демократической партии. Я отвечал: мою запись об этом читала и утвердила Анна Кетли, не возражал и Йожеф Такач. Я сказал, что в законных рамках должна быть создана Социал-демократическая партия... Я предостерегал Имре Надя от осуществления полумер. Он хорошо понял мою точку зрения и тут же сообщил: за полумеры он не возьмется.

В заключение Имре Надь спросил меня, в какой области работы хотел бы я применить свои способности? Я ответил: если моя партия наметит для меня эту задачу, я охотно занял бы пост статс-секретаря в Министерстве земледелия...»

Выступление Иштвана Эрдеи не оставляло сомнений относительно того, на каких условиях возможно сотрудничество между группой Имре Надя и группой Кетли. Имре Надь охотно соглашался на эти условия — отказ от руководящей роли партии, нарушение единства рабочего класса, образование других партий и привод их к власти. Эти условия целиком соответствовали его собственному плану.

Потому-то он так хорошо понял точку зрения Иштвана Эрдеи и тут же заявил, что «не возьмется за полумеры». Нет сомнений в том, что именно Имре Надь и Иштван Эрдеи понимали под «полными мерами», они имели в виду не исправление ошибок и не реформы, а изменение строя, свержение законного строя Венгерской Народной Республики, рабоче-крестьянской власти.

Группа проводила переговоры и с той целью, чтобы Союз трудящейся молодежи был поставлен на службу Имре Надю. Иштван Маркуш показал об этом следующее :

«22 октября 1956 года в утренние часы Ласло Кардош позвонил мне на квартиру и попросил к семи часам вечера прийти к нему на совещание. Я прибыл последним. Там были Ласло Кардош, Габор Танцош, Балаж Надь. Позже пришел Геза Лошонци. Танцош объявил, что на следующий день будет пленум ЦК СТМ*, причем значительную часть присутствующих хотят кооптировать в руководство. Между нами началась дискуссия, в заключение которой сложилась следующая единая точка зрения : мы не можем заранее предвидеть, сколь далеко зайдет пленум ЦК СТМ в изменении программы и руководства, но мы во всяком случае должны стремиться выступать единодушно и уже сейчас достичь максимума в области персональных изменений.

Мы говорили и о том, как можно было бы достичь, чтобы в Исполбюро СТМ мы находились в большинстве. Кардош предложил рекомендовать в первые секретари такого человека, благодаря которому этот пост будет в наших руках. Встал вопрос и о назначении Лошонци председателем. Хотя в СТМ до сих пор не было поста председателя, мы решили его предложить, чтобы Лошонци стал председателем СТМ, тогда он сможет помогать первому секретарю. Лошонци не протестовал против этого. Каждый из нас преследовал решительную цель : проводить «имренадевскую» политическую линию во всей работе СТМ.»

Когда, в связи с подстрекательством группы, враги народной демократии зашевелились, они сочли, что настало время сделать непосредственные приготовления к захвату

*Союз трудящейся молодежи.

власти и прежде всего к разработке имренадевской правительственной программы.

В своем дневнике, конфискованном при аресте, Геца Лошонци написал, что ряд членов группы вечером 22 октября собрался в здании СЕВОС (Союз кооперативов). Лошонци записал следующее :

«Тема совещания : подготовка программной речи Имре Надя. Мы договорились о том, что встретимся в пятницу вечером у меня. Там будут также Донат и Хараста. До тех пор каждый подготовит свои тезисы, и мы вместе их обсудим».

Миклош Гимеш в своем показании подтвердил это :

«Мы договорились, что о вопросах венгерской внешней политики буду писать я, а Геца Лошонци должен был написать материал о вопросах Отечественного Народного фронта».

Перед упомянутым совещанием в СЕВОС побывал и Ференц Донат, который сказал об этом следующее :

«22 октября 1956 года около 18 часов я прибыл в СЕВОС. Мне сообщили, что речь идет о подготовке экономической части новой правительственной программы, так как, вероятно, Имре Надь будет премьер-министром. Меня просили высказать мои соображения по аграрной части».

На другой день, 23 октября, на нелегальном совещании группы Имре Надь было решено относительно изменений в личном составе руководства.

Геца Лошонци в упомянутом дневнике пишет следующее :

«Утром 23 октября я по телефону позвонил Шандору Хараста, Ференцу Донату, Силарду Уйхеи, Имре Надю, Ференцу Яноши и попросил их прийти ко мне на квартиру для обсуждения создавшегося положения.

Около половины одиннадцатого все были в сборе. Все единодушно придерживались мнения, что и у нас обстановка вполне созрела для проведения нужных изменений. Правительство следует коренным образом реорганизовать.

Я подчеркивал, что нужно освободиться *не только* от коммунистов-сталинистов, но и от «беспартийных», спящих со сталинистами. Согласно нашей договорен-

ности, в Политбюро из числа наших следует ввести Имре Надя, Шандора Харасты, Ференца Доната, Золтана Санто, Гезу Лошонци. В ЦК помимо упомянутых, мы намеревались ввести Йожефа Силадьи, Йожефа Шуреца, Миклоша Вашархеи, Ласло Кардоша, Габора Танцоша, Йене Селла, Дьердя Лукача, Шандора Новобацки, Шандора Фекете, Миклоша Гимеша, Лайоша Конья, Дьюлу Хая, Шандора Эрдеи, Ференца Яноши, Ласлоне Райк.

Мы решили также, что следует незамедлительно сместить наиболее скомпрометировавших себя секретарей райкомов и обкомов, председателей советов.

Был краткий спор о том, следует ли Имре Надю стать премьер-министром или же первым секретарем партии. Надь считал, что он должен стать не первым секретарем, а премьер-министром. Таковым его помнит народ и желает, чтобы он вновь стал премьер-министром. С этим затем согласились и все остальные.

Мы решили, что будем считать достигнутую договоренность обязательной для каждого из нас. Будем действовать только в согласии с этим. Учитывая положение, будем встречаться ежедневно».

Отвечая на вопросы председателя, Ференц Яноши на судебном заседании 6 февраля показал о тайной сходке, состоявшейся в утренние часы 23 октября, следующее :

«Имре Надь упомянул, что Лошонци пригласил его и меня к себе на квартиру . . . Со сказанным в ходе беседы я согласился, включая и демонстрацию молодежи. Кроме этого, я в связи с кооптациями в Центральный Комитет внес предложение включить Шандора Харасты и Силарда Уйхеи. Далее, когда Геза Лошонци сказал мне, чтобы я записал внесенные предложения, я сделал это».

Несмотря на то, что и в ходе самого слушания дела совпадающие показания подтвердили, что Имре Надь хотел получить пост председателя венгерского правительства, поставил себе целью именно это, и по его инициативе члены его группы вели деятельность в этом направлении и организовали демонстрацию — сам Имре Надь пытался отрицать это и перед судом. На одном из февральских заседаний суда Имре Надь сказал следующее :

«Лошонци или кто-то другой, не знаю, кто, высказал, что было бы хорошо, если бы функцию первого

секретаря партии взял на себя я. Я ответил на это, что никогда не стоял во главе руководства партии в качестве первого секретаря. Массы меня знали по периоду 1953 — 55 годов, как председателя Совета Министров. Не соответствует действительности утверждение, будто я сказал, что хочу стать председателем Совета Министров». Заявление Имре Надя было опровергнуто перед судом и показанием Миклоша Вашархеи.

«Начался разговор о том, какие перемены личного порядка следует предпринять. Были высказаны предложения относительно того, кому быть членами Политбюро, каких людей включить в Центральный Комитет... По этому вопросу почти все высказались, высказался и я, называл имена, вносил предложения. Среди предложенных фигурировало и мое имя, как будущего члена Центрального Комитета...»

Речь зашла и о том, какую функцию взять на себя Имре Надю. На это Имре Надь сам сказал, что он охотнее берет на себя пост председателя Совета Министров, потому что его знают в стране по этой должности.

Группа Имре Надя составила правительственную программу и список членов правительства в то время, когда Венгерская Народная Республика имела свое законное правительство. Она составила эти документы, чтобы свергнуть законное правительство и занять его место.

Целью этих совещаний было — как это явствует из документов — не изменение в составе руководства СТМ и партии, а захват этих ключевых позиций, получение возможности направлять руководство и таким образом изменить в корне характер этих организаций, а затем использовать их в своих интересах.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕМОНСТРАЦИИ 23 ОКТЯБРЯ

Пользуясь своими связями, перед 23 октября группа Имре Надя организовала в ряде вузов враждебные по своему характеру митинги. Из них выросла демонстрация 23 октября, прелюдия контрреволюционного мятежа.

Сторонники Имре Надя ездил из вуза в вуз, вели организационную деятельность, провозглашали подстрекательские националистические лозунги. Решающую роль сыграло собрание студентов Политехнического института 22 октября. Здесь под влиянием выступления Йожефа

Силадьи было принято решение о демонстрации.

Защитник Йожефа Силадьи задал вопрос своему подзащитному :

«З а щ и т н и к : 22 октября, выступая в Политехническом институте, подчеркнули ли вы, что выступаете как доверенное лицо Имре Надя?»

С и л а д ь и : По моему, такая постановка вопроса неправильна. Я выступил два раза. В моем первом выступлении я сказал, что Имре Надь должен стать председателем Совета Министров ; был дан рецепт, что нужно сделать : с *Имре Надем к власти !*

В дискуссии шла речь и о том, быть ли демонстрацией, или нет. Ректор Чолноки высказался за то, чтобы не было. Это дало мне повод опять попросить слова. Я говорил минуту или две и сказал : мое мнение, чтобы была демонстрация. Много говорилось и о том, чтобы студенты отнесли свои требования к Имре Надю. Вторая мысль моего выступления заключалась в том, что это не имеет никакого смысла, ведь Имре Надь не у власти, поэтому свои требования они пусть не несут Имре Надю, а идут завтра на демонстрацию. Между прочим, я хорошо знаком с Имре Надем, — вот примерно как я сказал».

Пал Сербин, адъюнкт Политехнического института, сказал в своем свидетельском показании о выступлении Силадьи следующее :

«Йожеф Силадьи внес перелом в ход собрания. Он приветствовал инициативу студентов, заявил, что присоединяется к ней. В последнее время, сказал он, он слушает Лондон, Париж, Белград, откуда обычно передают весьма достоверные, реальные сведения, и эти передачи более соответствуют действительности, чем радиопередачи народно-демократических стран. В демократическом тоне он говорил еще о многих вещах, кричал и бесновался. Речь его была резко антисоветской». Отрывок из дневника Гезы Лошонци :

«Во вторник утром встреча между революционной молодежью и группой Надя. Группа также считала, что демонстрация должна состояться».

Свидетельница Петерне Йожа, администратор кружка Петефи, показала :

«Около 9 часов утра 23 октября 1956 года я пришла к себе на работу и там впервые услышала о demonstra-

ции. Предварительно, вечером 22 октября, руководство кружка Петефи провело чрезвычайное заседание. Членов руководства мы вызвали телеграммами. Тема заседания мне не известна, но позже в Революционном комитете интеллигенции я слышала, что 22 октября руководство кружка вынесло решение об участии в демонстрации следующего дня.

Когда я 23 октября пришла на работу, руководство кружка Петефи вновь заседало, присутствовали и посланцы от различных вузов. Из числа писателей я заметила Петера Куцку и Золтана Зелка. После продолжительного совещания, часов около одиннадцати, кружок Петефи активно приступил к организации демонстрации и к руководству ею. Затем началось размножение на ротаторе лозунгов кружка Петефи, по указанию Танцоша их нужно было давать всем, кто просит. В это время руководство кружка Петефи поддерживало регулярную связь с посланцами вузов, было организовано и дежурство у телефона. Тогда уже было ясно, что организацию демонстрации и руководство ею взяло в свои руки руководство кружка Петефи. Здание походило на ставку военного командования, одна делегация сменяла другую».

Силард Уйхеи в своем свидетельском показании, касающемся совещания группы Имре Надя 23 октября, рассказал следующее :

«Во время совещания, Габор Танцош несколько раз звонил Гезе Лошонци в связи с демонстрацией. Они договорились, что Танцош попробует руководить демонстрацией с помощью лозунгов кружка Петефи».

Арон Тобиаш, который 23 октября 1956 года хотел сделать радиорепортаж об организации демонстрации, показал следующее :

«Один за другим приходили уполномоченные от различных вузов и институтов, которые забирали лозунги, изданные кружком Петефи к демонстрации. Я слышал, как обсуждали место и время сбора институтов и университетов. От нескольких человек я слышал, что на демонстрации будут машины с громкоговорителями. Другие говорили, что во время демонстрации в деканатах вузов будет налажено дежурство у телефонов». В Политехническом институте было организовано при-

нятие подстрекательских, контрреволюционных требований из 14, затем 16 пунктов. Эти пункты содержали дикие клеветнические выпады о «гражданских лицах, насильно вывезенных в Советский Союз», и тому подобное. Требования были направлены на перемену государственного строя, на разрыв с Советским Союзом, на разгром конституционного порядка Венгрии. И дни контрреволюционного мятежа — освобождение фашистов, военных преступников и уголовников, кровавый белый террор, организация реакционных партий и появление контрреволюционных газетенок — дали ясный ответ на то, что означали собой эти требования.

Взбудораженных и введенных в заблуждение студентов подстрекали к тому, чтобы они требовали оглашения этих явно контрреволюционных по своему содержанию пунктов по радио. Организаторы демонстрации хорошо знали, что правительство народно-демократического государства не может позволить оглашения по радио этих требований. Цель всего этого маневра состояла в том, чтобы собрать перед зданием радиостудии большие массы народа и чтобы под их прикрытием вооруженные контрреволюционные группы по заранее разработанному плану могли ринуться в атаку на захват студии.

Характерно, что записал в своем дневнике Лошонци :

«Имре Надь придерживался мнения, что Бенке (в то время председатель радиокомитета — Прим. ред.) не должна препятствовать передаче 14 пунктов».

Так была подготовлена, организована и проведена группой Имре Надя контрреволюционная по своему характеру демонстрация 23 октября, вылившаяся затем в яростный контрреволюционный мятеж. С начала мятежа наступил этап проведения в жизнь планов, уже давно выношенных Имре Надем и его группой.

ЛИКВИДАЦИЯ ОСНОВ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Когда Имре Надь стал премьер-министром, соответствующими руководящими государственными органами были намечены важнейшие в данной обстановке задачи правительства. Согласно решению, правительство без промедления должно было вооружить рабочих и с оружием в руках выступить против контрреволюции, разгромить контрреволюцию, для чего воспользоваться помощью советских войск, находящихся в стране по Варшавскому договору, объявить чрезвычайное положение.

Имре Надь принял эти решения без возражений и на основе их согласился на должность председателя правительства. Он ввел в заблуждение, обманул Президиум Народной Республики и собственное правительство, обманывал весь венгерский народ, выдавал себя за коммуниста, за безусловного сторонника народно-демократического строя, несмотря на то, что — как теперь уже известно — у него была разработана программа, направленная против народной демократии, и что он стоял во главе тайной заговорщицкой группы, созданной для осуществления этой его программы. Имре Надь, будучи председателем Совета Министров, не выполнял решения, принятые им, как обязательные для себя, не выполнял их потому, что его политический замысел был диаметрально противоположен этим решениям: он заключался в разгроме народно-демократического строя. Однако ночью 23 октября он еще не считал подходящим момент для раскрытия своих целей и планов перед руководством и общественностью. С этим, полагал он, надо было подождать, пока не будут созданы все необходимые условия. Как позже выяснилось из планомерной и целеустремленной деятельности Имре Надя и его группы, эти условия были следующими:

1. Вытеснение коммунистов и верных социализму сил из высшего руководства, а затем смещение их с руководящих постов на всей территории страны;

2. разложение вооруженных сил: полиции и армии;
3. развал государственного аппарата.

ВЫТЕСНЕНИЕ ИЗ РУКОВОДСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СИЛ

Все большим препятствием в выполнении планов Имре Надя и его сообщников являлось то обстоятельство, что в Совете Министров коммунисты еще были в большинстве. Будучи премьер-министром, он, нарушив присягу, отстранил от руководства высшие конституционные органы страны: Государственное Собрание, Президиум и правительство в целом и незаконным порядком создал свой правительственный орган — так называемый «кабинет». После он повел политику, направленную на удаление коммунистов и из этого кабинета и замену их буржуазными политическими деятелями.

Показания Иштвана Маркуша и Иштвана Б. Сабо проливают свет на эту деятельность группы Имре Надя. Иштван Маркуш рассказал на допросе :

«24 октября, насколько помнится, около полудня, позвонил Лошонци. Кажется, с ним разговаривал Зелк. Лошонци просил нас (то есть писателей) в виде помощи составить список лиц, пригодных для избрания в Центральный Комитет и в преобразующееся правительство. Я тоже говорил с ним. На мой вопрос, каким должно быть это правительство, он заявил, что представляет себе широкое национальное правительство единства, возглавляемое Имре Надем.

Из концепции по составу правительства мы сделали вывод, что они считают момент подходящим для внесения и принятия далеко идущих политических требований, то есть для осуществления своих политических замыслов или же ускорения их осуществления».

Из этого показания явствует не только то, что группа Имре Надя обратилась к писателям, чтобы они рекомендовали лиц, которых группа затем проведет в ведущие органы партии и в правительство, но и то, что уже тогда — в полдень 24 октября — группа Имре Надя приступила к реорганизации правительства, к реализации планов, направленных на создание коалиционного правительства. Однако осуществить это они смогли только тогда, когда были созданы необходимые для этого предпосылки.

Из показаний Иштвана Б. Сабо :

«1 ноября 1956 года Золтан Тильди вызвал в парламент меня и еще нескольких членов Временного Исполнительного комитета Независимой партии мелких хозяев. Он сообщил нам, что правительство Имре Надя реорганизуется на коалиционной основе. В нем примут участие уполномоченные Независимой партии мелких хозяев, Крестьянской партии, Социал-демократической партии и Коммунистической партии. В соответствии с новой обстановкой он считал необходимым, чтобы Независимая партия мелких хозяев, помимо уже назначенных двух министров (Золтана Тильди и Белы Ковача), делегировала еще одного человека. Тильди подчеркнул, что необходимо поручить руководству Независимой партии мелких хозяев подобрать кандидатуры. Он добавил, что со своей стороны он хотел бы, чтобы избрали меня (Иштвана Б. Сабо). Я спросил его, почему он настаивает на моей кандидатуре. Тильди ответил : «Я хочу, чтобы в правительстве был представлен и крестьянин». Члены Исполкома, в том числе и я, приняли точку зрения Золтана Тильди. Так я стал членом национального правительства Имре Надя.

Однако ни я, ни другие новые министры, назначенные одновременно со мной от других партий, не приносили присяги Президиуму ВНР. Я хочу отметить, что от Президиума мы не получали ни устного, ни письменного сообщения о нашем назначении.

2 ноября, в предобеденные часы, вместе с Золтаном Тильди я пошел в кабинет Имре Надя, которому он представил меня как нового министра, делегированного Независимой партией мелких хозяев. Там находились Геза Лошонци и Ференц Фаркаш (последний от Крестьянской партии). Позже прибыли Ференц Эрдеи и Дьюла Келемен. Имре Надь говорил о том, чтобы мы старались поддерживать друг друга в рамках коалиции. После обеда мы вновь собрались. Ференц Фаркаш от имени Крестьянской партии внес предложение, чтобы вместо Президиума ВНР был создан «Национальный генеральный совет».

Не помню, на этом заседании или же на заседании 3 ноября зашла речь о компетенции министров. Имре Надь изложил свои соображения относительно этого.

Он говорил о том, что во главе отдельных министерств надо бы поставить не министров, а административных статс-секретарей, которые не менялись бы в зависимости от политической обстановки, а государственные министры осуществляли бы контроль над ними».

В распоряжении суда имелся оригинал протокола о заседании кабинета 2 ноября 1956 года. В нем, в частности, содержалось следующее :

«Поскольку со всей неотложностью встает вопрос о реорганизации правительства, кабинет принимает решение, согласно которому новые министры не назначаются, а, с одной стороны, кабинет пополняется новыми силами, в первую очередь, за счет повстанцев, с другой стороны, кабинет пока не ставит во главе министерств министров, а руководство министерствами поручается знающим дело статс-секретарям на правах министров. По своим полномочиям это должны быть политические статс-секретари, но в исключительных случаях, там, где нет возможности для иного решения вопроса кадров, должен назначаться и административный статс-секретарь».

3 ноября группа Имре Надя осуществила один весьма значительный пункт своих планов : под предлогом пополнения и укрепления национального правительства Анна Кетли, Дьюла Келемен, Йожеф Фишер, Иштван Б. Сабо, Иштван Бибо и Ференц Фаркаш стали государственными министрами, а Пал Малетер — министром обороны. Одновременно от должностей были остранены министр иностранных дел Имре Хорват, министр внутренних дел д-р Ференц Мюнних, министр обороны Карой Янза, министр финансов Иштван Кошша, министр горной и энергетической промышленности Шандор Цоттнер, министр юстиции Эрик Мольнар, министр металлургии и машиностроения Янош Черге, министр химической промышленности Гергей Сабо, министр легкой промышленности Йожеффе Надь, министр городского и коммунального хозяйства Ференц Незвал, министр госхозов Миклош Рибяански, министр внешней торговли Йожеф Богнар, министр внутренней торговли Янош Таус, министр пищевой промышленности Реже Ньерш, министр заготовок Антал Дьенеш, министр строительства Антал Апро, министр здравоохранения Антал Бабич, министр просвещения Дьердь Лукач, а также заместители премьер-министра Антал Апро,

Йожеф Богнар и Ференц Эрдеи. Помимо министерств иностранных дел и обороны, остальные посты министров заполнены не были.

Кабинет состоял из следующих лиц :

Имре Надь, председатель Совета Министров и министр иностранных дел ; Золтан Тильди, государственный министр ; Бела Ковач, государственный министр ; Иштван Б. Сабо, государственный министр ; Анна Кегли, государственный министр ; Дьюла Келемен, государственный министр ; Йожеф Фишер, государственный министр ; Иштван Бибо, государственный министр ; Ференц Фаркаш, государственный министр ; Геза Лошонци, государственный министр ; Пал Малетер, министр обороны.

Одним из доказательств систематической деятельности Имре Надя и Гезы Лошонци, направленной на обман масс и введение их в заблуждение, является тот факт, что в списке в качестве государственного министра фигурировал и Янош Кадар, и этот список был опубликован по радио и в газетах, хотя в это время они уже искали Яноша Кадара и ряд его товарищей, которые порвали с Имре Надем и его правительством, создали Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство.

Йожефне Балог, которая в период контрреволюции работала при Имре Наде секретарем, в своих свидетельских показаниях рассказала :

«Йожеф Силадьи — очевидно, по поручению Имре Надя — 2 ноября провел расследование по делу исчезновения Яноша Кадара и Ференца Мюнниха. Во время расследования были допрошены шофер и другие лица. Протокол о расследовании Силадьи заключил словами : «по всей вероятности, они перешли к Советам». Об этом было доложено Имре Надю, причем, помимо Силадьи, при этом присутствовали Лошонци, Донат и другие».

РАЗЛОЖЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, ВООРУЖЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Члены группы Имре Надя распоряжаются в Будапештском полицейском управлении

Днем 23 октября 1956 года в здании Будапештского полицейского управления при участии Шандора Копачи был создан контрреволюционный центр членами группы Имре

Надя. Эта группа осуществляла идейное руководство той деятельностью, вследствие которой значительная часть полиции распалась, дезорганизовалась, а затем Шандор Копачи по договоренности с представителями мятежников и по указанию Имре Надя вооружил контрреволюционеров.

В дневнике Гезы Лошонци, писанном его собственной рукой, можно найти подробные записи о 23 октября 1956 года. Одна выдержка из них гласит :

«Около десяти часов — Силадьи в Будапештском полицейском управлении. Копачи приказал, чтобы в толпу нигде не стреляли».

Офицер полиции Йожеф Балог в своем свидетельском показании сказал следующее :

«В утренние часы 23 октября 1956 года нас несколько человек находилось в кабинете Копачи. Мы беседовали о демонстрации, планировавшейся на вторую половину дня. Копачи в это время разговаривал по телефону. Насколько можно было понять, он говорил с Йожефом Силадьи и интересовался, откуда начнут движение демонстранты. После разговора Копачи заявил: ничего страшного не произойдет, потому что он поддерживает связь непосредственно с демонстрантами.

Во время демонстрации — часов около четырех — в Будапештское полицейское управление к Копачи пришла группа писателей, в том числе Тамаш Ацел, Миклош Гимеш и Дьердь Фазекаш, а также другие, которых я не знаю по имени. Копачи разместил эту группу в кабинете начальника секретариата и затем регулярно заходил в этот кабинет и совещался с членами группы.

После 23-го эта группа пополнилась другими лицами, в частности, например, Йожефом Силадьи, Тибором Мераи и другими. Отсюда, из Будапештского полицейского управления, группа поддерживала связь с Имре Надем, с его сторонниками, с Союзом писателей и различными другими группами, активно участвовавшими в контрреволюционных действиях. Группа фабриковала меморандумы. Например, сразу же после образования правительства Имре Надя был составлен список контрправительства, в который уже не вошли коммунисты, еще фигурировавшие в правительстве Имре Надя. Этот список я сам видел.

Изготовленные меморандумы и проекты члены группы регулярно показывали Копачи, который с ними соглашался».

Контрреволюционер Вильмош Ола, принимавший участие в штурме радиостудии и в других вооруженных акциях, на допросе показал :

«Толпа пришла на площадь Деака, к зданию Будапештского полицейского управления, где также требовали освобождения заключенных. Уже днем здесь была большая толпа, которая посылала делегации и требовала освободить заключенных и снять красные звезды. Я слышал, что по предложению находившихся там писателей — Дьердя Фазекаша, Тамаша Ацела — Шандор Копачи выпустил арестованных, заключенных в здании, и дал указание снять красную звезду с фасада дома. Демонстранты, руководимые Андьялом, Яношем Сабо и мной, стали провозглашать здравицы в честь Копачи и требовать, чтобы он был назначен министром внутренних дел».

Выдержка из допроса Шандора Копачи на суде :

Председатель: В дни, последовавшие за 23 октября, находились ли в здании полицейского управления лица, не входящие в состав полиции, — писатели, журналисты?

Шандор Копачи: Да, находились. Конкретно я помню Дьердя Фазекаша, Йожефа Силадьи, Тамаша Ацела. Миклош Гимеш, насколько мне помнится, был там однажды. Помимо поименованных, там были Тибор Мераи, Пал Лечен и, кажется, Петер Эрдеши и другие».

В соответствии с договоренностью с членами группы Имре Надя и под их влиянием Шандор Копачи дезорганизовал районные полицейские управления Будапешта, открыл дорогу контрреволюционерам. На суде он показал об этом следующее :

«Находившиеся там писатели и журналисты, которые поддерживали постоянную связь с Имре Надем, говорили о том, что происходящее — революция, демократическое движение... В результате такой оценки я поколебался и начал давать указания, чтобы районные полицейские управления избегали борьбы и по возможности вели переговоры с нападающими».

Председатель: Доносили ли вам из районных управлений, что мятежники угрожают полиции?

Шандор Копачи: Да, я получал такие донесения.

Член коллегии Народного суда: Скольким районным полицейским управлениям вы дали приказ не стрелять по мятежникам, а договариваться с ними и сдавать оружие?

Шандор Копачи: Я помню, что управлениям XII, XIV, XI районов я дал указание сложить оружие, а управлениям V, VI, VII районов приказал вооруженными явиться в Главное полицейское управление. Остальных точно не помню.

Я чувствую себя виновным, потому что имел приказы от вышестоящего командования, я приносил присягу, но под влиянием писателей и журналистов, находившихся в полицейском управлении, я нарушил полученные указания».

Вопрос: В дневнике, составленном в секретариате Главного полицейского управления, имеется запись, согласно которой вы 26 октября 1956 года на основании полученных донесений доложили Имре Надю об обстановке в Будапеште и предложили пойти на приглашение с мятежниками. Бывший премьер-министр Андраш Хегедюш (в то время — заместитель премьер-министра. — Прим. ред.) отверг это предложение и отдал приказ на вооруженное сопротивление. В этом же дневнике отмечается, что тогдашний министр внутренних дел Ласло Пирош призвал вас к ответственности за то, что вы не ведете борьбы против мятежников и передаете им оружие. Почему вы не выполнили распоряжений руководства?

Копачи: Когда я получил эти распоряжения, мне уже была известна оценка событий со стороны Имре Надя и группы Фазекаша, согласно которой происходящее является «чистой демократической революцией». Я считал, что должен действовать согласно политике Имре Надя. Поэтому я и не выполнил указаний высшего руководства».

Имре Надь, пользуясь правом делать замечания, спросил подсудимого Шандора Копачи :

«Откуда вы знаете, что в те дни находившиеся в управлении писатели и журналисты поддерживали связь со мной?»

Ш а н д о р К о п а ч и : Я сам слышал, как Дьердь Фазекаш дважды разговаривал с вами по телефону. 27 октября Миклош Гимеш также говорил по телефону или с вами, или с вашим секретариатом, точно не знаю. Не раз писатели, журналисты, Тамаш Ацел и остальные приходили с рассказами, что они были у вас в парламенте, разговаривали с вами. Они были с вами в постоянной связи».

На заседании 13 июня суд заслушал полковника полиции, свидетеля Тивадара Вега. Он рассказал, в частности, следующее :

«В октябре 1956 года я был руководителем полицейского управления VIII района. 23-го я доложил, что в районе разбрасываются листовки, и просил указаний в связи с этим. Я получил ответ, что полиция не должна вмешиваться в это.

Кажется, это было 25 октября, когда к районному полицейскому управлению подъехала машина с контрреволюционерами. Ввиду опасности положения я обратился за указаниями в Главное управление полиции. Я получил указание от Копачи — не стрелять по толпе, а вступить в переговоры. Хулиганы требовали у нас оружия. После переговоров мы получили указание от Главного управления полиции сдать оружие и явиться в Главное управление».

Действовавшие в Будапештском полицейском управлении члены группы Имре Надя, в том числе и Шандор Копачи, вели непосредственные переговоры и достигли соглашения с контрреволюционерами.

Шандор Копачи показал относительно этого :

«25 или 26 октября 1956 года на переговорах о перемирии в Будапештском полицейском управлении я заключил соглашение с руководителями повстанцев. На этом совещании присутствовал генерал-майор Иштван Ковач, журналист Дьердь Фазекаш, а также руководители повстанческих групп, из числа которых я помню

Йожефа Дудаша, Понграца и Анталочи. Соглашение было достигнуто за полчаса. Начиная с этого времени, руководители повстанцев систематически приходили в Будапештское полицейское управление, в конце октября они были избраны в Комитет войск охраны внутреннего порядка, и хотя по количеству их было меньше, чем представителей армии и полиции, они имели, по существу, решающее влияние в руководстве Комитетом».

Из воспоминаний генерал-майора полиции Белы Береца :

«Меня привели в Будапештское полицейское управление. Копачи как раз вел переговоры с Дудашем, Белой Кираем и другими. Они спорили о том, кому должна принадлежать типография «Сабад неп». Дудаш, этот бандит, заявил: «Типография моя!» На него набросились: «Я тебе все зубы выбью! Вот я покажу, чья будет типография!» Меня арестовали, провели в одно из помещений. Но еще раньше Копачи заметил мое присутствие. Это, очевидно, было ему неприятно, так как они перешли спорить в другое помещение».

Имре Надь во главе войск по охране внутреннего порядка ставит офицера хортистского генерального штаба

Став премьер-министром, Имре Надь принял к сведению и тот пункт вынесенного тогда решения, согласно которому необходимо было вооружить рабочих. Но вместо того, чтобы вооружить рабочих, он дал указание вооружить бандитов, приказал вовлечь руководителей контрреволюционных групп в разрешенный им «революционный комитет» войск по охране внутреннего порядка, а руководителем его назначил офицера-хортиста, фашиста. Вместо полиции он создал национальную гвардию, состоявшую в большинстве своем из хулиганов, преступников, контрреволюционеров.

Шандор Копачи в своем показании рассказал :

«29 октября Имре Надь по телефону из парламента дал мне указание организовать новые вооруженные силы по охране внутреннего порядка, в которые нужно вовлечь и повстанцев; надо организовать также и руководящий орган национальной гвардии, «революционный комитет» войск по охране внутреннего порядка.

Имре Надь дал указание подыскать на пост руководителя этого комитета человека, имеющего большой военный опыт и по возможности реабилитированного. Я принял это к сведению, и на основе этого мы сообщили руководителям отдельных повстанческих групп, чтобы они приняли участие в подготовительном совещании комитета войск по охране внутреннего порядка.

Лицом, «имеющим большой военный опыт и по возможности реабилитированным», оказался Бела Кирай.

Бела Кирай, бывший офицер хортистского генштаба, занимавший в 1944 году при нилашистском министре обороны Берегфи конфиденциальную должность, в 1951 году был приговорен судом за шпионаж к смертной казни, однако позже смертный приговор был заменен пожизненным заключением. Органами народной демократии Бела Кирай реабилитирован не был. Реабилитацию он получил 31 октября 1956 года незаконно, с одобрения Имре Надя.

Мы помещаем в нашей книге фотокопию письма, начинающегося словами: «Дорогой друг Фери!» Это письмо было написано и послано Белой Кираем 28 октября 1956 года «дорогому другу Фери!», Ференцу Яноши — зятю Имре Надя. Вот выдержка из письма Белы Кирая :

«Я ждал твоего обещанного визита, который, однако, стал невозможен из-за решающих исторических событий. Мы хотели во время этой несостоявшейся встречи обсудить то, о чем обменялись несколькими словами после похорон.

Я только что прослушал программу Имре Надя (в этот день Имре Надь выступал по радио. — Прим. ред.), а также решение правительства и партии, и меня охватили радость и воодушевление. Это то, друг Фери, во что мы верили еще тогда, когда работали вместе, и это то, ради чего я хотел бы отдать все свои силы, энтузиазм, скромные знания».

«Горечь переполняет меня, когда я думаю о том, что именно сейчас, именно в этой, столь близкой моему сердцу работе, я не могу принять участие».

«Друг Фери! Прошу тебя, обдумай, взвесь : мое прошлое, известный тебе энтузиазм в работе, пять лет тюремного заключения . . . Не является ли это достаточным основанием для того, чтобы принять участие

в этой работе? Через тебя я предлагаю свой труд, свой энтузиазм, свою солидарность Имре Надю и его правительству».

«Я считаю, что мое место — в генеральном штабе Министерства обороны».

«Правда, в настоящее время меня еще не реабилитировали... Революционные времена требуют революционных действий. Не достаточно ли краткого приказа о восстановлении меня в чине и о назначении на работу».

«Назначение на работу», использование «труда, энтузиазма, солидарности» Белы Кирая не заставили себя ждать, он смог принять участие в «столь близкой его сердцу работе».

Всю ответственность за назначение Белы Кирая Имре Надь пытался взвалить на одного из подсудимых, а именно — на Золтана Тильди :

«Я не знал Белу Кирая, даже не слышал о нем — ни прямо, ни косвенно. Я не был знаком с его работой... Его очень тепло рекомендовал Тильди. По мнению Тильди, ныне мы не могли бы найти более подходящего человека на этот пост, он прекрасный организатор».

Из показаний Шандора Копачи о назначении Белы Кирая :

«Имре Надь согласился с кандидатурой Белы Кирая и просил нас прийти к нему во второй половине дня, привести Белу Кирая и иметь при себе предложения относительно организации национальной гвардии. Так и было сделано, и Имре Надь, как премьер-министр, официально назначил Белу Кирая руководителем «революционного комитета» войск по охране внутреннего порядка, а меня — его заместителем. Мы получили от Имре Надя письменные полномочия. Кроме того, мы получили письменную декларацию за его подписью».

Эта декларация, подписанная Имре Надем, находилась в распоряжении суда. Имре Надь принял к сведению организацию подготовительной комиссии «революционного комитета» войск по охране внутреннего порядка и распорядился, чтобы эта комиссия создавала новые силы по охране внутреннего порядка, в первую очередь, из частей, участвовавших в «революционных боях».

Шандор Копачи так продолжал свои показания :

«...Поскольку образование революционного комитета войск по охране внутреннего порядка заняло несколько дней, вооружение рабочих не состоялось, так как после создания революционного комитета войск по охране внутреннего порядка, ввиду того, что и повстанцев нужно было вовлечь в национальную гвардию, оружие было роздано прежде всего повстанцам».

На вопрос своего защитника Шандор Копачи ответил, что в первые дни приступили к вооружению двух рабочих отрядов.

З а щ и т н и к : В чем причина того, что эту работу прекратили?

К о п а ч и : Указание, которое я получил от Имре Надя».

Специальный комитет ООН по вопросу Венгрии счел нужным заслушать сообщение Бела Кирая о его деятельности в Венгрии. Американский журнал «Лайф» в номере от 18 февраля 1957 года поместил это сообщение, из которого также выяснилось, что Бела Кирай и окружавшие его реакционные офицеры, естественно, стремились изгнать из рядов вооруженных сил офицеров рабочего и крестьянского происхождения, хотели полностью подчинить вооруженные силы Венгрии реакционному руководству. Вот выдержки из сообщения Бела Кирая, касающиеся этого :

«За одну ночь и один день мы разработали свою программу. Как Министерство обороны, руководившее армией, так и Министерство внутренних дел, осуществлявшее контроль над полицией и пограничными войсками, были полны ракошников, то есть людей ненадежных, поэтому нам нужно было создать революционный комитет для руководства обоими органами... Комитет должен был в обоих органах обеспечить дисциплину, благодаря чему национальная гвардия была бы подготовлена на случай русского нападения»...

Эти предложения Кирай немедленно отнес к Имре Надю :

«Я показал наши письменные предложения уже в приемной, потом Имре Надь сел в кресло рядом с государственным министром Золтаном Тильди. Он писал, опираясь на ручку кресла, предложил изменить несколько слов, а затем, согласившись с нашим проектом,

поставил свою подпись. Мы с гордостью покинули приемную, получив официальные полномочия контролировать два министерства, создать национальную гвардию»...

Бела Кирай навелит также тогдашнего министра обороны и сообщил ему, что он примет свое назначение на пост коменданта города Будапешта только при условии, если в армию будут вновь приняты 40 старых хортистских генералов и других офицеров высших званий.

После образования «революционного комитета» войск по охране внутреннего порядка и назначения Белы Кирая на пост руководителя комитета, что давало ему возможность беспрепятственно проводить свою контрреволюционную деятельность на весьма важном и высоком посту, снабжение контрреволюционеров оружием из арсеналов армии и министерства внутренних дел проходило уже «легально». Имре Надь и его группа в своей борьбе против социалистических революционных сил могли опираться и на вооруженные контрреволюционные силы, созданные ими самими.

Освобождение и вооружение преступников

Одним из главных направлений наступления контрреволюции было освобождение из тюрем политических и уголовных преступников, чтобы они могли пополнить контрреволюционные банды. Документы показывают, что это тоже происходило не без ведома Имре Надя, ему даже было известно, как освобождались заключенные.

Утром 31 октября в пересыльной тюрьме появился так называемый «революционный комитет» из Верховной прокуратуры, среди членов которого был, в частности, артист Иван Дарваш, и приступил к освобождению заключенных, каждого по отдельности. Вот выдержка из составленного в 1957 году донесения начальника тюрьмы:

«31 октября было отпущено на свободу 108 политических заключенных. Около 15—16 личных дел было отложено в сторону с тем, что эти люди совершили преступления в период второй мировой войны и поэтому не могут быть освобождены. Среди них были подполковник жандармерии Янош Арбоц, осужденный за военные преступления, и нилашистский журналист Лайош Девени-Надь. На следующий день, 1 ноября, вместе с членами комитета пришел и некто Эмереци, который

пересмотрел дела не выпущенных на свободу и заявил: «Это наши люди, их нужно немедленно освободить». Он возмущался, что освобождение осужденных происходит очень медленно, а затем вызвал новую комиссию, так что в этот день все политические заключенные были освобождены. Таким образом, 31 октября и 1 ноября было освобождено всего 812 политических заключенных. 2 и, отчасти, 3 ноября было выпущено на свободу 113 уголовных преступников. В числе политических заключенных были освобождены и лица, главными преступлениями которых были грабеж или убийство».

Кто такой Эмереци, упоминаемый в этом донесении? Вот выдержка из передачи «Свободной радиостанции имени Кошута» от 30 октября 1956 года:

«Недавно мы побывали в приемной нашего государственного министра Золтана Тильди. Там мы встретились с людьми, которые сидят сейчас перед микрофоном. Попрошу вас для начала представиться!

— Д-р Кальман Эмереци.

— По какому делу вы пришли?

— Меня давно беспокоит вопрос, что по делам безвинно осужденных политических заключенных не принимается никаких мер. Сегодня я получил извещение, что политические заключенные, осужденные прежним режимом, переведены из пересыльной тюрьмы в Вац.

— Может быть, и вы имеете с ними связь?

— Да, среди них мои зятья и многие друзья, которые уже много лет находятся в заключении. К сожалению, с тех пор я очень мало знаю о них. Только что я получил сообщение от своей сестры, что ее муж Имре Цигань, мои друзья Йене Чока, Дьюла Хидвеги и другие, имена которых я сейчас не хочу перечислять, перевезены из пересыльной тюрьмы в Вац. Поэтому я посетил Золтана Тильди и просил его срочно принять меры по данному делу, чтобы эти честные венгерские патриоты возможно скорее были освобождены. В связи с этим Золтан Тильди обещал, что завтра утром будет издано общее постановление относительно всех политических заключенных с целью их освобождения»...

Кратко нужно упомянуть, кто эти «честные патриоты», о которых говорил Эмереци. Это руководители легитимистской контрреволюционной организации под названием «диви-

зия Ботонд», ликвидированной в 1953 году. Небезынтересно упомянуть, что в планы этой заговорщицкой группы входил захват радиостанции и общественных зданий, нападение на арсеналы и автобазы, как это и было затем осуществлено 23 октября 1956 года.

Во всяком случае, по радио были успокоены и другие подобные им «патриоты», и чтобы где-либо не вкралась «ошибка», «Свободная радиостанция имени Кошута» в своей передаче 31 октября 1956 года, начавшейся в 10 ч. 40 мин., сообщила, что одна сольнокская делегация «от имени трудящихся Сольнока» требовала «немедленного освобождения всех политических заключенных», на что Имре Надь ответил следующее: «Правительство уже приняло меры относительно этого, и не от него зависит, если в отдельных местах, возможно, еще не выполнили его указаний».

«Магьяр Фюггетленшег» поместила корреспонденцию о том, что произошло в пересыльной тюрьме, и в заключение писала:

«... Делегация из пяти человек под руководством д-ра Гашпара Терека посетила вчера кардинала Миндсенти и просила его взять на себя патронирование организации бывших политических заключенных. Кардинал удовлетворил эту просьбу».

В конечном счете из тюрем было выпущено около 17 000 политических и уголовных преступников. Значительная часть их, организовавшись в вооруженные банды или же присоединившись к уже существующим бандам, составляла базу контрреволюции. Бела Кирай, как руководитель «революционного комитета» войск по охране внутреннего порядка, а также Пал Малетер и Шандор Копачи выдавали сотни письменных указаний и служебных ордеров, чтобы контрреволюционеры могли получить большое количество оружия.

Разгул в стране фашистских террористов, нилашистов, военных преступников, разбойников, убийц

Вот несколько наугад выбранных имен из длинного списка тех, кто был освобожден из тюрем и большая часть которых затем приняла деятельное участие в контрреволюционных событиях.

Бела Альфельди, бывший оптовый торговец. В 1944 году за деньги согласился спрятать 12 преследуемых, а затем выдал их хортистской полиции на горе Шваб.

Аристид Аткари, сын венгерского уполномоченного немецкого военного концерна «И. Г. Фарбениндустри». За шпионаж был приговорен к 15 годам тюремного заключения, после освобождения руководил в Будапеште вооруженной группой.

Йожеф Бакош, член террористического отряда Хейяша, созданного после 1919 года, участник зверств в Орговане.

Михай Балог, бывший жандарм, член пресловутой сыскной группы Юхаса. Он выследил и арестовал целый ряд людей, участвовавших в левых движениях в хортистский период, в том числе Иштвана Доби, Петера Вереша и др.

Карой Бариц, офицер хортистской жандармерии. В 1935 году командовал расстрелом в Аткаре, в ходе которого погибло восемь человек.

Йожеф Бел и Дьюла Бокор, бывшие сыщики, принимавшие участие в истязаниях ряда руководителей рабочего движения, в том числе Ференца Рожа и Золтана Шенхерца.

Альберт Бегре, грабитель, приговоренный к 13 годам лишения свободы.

Деже Бартоци, в 1944 году пославший в германские лагеря смерти сотни людей из сольнокского лагеря для интернированных.

Эмиль Часкоци, сын хортистского полковника. В 1955 году был осужден за участие в антигосударственном заговоре.

Д-р Аюш Чиквари, капитан хортистской полиции, убийца, рецидивист.

Атила Дарваш, осужденный за шпионаж.

Лайош Девеньи Надь, редактор нилашистской газеты «Мадьяр футар».

Лайош Духонь, убийца женщины по имени Юлия Надь, осужденный на 20 лет тюрьмы.

Бела Энъеди, хортистский следователь, получивший известность в процессах против коммунистов.

Граф Пал Эстерхази, один из крупнейших помещиков Венгрии, владелец многих заводов и мельниц, участвовавший в контрреволюционном заговоре.

Денеш Галди, агент американской разведки.

Габор Кирай, член истребительного отряда Хейяша, осужденный за зверское убийство 11 человек.

Дьердь Лакхедьи и Барнабаш Римасечи, приговоренные к тюремному заключению за организацию нелегальной контрреволюционной организации «Белый партизан».

Золтан Литомерицки, полковник, прокурор хортистского трибунала.

Золтан Мешко, пресловутый нилашистский главарь.

Лайош Месарош, по приказу которого в Бухине было казнено 80 человек, подозревавшихся в том, что они являются партизанами. Десятерых из них он убил собственноручно.

Янош Надь, один из главарей кровавой расправы в Нови Саде в 1942 году.

Князь Петер Одескалки, один из агентов американской шпионской организации «Си-Ай-Си», арестованный в 1956 году.

Эмиль Саквари, один из министров нилашистского правительства.

Рихард Сентолери (Шивни), бывший полковник жандармерии.

Реже Варга, преступник. После освобождения принял участие в убийстве прокурора Иштвана Шаркади и Пала Фодора, совершеном бандой Дудаша, которая находилась в здании газеты «Сабад неп».

Ниже мы перечисляем нескольких человек из числа «национальных гвардейцев»:

Дьюла Тульнер. Четырежды судился, один раз за кражу был приговорен к пяти годам тюремного заключения.

Ласло Вертеши. Бывший офицер хортистской армии, бухгалтер. В 1942 году был военным комендантом Хатванского сахарного завода, кандидатом в депутаты от нилашистской партии.

Иене Кальмар. Бывший доносчик при контрразведке генштаба хортистской армии.

Михай Янко. Неоднократно судился за различные преступления.

В области Толна боньхадская группа «национальной гвардии» состояла из 13 человек. В нее входили: 1 кулак, бывшие хортистские офицеры — 1 подполковник, 1 майор, 1 капитан, 2 старших лейтенанта, 1 лейтенант, 1 жандармский унтер-офицер, 1 жандарм. Помимо них — Ласло Сабо, награжденный крестом «За национальную оборону», кавалер «ордена витязей» и Иштван Таукли — бывший эсэсовец, осужденный за военные преступления. Члены тамашской группы: два хортистских капитана, причем один из них в

1948 году был осужден, один старший лейтенант хортистской армии, один бывший жандармский сержант и еще одно лицо, имеющее судимость.

В Будапеште командиром «национальной гвардии» VIII района был Йожеф Уйвари, имевший несколько судимостей. Он отдал приказ об аресте коммунистов, офицеров органов госбезопасности и других прогрессивных людей. Ставка Уйвари находилась в полицейском управлении по ул. Виг. Вот выдержка из показаний его секретаря, Йожефне Арделуш :

«За время своей командирской деятельности Уйвари неоднократно принимал участие в грабежах и кражах. Я конкретно могу назвать те помещения, которые были взломаны и разграблены под руководством Уйвари : пивная на углу улицы Беркочиш и проспекта Йожефа, гастрономический магазин на проспекте Ракоци, пивная на площади Телеки, рынок на площади Ракоци».

Заместители Уйвари :

Лайош Майор, руководитель «оперативной группы по поимке работников органов госбезопасности», начиная с 1952 года, неоднократно судился за подделку документов и другие преступления.

Янош Липтак в 1948 году за скупку краденого был приговорен к двум месяцам, в 1951 году — за кражу общественного достояния — на 2 года, в 1952 году за бегство и нелегальный переход через границу — на 5 лет тюрьмы.

«Национальная гвардия» VIII района состояла из 160 человек. 80 из них имели судимость. Так, Иштван Чаньи с 1932 года судился 11 раз за кражу и бродяжничество, а Шандор Каллош — 9 раз за самые различные преступления, в том числе подделку документов, драку, растрату и кражу.

Антал Майер, электромонтер, показал о себе :

«В мае 1944 года появились плакаты с призывами : поступайте добровольно в войска СС немецкой армии. Я отчасти по убеждению, отчасти из материальных соображений вступил. 28 октября 1956 года мы вступили в национальную гвардию. Я стал заместителем командира третьего взвода».

Служащий из Будапешта Ласло Рожа рассказал о деятельности Майера :

«Несшие службу национальные гвардейцы били введенного мужчину. Громче остальных вели себя Майер, пожилой, в очках, и другой, помоложе. Майер требовал : «Надо его выдать, народ поступит по справедливости ! Нужно выдать, а то его хотят спасти». Майер собрал вокруг себя национальных гвардейцев, придерживавшихся того же мнения, что и он, и сказал им : «Не допускайте, чтобы старший лейтенант помог сбежать авошу» («авош» — сотрудник госбезопасности. — Прим. ред.). Затем Майер начал толкать капитана госбезопасности и закричал охраннику у ворот : «Откройте ворота, мы его выдадим народу», — и вытолкнул того на улицу. Подобным же образом вел себя и другой национальный гвардеец, молодой человек. Майер рассказал мне, что 8 месяцев был унтер-офицером войск СС и 6 лет — хортистским унтер-офицером».

Капитан госбезопасности, о котором шла речь в свидетельских показаниях, — Ференц Тот, который был повешен Майером и его сообщниками на дереве на углу улицы Аради и проспекта Ленина.

В Мишкольце бывшему хортистскому капитану Арпаду Дьендьешу была поручена организация контрреволюционного батальона. В Эгере некто Андор Батта организовал офицерский отряд под названием «Венгерский королевский подполковник». В Дьюле к организации приступил д-р Ласло Аги, который в чине майора был прежде руководителем политического отдела жандармерии в Ужгороде. Завербованным, в том числе бывшему жандарму Йожефу Кинчешу, он дал письменные инструкции о том, что делать. В инструкциях, в частности, перечислялись такие задачи :

«1. Разыскивать и задерживать бывших сотрудников госбезопасности, находящихся в Дьюле.

2. Следить за квартирами коммунистических руководителей — не ведут ли они организационной деятельности, есть ли у них оружие, не готовятся ли они к контрмерам.

3. Достать анкеты отдела кадров с каждого крупного предприятия.

4. К евреям относиться согласно пункту 2».

Помимо объединения контрреволюционных групп, Бела Кирай стремился и к тому, чтобы во главе «национальной

гвардии» поставить в первую очередь «надежных» хортистских офицеров, прежде сидевших в тюрьме. Его секретарь Ласлоне Балла так вспоминает об этом :

«К Беле Кираю приходило много бывших политических заключенных. Значительная часть их приходила еще в тюремной одежде, но некоторые были уже переодеты в гражданское платье. Пальто у них не было, они носили лишь короткие пиджаки из холста. Бела Кирай говорил им, чтобы они попробовали как можно скорее переодеться, и многим приказал выдать полицейскую форму. Эта форма была выдана им майором, по имени Фельдвари, который ходил в полицейской одежде и подписывал все бумаги в качестве заместителя Белы Кирая. Бывшие заключенные получили одежду и оружие. Беле Кираю не нравилось, что бывшие политические заключенные толпами ходят по зданию Будапештского полицейского управления, по его предложению было занято одно помещение, если я хорошо помню, в д. № 28 по ул. Бенцур, где и был создан «Союз бывших политических заключенных». Я не раз бывала свидетельницей того, как Бела Кирай с радостью приветствовал вновь приходивших и обнимался с ними. Пришел однажды один старый хортистский офицер из Дьендьеша, который искал Белу Кирая, и пожаловался, якобы в Дьендьеше организацию национальной гвардии взяли в свои руки коммунисты, что нетерпимо. Белы Кирая там не было, и вместо него, вернее, от его имени «майор» Фельдвари дал документ, который подтверждал, что организация национальной гвардии в Дьендьеше поручается исключительно этому бывшему хортистскому офицеру. Этот офицер просил и получил оружие. Нужно сказать, что оружие вообще до полудня 3 ноября выдавалось в неограниченном количестве»

Вьдержка из свидетельских показаний Йожефа Балоба :

«Как организационная комиссия, так и Кирай и Копачи без контроля и отбора давали оружие, боеприпасы и другие ценности каждому, кто являлся за ними. Характерно, например, что и человек, совершивший убийство на улице Изабелла тоже пришел за оружием как руководитель одной из повстанческих групп».

Во всем Будапештском полицейском управлении, да и в городе все знали : «если хочешь получить оружие, иди к Копачи». Я не могу сказать, сколько оружия и боеприпасов было выдано в полицейском управлении, но знаю, что несколько тысяч штук».

В ответ на вопрос председателя коллегии Народного суда относительно раздачи оружия Шандор Копачи сказал следующее :

«На оружие нужно было подавать заявку. Возможности контроля не было, так как, например, от имени какого-нибудь предприятия являлось несколько человек или являлся какой-либо отряд повстанцев и просил 50 экземпляров оружия. Были отдельные случаи, когда среди подавших заявки мы опознавали преступников, среди них человека, совершившего убийство на улице Изабелла. Однако характерным было не это. Соответствует действительности та часть обвинительного заключения, в которой говорится, что по существу без контроля выдавалось оружие хулиганам и преступникам.

Председатель показывает бумаги о разрешении на выдачу оружия.

Копачи : Да. Под этими бумагами моя подпись.

Председатель : Следовательно, вы знали о существовании отрядов, фигурирующих в этих бумагах.

Копачи : Да, это были отряды повстанцев. Мы снабжали их оружием, боеприпасами. По моим расчетам мы выдали приблизительно 15 000, возможно 20 000 штук оружия. Бумаги о выдаче оружия подписывал Бела Кирай, я или другие лица».

По распискам в получении можно установить, что по приказанию Бела Кирая только из оружейного склада по улице Тимот за короткое время контрреволюционным группам было выдано 2206 карабинов и винтовок, 3 пулемета, 2 тяжелых пулемета, 20 пистолетов, 100 ручных гранат и 1339 автоматов, а также боеприпасы в неограниченном количестве.

Один из вооруженных центров контрреволюции находился в Будапеште в переулке Корвин. Основу корвинской банды так же, как и банды Сабо на площади Сена составляли преступники, освобожденные во время контрреволюции. Одним из руководителей контрреволюционеров из переулка Корвин был Янош Мес — преступник, 16 раз

судившийся за кражу, оскорбление властей, бродяжничество, грабеж и т. п. В преступном мире он был известен под кличкой «Янко — деревянная нога». Его банда, включавшая в себя около 80 человек, состояла исключительно из преступников, освобожденных из тюрем. Другим «героем» корвиновских контрреволюционеров был Габор Дилинко, по кличке «Бижу», семь раз судившийся за кражу, растрату, бродяжничество и т. п.

Один из контрреволюционеров, сражавшихся в переулке Корвин, Дьердь Керекеш, показал :

«Внутренний кризис в отряде переулка Корвин из дня в день усиливался, 2 ноября наступило уже буквально полное разложение. Командиров, назначенных в первое время, смещали одного за другим. Друг другу не подчинялись, раздавалось все больше враждебных возгласов и по адресу верховного командования. 1 и 2 ноября большинство участвующих в действиях сменилось преступниками, освободившимися из тюрем, которым было известно в первую очередь об отряде в переулке Корвин ; они массами стекались туда и все громче требовали, чтобы руководство перешло в их руки.

1 ноября, например, Ласло Иван Ковач тоже был смещен с командирского поста. На его месте оказались неизвестные нам люди. Численность отряда значительно возросла. По нашим расчетам, было уже более полутора тысяч человек. В решающем большинстве это были преступники — рецидивисты, люди, которых полиция разыскивала по всей стране. Они осуществили очень много арестов» . . .

Нарушивший присягу Малетер в кабинете Имре Надя

Имре Надь поручил верховное командование «национальной гвардией» Беле Кираю. Точно так же на пост высшего руководителя армии им был назначен тоже подходящий для него человек — Пал Малетер. Выходец из дворянской семьи, Малетер был хортистским офицером, окончившим Академию Людовика. После освобождения страны он служил в демократической армии. Уже в первые дни контрреволюции он перешел на сторону мятежников, выступивших против народно-демократического строя.

В ночь с 3 на 4 ноября предательская группа Имре Надя послала Пала Малетера «вести переговоры» с коман-

дованием советских войск, находящихся в Венгрии в соответствии с обязательствами, содержащимися в действующем Варшавском договоре. Советское военное командование, которое вместе со своими войсками может выступать на территории Венгрии только по желанию законного венгерского правительства и под его ответственность, не стало вести никаких переговоров с Малетером.

В опровержение вражеских слухов нужно сказать, что Пала Малетера арестовали венгерские власти, а не советские воинские части. Приказ об его аресте Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство отдало не потому, что он хотел вести переговоры с командующим советскими воинскими частями, а потому, что он нарушил присягу, стал предателем и руководил вооруженным нападением против народно-демократического государственного строя.

Доказательством этого служит то обстоятельство, что Ференц Эрдеи, который вместе с Палом Малетером посетил советское командование, не был подвергнут судебному преследованию и в настоящее время занимает важный общественный пост — является генеральным секретарем Венгерской Академии наук. Не был подвергнут судебному преследованию и полковник Миклош Сюч, сопровождавший Малетера.

Об обстоятельствах предательства Малетера бывший полковник Янош Мечери в своих свидетельских показаниях заявил следующее :

«...25 октября Малетер, по указанию министра, отправился с пятью танками из моей части в казарму «Килиан», чтобы занять ее, так как там уже были мятежники. Позже из разговора с разными офицерами я узнал, что Малетер в казарме «Килиан» пришел к соглашению с мятежниками и остался там, а позже он стал командиром находившихся там мятежников...»

Выдержка из протокола допроса свидетеля капитана Владимира Мадараса :

«Насколько мне известно, 25 октября утром по указанию тогдашнего министра обороны Иштвана Бата Малетер отправился в казарму «Килиан» с тем, чтобы навести там порядок. Малетер несколько раз звонил в Министерство обороны по телефону, докладывая, что он сражается с мятежниками, поэтому не может лично

явиться для доклада. Однако позже выяснилось, что Малетер сражался не против мятежников, а на их стороне.»

Был допрошен также офицер Янош Тари, в танке которого Пал Малетер отправился в казарму «Килиан». Его свидетельское показание гласит :

«С Палом Малетером я познакомился 25 октября 1956 года утром в Будапеште на площади имени Мари Ясаи. Он пришел к нам и приказал командиру полка, майору Ференцу Паллошу, обеспечить ему пять танков, заявив, что от министра обороны он получил указание отправиться с танками в переулоч Корвин, ликвидировать там вооруженные группы и захватить переулоч. Майор Паллош приказал мне выделить пять танков, командиром которых назначил меня, и отправиться с Малетером.

25 октября во второй половине дня мы из танков несколько раз стреляли по контрреволюционерам, засевшим в переулочке Корвин, об этом знал и Малетер. Он приказал прекратить огонь, запретил нам стрелять, приказал нам выйти из танков и направить стволы орудий в обратную сторону. В это же время он приказал вывесить на казарме национальный флаг, приказав вырезать из него герб народной республики. В казарму ворвалось несколько сот вооруженных лиц, они окружили нас и стали выкрикивать фашистские лозунги.

В о п р о с : Какая связь была между Малетером и контрреволюционными группами?

О т в е т : Связь Малетера с контрреволюционерами настолько углубилась, что уже начиная с 27 октября продовольствие по его приказу доставлялось на грузовиках в казарму «Килиан». Я знаю о том, что однажды к Малетеру пришла вооруженная группа, которая принесла требования, состоявшие из 16 пунктов. Они были утверждены Малетером, он был согласен с ними и даже дополнил некоторые его части. Требований я не помню точно, я помню лишь, что среди них было требование незамедлительного вывода советских войск, введения многопартийной системы и много других требований, касавшихся армии».

Начиная с 29 октября, при Малетере находилось шесть вооруженных контрреволюционеров в качестве его телохра-

нителей. 30 октября контрреволюционеры из переулка Корвин, принимавшие участие в вооруженном штурме здания горкома партии на площади Кезтаршашаг и совершавшие там террористические действия, доложили об этом Малетеру, который с одобрением принял доклад к сведению и похвалил убийц-террористов: «хорошо, спасибо, вы славные парни!»

Группа Имре Надя сочла Малетера достойным для выдвижения на все более и более высокие посты. То, чего на протяжении нескольких дней требовала радиостанция «Свободная Европа», свершилось: 2 ноября Пал Малетер получил звание генерал-майора, 3 же ноября, о чем выше уже говорилось, — он стал членом узкого кабинета, заняв пост министра обороны.

3 ноября датировано представление, подписанное министром обороны Палом Малетером и утвержденное подписью Имре Надя, которая видна в левом нижнем углу документа:

Представление

Совету Министров Венгерской Народной Республики
В связи с передачей пограничных войск из компетенции Министерства внутренних дел в компетенцию министра обороны предлагаю принять следующее решение:

Проект решения

«Постановление Совета Министров Венгерской Народной Республики № ...

Совет Министров Венгерской Народной Республики с 3 ноября 1956 года подчиняет пограничные войска Венгерской Народной Республики министру обороны.

Министру обороны пересмотреть структуру пограничных войск и своей властью осуществить необходимые изменения».

Совета Министров в это время уже не было, более того, нет никаких следов, которые говорили бы о том, что это представление было обсуждено и принято хотя бы на заседании кабинета. Имре Надь видел его, подписал и предоставил свободу действий главарю мятежников Палу Малетеру, назначенному министром обороны, чтобы он «своей властью осуществил необходимые изменения».

Атмосфера, систематически создававшаяся в Министерстве обороны и вообще в армии, дала возможность бывшим хортистским офицерам отбросить маскировку, открыто явиться в министерство и занять важные посты.

По приказу Белы Кирая 1 ноября была создана так называемая комиссия по реабилитации, в состав которой входили сам Кирай, а также бывшие хортистские офицеры Керекеш и Жилински. Число заявлений за несколько дней превысило 500, в том числе 300 человек подали свои заявления в письменном виде.

Достаточно упомянуть лишь некоторых из числа подавших заявления :

Капитан запаса Деже Надь, окончивший Академию Людовика, за военное преступление был приговорен к восьми годам тюремного заключения, освобожден в 1956 году.

Ласло Вида был интернирован за участие в заговоре.

Бывший генерал-майор Шандор Балли просил о реабилитации в качестве представителя временного правления Независимой партии мелких хозяев. Он был реабилитирован и принят в штат Министерства обороны.

Заявление о реабилитации подал также и генерал-лейтенант Пал Алмаши ; его назначили на пост начальника организационного и мобилизационного управления армии. Свои услуги предложил и генерал-лейтенант Ласло Кути, который за военные преступления был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения и освобожден участниками мятежа.

При участии Белы Кирая, Пала Малетера и их сообщников в Министерстве обороны был создан «революционный военный совет». «Революционный военный совет» организовывал и направлял деятельность по удалению из Генерального штаба армии «ненадежных» офицеров, дезорганизовывал армию, подорвал ее дисциплину, чтобы против контрреволюционеров не могла выступить организованная сила. По его требованию под маской «социалистического демократизма» был издан приказ о немедленном избрании «революционных военных советов» во всех армейских органах и учреждениях, в штабах соединений и частей (полках, отдельных батальонах).

31 октября 1956 года делегаты «революционных военных советов» армии, «революционных комитетов» полиции и вооруженных мятежников «избрали» верховный руководящий

орган вооруженных сил — «революционный комитет обороны Венгерской Республики». Этот орган, который открыто, даже в своем названии порвал с народной демократией, с народной республикой, издал воззвание о своем создании и требованиях, и это воззвание было разослано всем соединениям, передано по радио и опубликовано в печати. Один из пунктов требований был направлен на денонсирование Варшавского договора.

Таким образом, хортистских офицеров, фашистов вернули на их старые должности и выдвинули, дав им чины; их и главарей контрреволюционеров вовлекли во вновь созданные «революционные комитеты» полиции и армии; и эти «революционные комитеты» по радио и на страницах газет требовали осуществления другого важнейшего плана группы Имре Надя — выхода из Варшавского договора.

В отношении подробностей собрания, проведенного в казарме «Кириан» 31 октября, защитник Пала Малетера задал Миклошу Гимешу ряд вопросов. Отвечая на них, Гимеш рассказал :

«31 октября я присутствовал на собрании в казарме «Кириан», но активного участия в нем не принимал. Действительно, там было одно выступление против Малетера. Собрание открыл Малетер, после него говорил Бела Кирай, потом выступали другие, в том числе неизвестный мне растрепанный мужчина в кожаном пальто, который говорил необыкновенно хриплым голосом. Он сделал выпад против Малетера за то, что Малетер дал пощечину одному повстанцу из переулка Корвин и отнял у него автомат или, как сказал этот мужчина, гитару. Тогда Малетер сказал, что в кармане корвиновца, которому он дал пощечину, были найдены женские серьги, и пусть он радуется, что отделался так легко. Потом он спросил что-то вроде того, достаточно ли этого объяснения. И после этого они пожали друг другу руки.

П р о к у р о р : Значит, между ними были не политические разногласия?

Г и м е ш : Да, не политические.

На вопрос своего защитника Пал Малетер заявил :

«Я с первой минуты был не согласен с созданием войск внутренних вооруженных сил из повстанцев».

В противоречие этому утверждению в распоряжении суда находился документ, содержащий составленный Палом Малетером проект из нескольких пунктов. В этом проекте

перечислены необходимые мероприятия, в частности, то, что армию следует «укрепить» «честными офицерами» (мятежниками). Выдержки из проекта Малетера :

«4. . . . В армии не должно быть партийных организаций

7. Штаб должен разработать план действий на следующие случаи : если советские войска не согласятся покинуть территорию страны

10. Управление кадров должно разработать предложение относительно укрепления армии за счет честных офицеров (повстанцев, реабилитированных лиц и т. д.)».

Был принят и ряд других мер для того, чтобы армию поставить на службу контрреволюции. Институт политофицеров был ликвидирован и вместо него создано так называемое «Главное управление по делам воспитания», начальником которого был назначен зять Имре Надя — Ференц Яноши.

РАЗВАЛ ЗАКОННЫХ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОБРАЗОВАНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНОВ

Путь контрреволюции преграждали законные административные органы и местные органы государственной власти народной демократии — советы, избранные населением демократически, конституционным образом, советы, в которых рабочие, трудящиеся крестьяне, интеллигенты верно служили делу народа и представляли его. Поэтому Имре Надь и его заговорщицкая группа вместе с реакционными, полуфашистскими и фашистскими силами приступили к уничтожению местных органов власти. Они ликвидировали законные органы государственной власти : советы, органы хозяйственного управления, и на их место поставили так называемые «революционные комитеты», состоявшие в большинстве из буржуазных, фашистских элементов, и так называемые «рабочие советы», созданные для введения в заблуждение рабочих. Эта акция была решающей дополнительной частью развала и отставки центральных органов власти.

Руководство в этих «революционных комитетах» и «рабочих советах» принадлежало фашистским, хортистским элементам, жандармам, бывшим капиталистам и помещикам, преступникам, которые шли в наступление на народную власть. На них и опирался Имре Надь.

Имре Надь и его заговорщицкая группа и тут применяли метод обмана масс, называя эти различные контрреволюционные комитеты «демократическими органами», «органами, стихийно созданными народом», «выразителями народной воли».

В действительности эти органы нигде не избирались демократическим путем. Часть комитетов назначила сама себя, другая часть была создана уличными сборищами контрреволюционеров и прочего сброда.

Еще более характерно, какие элементы вошли в эти комитеты и взяли на себя функции местной власти.

Область Толна : Члены «национального комитета» в Пакше так характеризовали себя : «Я 20 лет был жандармом . . .» «Я сидел восемь лет». В Далмаде председателем «революционного совета» был избран хортистский офицер Эден Новак. В Палфе членом комитета стал бывший управляющий именем Йожеф Баркоци. В Дече в комитет вошли хортистский офицер Янош Херодек, бывший староста Ласло Балог, бывший помещик Йене Салонтаи.

Область Бекеш : В Баттоне в состав «революционного совета» вошли бывший староста Андор Лехоци, бывший староста Йожеф Золтан, старший лейтенант хортистской армии Лайош Виндиш, а также Миклош Чосор, ранее осужденный за участие в вооруженном заговоре.

В селе Элек заправилами в дни контрреволюции были хортистский офицер Иштван Сюч, хортистский офицер Адам Барабаш, кулак Иштван Киши, хортистский офицер Янош Шайтош, нилашистский вождь Мартон Хас. В Керешладане в комитете состояли бывший офицер венгерских эсэсовских войск «Хуньяди» Лайош Сатмари, жандармский сержант Кальман Тот, в Дьюлавари председателем комитета стал хортистский майор, бывший помещик Михай Мольнар.

Область Хайду-Бихар : В «революционном комитете» подвизались, между прочим, 112 кулаков, 67 бывших жандармов, 44 хортистских офицеров, 39 попов, 27 лиц, имевших судимость, 13 хортистских унтер-офицеров, 13 бывших старост, 3 бывших помещика, 1 бывший кавалер ордена «витязей» и 1 бывший гвардеец.

Некоторые члены «национального комитета» Ньередь-хаза : Ласло Дебрецени, бывший хортистский старший лейтенант ; доктор Иштван Сиклаи, бывший адвокат, хортист-

ский капитан ; Дьердь Лупкович, бывший помещик, депутат, член Независимой партии мелких хозяев, советник хортистского Министерства юстиции.

Область Пешт : Председателем Монорского районного «национального комитета» стал бывший губернатор комитета Фейер — Ласло Сенте, который был осужден за участие в антигосударственном заговоре группы Ференца Надя ; заместителем председателя и секретарем — бывший хортистский секретарь управы села Монор — Ференц Бараньи. В число членов комитета входили : бывший помещичий управляющий, брат хортистского генерала — Шандор Лендзел ; активный организатор Партии скрещенных стрел — Ференц Лиллик ; кулак Имре Фюзи, нилашистский юрист д-р Антал Карбах. Командиром «национальной охраны» был назначен бывший хортистский гусарский капитан Янош Мароти, а начальником политико-уголовного отделения — бывший старший сержант жандармерии Ференц Матьяш. В подчинении Матьяша находились четыре бывших жандармских сержанта.

Председателем «областного революционного комитета» был капиталист директор завода д-р Иштван Денеш.

Область Боршод : В селе Больдогкеваралья «витязь» Элемер Арвай стал заместителем председателя «районного рабочего совета». На «выборах» он в автобиографии рассказал : «Я офицер Академии Людовика хортистского строя. Неоднократно наказывался за подстрекательство против народной демократии. 12 лет тому назад я спрятал свое оружие : несколько стрелковых винтовок и автомат. Сейчас я их достал». В Мезекевешде председателем районного комитета стал сын одного помещика, имевшего 150 хольдов, адвокат Лайош Мижеи ; в селе Мезечате председателем комитета был помещик, владевший 70 хольдами, Дьюла Дутка ; в селе Земпленагарде — помещик, владевший 100 хольдами, д-р Бела Барати ; в селе Кишрозваде — бывший жандарм Шандор Вег.

В Мезекерестеше председателем комитета стал помещик Кальман Гомба, имевший прежде 127 хольдов земли.

И так можно было бы продолжать до бесконечности, приводя примеры из всех областей, районов, сел. И если различные «революционные комитеты» и не состояли сплошь из бывших эксплуататоров, антинародных элементов, фашистских террористов, то заправилами в большинстве мест были именно они.

Каким было отношение Имре Надя к этим реакционным фашистским элементам? В своем выступлении 28 октября Имре Надь заявил :

«Правительство поддерживает новые, демократические формы самоуправления, созданные по инициативе народа, и будет стремиться вовлечь их в государственную администрацию».

Двумя днями позже Имре Надь высказался еще более ясно :

«. . .Национальное правительство признает демократические местные органы самоуправления, созданные революцией, опирается на них и просит их поддержки».

Известно, что Имре Надь старался представить себя в качестве друга и представителя венгерского крестьянства. Именно так популяризировала Имре Надя в деревнях его группа. В дни контрреволюции, уже в первую неделю пребывания Имре Надя на посту премьер-министра, выяснилось, что Имре Надь — друг не трудящегося крестьянства, а помещиков и кулаков, эксплуататоров крестьянства, желающих вернуть свою потерянную власть.

Планы контрреволюции в отношении рабочих советов

В октябре 1956 года на ряде предприятий были образованы рабочие советы. Контрреволюция немедленно вышла на арену и начала организацию различных акций, чтобы вытеснить из этих рабочих советов честных трудящихся, чтобы руководство советами прибрали к своим рукам реакционные, антирабочие элементы, имеющиеся на предприятиях. С помощью таких рабочих советов контрреволюция хотела создать видимость того, будто рабочий класс или часть его встали на сторону контрреволюции. Позже сформированием системы рабочих советов, образованием так называемого «Центрального рабочего совета» они хотели достичь того, чтобы вся полнота политической власти, руководство государством перешли в руки рабочих советов, состоящих из контрреволюционеров.

Объем данной книги не дает возможности для опубликования длинного списка, доказывающего, какие «рабочие» заполнили эти «рабочие советы».

На заводе мельничных машин главным организатором, а затем председателем «рабочего совета» стал бывший главный советник по финансовым делам Карой Гемери. На за-

воде бурильного оборудования ведущими деятелями «рабочего совета» были сын бывшего хортистского полковника Аттила Фогараши, сын бывшего хортистского исправника Ференц Дука, на заводе «Орион» — жена бывшего шахтовладельца и хортистского офицера Левентене Мадьяр, в автоуправлении № 14 — бывший помещик Дьюла Кази Деги, на фабрике писчебумажных принадлежностей — Ласло Вереш, бывший директором завода при капитализме, на заводе электромашин и кабелей — барон Бодог Орбан. Наряду с этими баронами, помещиками, капиталистами в «рабочие советы» часто на руководящие посты попало множество всякого сброда фашистских элементов. Так, секретарем «Центрального рабочего совета» был Иштван Бабаи, в период Хорти-Салаша бывший заместителем коменданта военизированной фабрики «Хазай фешюшфоно». Другим известным членом Центрального рабочего совета был Йожеф Немешкери, контрреволюционер, осужденный ранее за кражу, который с оружием в руках боролся на стороне контрреволюции.

Ниже следующая выдержка из протокола заседания «рабочего совета» завода «Эдешюлт Иззо», проведенного 31 октября 1956 года, проливает свет на обстоятельства и принципы образования рабочих советов :

«Герени, делегат от революционного комитета IV района :

Состав рабочего совета завода «Эдешюлт Иззо» не подходящий . . . Предлагает избрать временный рабочий совет из шести человек.

Он сам три года участвует в подпольном движении, члены которого совершили 144 акта саботажа на заводе, 14 поджогов».

Из кого состоял уйпештский «революционный комитет», в котором были члены вроде Герени, выше давшего самому себе подобную характеристику?

Один из членов комитета — Ласло Габор, человек без определенных занятий, имевший фальшивые документы. Его сотоварищами по комитету был Шандор Лихтенштейн, осужденный в 1950 году за растрату государственных средств, и нилашист Карой Чехи, осужденный в 1946 году за контрреволюционную деятельность на пожизненное заключение, но в 1956 году освобожденный. На территории Уйпешта комитет создал и вооружил банды численностью более 1500 человек, а руководство ими поручил бывшим

хортистским офицерам. Общее руководство бандами было поручено бывшему подполковнику хортистской армии Шандору Ш. Надь. По указанию председателя комитета из кебаньской тюрьмы было освобождено более 800 преступников, ранее осужденных за контрреволюционные действия и уголовные преступления. Значительная часть освобожденных преступников была включена в вооруженные банды.

После всего этого ясно, какого состава «рабочие советы» организовывались уйпештским «революционным комитетом». Вот несколько выдержек из одного решения этого комитета :

«На основании резолюции революционного национального совета призываю всех членов временного революционного рабочего совета при выборах окончательного состава рабочего совета руководствоваться следующими установками :

... Не могут быть избраны и не могут голосовать лица, занимавшие при режиме Ракоши ответственные посты, бывшие, например, директорами, секретарями партийных организаций, председателями профкомов, начальниками отделов кадров, входившие в состав органов госбезопасности, партизанских отрядов, а также все те, кто активно поддерживал строй или же выступал за этот строй. Если в существующий сейчас временный революционный рабочий совет были избраны лица, относящиеся к одной из вышеперечисленных категорий, то они должны быть оттуда незамедлительно удалены».

Это решение имеет ясный смысл : в «рабочем совете» не может состоять ни один человек, являющийся сторонником народной демократии ! И это решение было не единственным. Например, в Марокфелде (область Зала) не допустили избрания в «революционный совет» не только партийцев, но и членов производственного кооператива, заявив, что «в совет могут войти только надежные люди». Так стал членом совета бывший староста-нилашист Геза Тот !

Итак, Имре Надь поддержал и намеревался вовлечь в работу государственной администрации те «созданные революцией демократические местные органы самоуправления», в которые, согласно уже упоминавшимся и другим подобным решениям, по планам контрреволюции не могли войти прогрессивные трудящиеся, но зато массами были «избраны» нилашисты, реакционеры, фашисты, бывшие капиталисты и помещики.

Большую роль в развале государственного аппарата, в том, что на каждом шагу создавались «революционные советы», «комитеты», «комиссии», которые выступали с безудержными контрреволюционными требованиями, сыграл «Революционный комитет интеллигенции». Среди руководителей этого комитета находились члены заговорщицкой группы Имре Надя — Шандор Харасты, Миклош Вашархеи, Габор Танцош, Балаж Надь, Ласло Кардош, Дьердь Адам. Комитет поддерживал регулярную непосредственную связь с Гезой Ложонци.

На своем заседании 28 октября «Революционный комитет интеллигенции» принял обращение, содержавшее открыто контрреволюционные требования, и распространил его в листовках, в печати и по радио. Многие «революционные комитеты», как это и понятно в соответствии с их составом, о котором говорилось выше, приняли это обращение, присоединились к контрреволюционным требованиям.

Иштван Маркуш в своих показаниях рассказал, что целью образования «Революционного комитета интеллигенции» было стремление объединить интеллигенцию из кружка Петефи, сделать ее базой правительства Имре Надя.

Секретарь кружка Петефи Габор Танцош в своих показаниях рассказал :

«Мы создали комитет для того, чтобы оказать помощь правительству Имре Надя, организовать для него массовую базу среди интеллигенции. Наши цели были воплощены в обращении, принятом на заседании комитета 28 октября. Ныне я уже вижу, что по своему тону и содержанию это обращение было оказанием помощи контрреволюционным силам».

ИМРЕ НАДЬ ОРГАНИЗУЕТ «ДАВЛЕНИЕ СНИЗУ»

Многие считают, что Имре Надя «влекли за собой» события, что он «был вынужден уступать давлению снизу». Такое мнение широко распространилось потому, что Имре Надь и многие члены группы Имре Надя распространяли его.

Однако целый ряд документов доказывает, что Имре Надь сам организовывал «давление снизу» и при выполнении своих заранее разработанных и тщательно подготовленных планов подло ссылался на то, что он якобы уступал «общественному мнению», выполнял «требования народа».

Тот, кто в то время слушал радиопередачи, читал газеты, помнит, что Имре Надь соглашался со всеми требованиями всех делегаций. Публикование этих переговоров, обнародование их по радио неизбежно приводило к тому, что приходили все новые делегации с новыми, еще большими требованиями.

Радиостанция «Свободная Европа» под заглавием «Венгерская революция и освободительная борьба в зеркале венгерских радиопередач» опубликовала текст передач, транслировавшихся венгерскими радиостанциями в период с 23 октября по 9 ноября 1956 года. (Фри Юроп Пресс, Дивижн оф Фри Юроп Комити, 2 Парк Авеню, Нью-Йорк 16, Н. Й., выпуск VIII, № 10—11). Согласно тексту, помещенному на страницах 61 и 62 этой брошюры, 26 октября, в пятницу в 12 часов 58 минут радиостанция имени Кошута в передаче «Боршодские трудящиеся издали важный манифест; товарищ Имре Надь согласился с требованиями боршодцев» сообщала о том, что премьер-министра Имре Надя посетила делегация боршодских рабочих во главе с Рудольфом Фельдвари. Делегация изложила свои требования, состоявшие из 21 пункта. Они требовали, в частности, пересмотра внешне-торговых договоров и опубликования их (радиостанция «Свободная Европа» начала это требовать уже с 13 октября!), увольнения ответственных работников и многое другое. Делегация требовала, чтобы не позже 1 января с территории Венгрии были выведены советские войска. Сообщение, переданное по радио, продолжается так:

«Товарищ Имре Надь ответил трудящимся области Боршод и города Мишкольц, что он согласен со всеми пунктами требований и обязуется удовлетворить их: еще сегодня ночью или завтра утром будет сформировано новое правительство, правительство Отечественного Народного фронта. При подборе состава правительства им будут максимально учтены пожелания, требования и предложения общественности. Товарищ Имре Надь учтет требования при разработке новой государственной программы, которую в ближайшее время представит на рассмотрение Государственного Собрания. Товарищ Имре Надь объяснил, что некоторые пункты программы могут быть в ближайшее время даже невыполнены . . .»

Повторяем — все это произошло 26 октября. Достаточно внимательно прочитать текст, и станет ясно, что он даже

не в скрытой, а в открытой форме содержит явный призыв к тому, чтобы у «общественности» были пожелания, требования и предложения относительно состава правительства, так как они будут максимально учтены Имре Надем; выдвигайте требования, и они будут включены Имре Надем в его новую правительственную программу; Имре Надь объясняет, что некоторые пункты программы могут быть в ближайшее время даже перевыполнены!

2 ноября в парламент прибыла новая делегация из области Боршод. Цитируем со страницы 295 упоминавшейся уже книги, изданной радиостанцией «Свободная Европа», известие, переданное «Свободной радиостанцией имени Кошута» 2 ноября, в 10 часов утра:

«По инициативе правительства, опираясь на областные и будапештские рабочие советы, из числа их делегатов, избранных демократическим путем, должен быть создан Всеенгерский революционный национальный комитет, после чего старый парламент должен считаться распушенным...»

Контрреволюционные руководители, вышедшие тогда на первый план в области Боршод, хорошо поняли слова, сказанные во время первой встречи: программу можно даже перевыполнить!...

О возбуждении общественного мнения, о подстрекательстве к выдвижению новых требований свидетельствует также и сообщение, переданное «Свободной радиостанцией имени Кошута» 31 октября в 23 часа 40 минут.

«Дорогие радиослушатели, передаем обращение революционного комитета студентов университета. Нынешнее политическое руководство мы считаем временным. Имре Надя мы будем поддерживать постольку, поскольку он со своим правительством удовлетворит наши требования...»

Студенческий комитет далее требует, чтобы из радиокомитета были уволены те, кто в первые дни оклеветал «славную освободительную борьбу», и чтобы к осуществлению увольнений «революционным советом радиокомитета» были привлечены организация молодежи, начавшей «освободительную борьбу», «революционный комитет студентов университета» и т. д.

Радиостанция прокомментировала обращение «революционного комитета студентов университета».

«Мы согласны с тем, что надо вести борьбу против всех сил и влияний, тянущих назад и ныне еще, несомненно, имеющих место в правительстве. Из этого надо сделать выводы в отношении соответствующих лиц. Красноречивым примером этому служит назначение командира борцов за свободу, столь героически защищавших казарму «Килиан», полковника Малетера первым заместителем министра обороны и снятие с должности начальника генерального штаба. Объединившись со всеми патриотическими силами, мы также будем бороться за то, чтобы эта борьба привела к новым успехам».

Даже пресловутый Специальный комитет ООН по вопросу Венгрии вынужден был констатировать, что лозунги и требования контрреволюции возникли не в массах, а исходили от Имре Надя и его группы, распространялись ими, чтобы затем они могли сослаться на «волю народа». В пункте 339 доклада Комитета об этом говорится следующее :

«Кажется, декларация о нейтралитете не явилась полной неожиданностью для тех венгров, которые перед октябрьскими событиями поддерживали связь с Имре Надем. Как стало известно комитету, в 1955 году Имре Надь, после того как отошел от активной политической жизни, в своих работах затрагивал возможность того, чтобы Венгрия получила нейтральный статус по австрийскому образцу, и об этих своих взглядах известил Венгерскую партию трудящихся и советских руководителей. (Как известно, это последнее утверждение не соответствует действительности, Имре Надь скрыл свои планы от венгерского правительства, от Венгерской партии трудящихся и, естественно, от советских руководителей. — Ред.) Начиная с 27 октября, Имре Надь, как видно, обсуждал эту проблему со своими сотрудниками и некоторыми посетителями. Как только в Будапеште и в провинции распространилась весть об этой идее, 29, 30 и 31 октября различные «рабочие советы» и другие «революционные» органы, а также политические, военные и церковные руководители оказали ей весьма энергичную поддержку».

Вот как аттестовали даже главные сторонники Имре Надя его лицемерие, бесчестие, тактику обмана народа!...

*Миклош Гимеш, Пал Лечеи, Тамаш Ацел — в роли рабочих
Андьялфельда*

27 октября 1956 года Имре Надь принял делегацию «рабочих Андьялфельда». Это была необычная делегация, и премьер-министр страны совещался с ней в течение трех часов. Большую часть членов делегации составляли известные члены контрреволюционной группы Имре Надя, типичные мелкобуржуазные, буржуазные элементы — Тамаш Ацел, Миклош Гимеш, Пал Лечеи, а также Йожеф Силадьи и ряд их сообщников. В делегации, состоявшей из 9—10 человек, были и представители Андьялфельда — два рабочих парня. По своему составу и роли эта «делегация рабочих Андьялфельда» чрезвычайно походила на различные «революционные комитеты» и «рабочие советы».

Двое вышеупомянутых молодых людей случайно были в городе, они не являлись ничьими делегатами и не имели намерения идти куда-то представлять рабочих. Один из молодых людей нес продовольствие своей сестре, живущей в VI районе, второй сопровождал его. В этом же доме жил Петер Йожа. Когда они встретились, он сразу же позвонил Шандору Коначи в Будапештское управление полиции, тот прислал за ними машину, и так молодые люди попали к Имре Надю.

Премьер-министр Имре Надь смог уделить 3 часа переговоров с молодыми людьми, явившимися к нему в сопровождении членов его группы. Эту встречу они считали необходимой для того, чтобы Имре Надь смог перед «рабочей» делегацией разыграть одну из своих самых темных провокаций.

Что же произошло на этой встрече?

Выдержки из показаний Йожефа Силадьи :

«...Имре Надь принял нас. Помимо меня присутствовали еще члены делегации, имен которых я не помню, далее, Тамаш Ацел, Миклош Гимеш, Пал Лечеи, всего человек десять. Я спросил у Имре Надя, знает ли он вообще, что творится в городе, знает ли он, что от его имени объявлено чрезвычайное положение, знает ли он, что от его имени были призваны русские. Я сообщил ему, что не о такой политике мы договаривались в свое время. В своем ответе Имре Надь рассказал, что прихода русских просил не он, а лишь позже его хотели заставить

подписать этот документ. Постановление о чрезвычайном положении он не подписывал, его имя подписали без его ведома. Мы сообщили ему, что привели сюда делегацию, чтобы члены ее рассказали, что творится в городе. После этого говорили все присутствующие, я уже не помню, кто что говорил. У делегации не было требований, изложенных в письменной форме, она изложила устно свои требования Имре Надю. В заключение Имре Надь сказал: подождите, друзья, будьте терпеливы. Он сообщил, что подготавливаются важные решения, и завтра (то есть 28 октября. — Прим. ред.) будет опубликовано коммюнике, которое удовлетворит их. В этом коммюнике, сказал он, мы заявим, что революция является народно-демократической революцией, а не контрреволюцией, заявим о выходе русских из Будапешта и сделаем другие исключительно важные заявления. Успокоившись, после примерно трехчасового пребывания у Имре Надя, мы ушли от него. Мы вернулись в Будапештское управление полиции. Копачи на автомашине отвез членов делегации домой».

В период между 23 октября и 4 ноября Имре Надь совершил целый ряд обманов, подлогов, фальсификаций, но следующий его маневр превосходит все: вслед за делегацией «рабочих» он пытался убедить и общественность страны в том, что не знал о постановлении Совета Министров относительно вызова на помощь советских войск и о введении чрезвычайного положения. 30 октября 1956 года в 18 ч. 30 м. радио передало следующее:

«Сейчас мы передадим важное коммюнике: Венгры! Позором для всех нас, причиною того, что разгорелись страсти, было два постановления, из-за которых была пролита кровь сотен людей. Одним из них было приглашение советских войск в Будапешт, другим же было позорное постановление о введении военно-полевого суда над борцами за свободу. Перед лицом истории мы в полном сознании своей ответственности заявляем, что председатель Совета Министров Имре Надь не знал об этих двух решениях! На постановлении Совета Министров просить советской военной помощи и на постановлении о чрезвычайном положении нет подписи Имре Надя. Эти два постановления исходят от Андраша Хегедюша и Эрне Герэ! Они несут за них ответственность перед историей и перед нацией».

Имре Надь не знал о введении чрезвычайного положения? Цитируем выступление Имре Надя по радио 24 октября в 12 часов 10 минут.

«Говорит Имре Надь, председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Жители Будапешта, сообщая, что все те, кто в интересах прекращения дальнейших кровопролитий сегодня до 14 часов прекратит борьбу и сложит оружие, не будет предан военно-полевому суду... Мы хотим проводить политику не мести, а примирения! Поэтому правительство решило не предавать военно-полевому суду всех тех, кто добровольно и незамедлительно сложит оружие, прекратит борьбу»...

В этот же день в 12 часов 19 минут по радио были переданы сообщения. Вот одно из них :

«По поручению вооруженных повстанцев района площади Бароши делегация парламентаров в составе пяти человек посетила товарища Имре Надя и информировала его о том, что в случае полной амнистии они готовы сложить оружие. Предложение их было принято!» (Упомянутая брошюра о радиопередачах, стр. 22).

25 октября 1956 года в передаче, начавшейся в 15 часов 18 минут, радио транслировало следующее выступление Имре Надя :

«...Советские войска, вмешательства которых в бой потребовали жизненные интересы нашего социалистического строя, будут незамедлительно отозваны, как только будет восстановлен мир и порядок.

По отношению к тем, кто взялся за оружие не с намерением свергнуть наш народно-демократический строй и незамедлительно прекратит борьбу, сдаст оружие, правительство в духе прощения и примирения проявит максимальное великодушие, на них не распространится постановление о чрезвычайном положении. В то же время в интересах трудового народа, желаемого мира и порядка, в защиту нашего мирного, демократического государственного строя мы по всей строгости закона привлечем к ответственности тех, кто будет продолжать вести борьбу с оружием в руках, подстрекать и мародерствовать».

Если мы сравним это заявление с коммюнике, переданным по радио 30 октября, то ясно увидим двуличное поведение Имре Надя. 25-го он говорил еще о «социализме», «народно-демократическом строе» и о том, что вмешательство советских войск в бой считает жизненно необходимым. Сделал он это для того, чтобы ввести в заблуждение силы, преданные народной демократии, делу социализма, задержать их выступление. Когда же он решил, что пришло время выступить открыто, он прибегнул ко лжи для осуществления своих дальнейших планов.

Среди бумаг Имре Надя в парламенте было найдено объявление о введении чрезвычайного положения, подписанное 24 октября 1956 года председателем Будапештского суда. На обратной стороне этой же бумаги можно увидеть записи, собственноручно сделанные Имре Надем. Фотокопия объявления и записей, сделанных Имре Надем на обратной стороне, публикуется в приложении к данной книге.

Мы публикуем также фотокопию документа, датированного 24 октября, текст которого, подписанный Имре Надем, гласит :

«Жители Будапешта !

Довожу до вашего сведения, что на тех, кто в интересах прекращения дальнейшего кровопролития сегодня до 13 часов дня прекратит борьбу и сложит оружие, не будет распространено действие постановления о чрезвычайном положении».

Здесь фигурирует 13 часов, а в радиовыступлении 24 октября, соответствующую выдержку из которого мы выше привели, фигурировало 14 часов. Дело в том, что радиовыступление состоялось лишь после 12 часов. Все помнят, сколько раз в те дни сообщалось о продлении срока прекращения вооруженных боев.

На судебном процессе представитель обвинения задал Имре Надю несколько вопросов в связи с объявлением чрезвычайного положения :

Прокурор : Вы утверждаете, что не издавали распоряжения о введении чрезвычайного положения?

Имре Надя : Этого я не говорил. Здесь имеются мои радиовыступления, в которых я ссылаюсь на по-

становление о чрезвычайном положении и его выполнение.

Прокурор: Вы стремились к проведению в жизнь постановления о чрезвычайном положении?

Имре Надь: Это не входило в мою компетенцию. То, что было моей задачей, я выполнял. Чрезвычайное положение я представлял так, что оно распространяется лишь на уголовных преступников.

Прокурор: Вы не хотели считать действительным постановление о чрезвычайном положении в отношении лиц, которые незаконно получили оружие и боролись с этим оружием против Венгерской Народной Республики?

Имре Надь: Нет. К ним я не хотел применять постановления о чрезвычайном положении».

Под влиянием свидетельских показаний, показаний его сообщников и представленных ему письменных доказательств Имре Надь на судебном процессе сказал о введении чрезвычайного положения следующее :

«24 октября Хегедюш и Герэ высказались за необходимость введения чрезвычайного положения. Под влиянием доводов я подписал его. Я обсудил с министром юстиции и генеральным прокурором метод опубликования решения о введении чрезвычайного положения. Я предупредил министра юстиции быть осторожным, не допускать перегибов, но если понадобится, беспощадно применять его. Об объявлении чрезвычайного положения я беседовал с министром юстиции и генеральным прокурором 24 октября днем, постановление о чрезвычайном положении я подписал в полдень.»

Итак :

Имре Надь говорил о чрезвычайном положении и заявил, что тот, кто сложит оружие, не будет подпадать под его действие ;

Имре Надь заявил, что не знал о постановлении относительно чрезвычайного положения ;

Имре Надь заявил, что не подписывал постановления о чрезвычайном положении ;

Имре Надь считал, что постановление о чрезвычайном положении распространяется только на уголовных преступников ;

Имре Надь признал, что подписал постановление о чрезвычайном положении и распорядился о беспощадном его применении.

Имре Надь отрицал, изворачивался, признавал — в каждом случае в зависимости от того, как это он считал в данных обстоятельствах наиболее выгодным для себя...

ИМРЕ НАДЬ НЕ ДОПУСКАЕТ ПРОВАЛА СВОИХ ПЛАНОВ, СРЫВАЕТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕР ПО ЛИКВИДАЦИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Имре Надь, будучи премьер-министром, злоупотребив своей властью, неоднократно и во многих отношениях саботировал осуществление решений, вынесенных в интересах подавления контрреволюции. Он самовольно аннулировал постановление, которым запрещалось выходить на улицу, предоставив этим возможность уже разрозненным контрреволюционерам вновь организоваться, воспрепятствовал тому, чтобы еще имевшиеся в первые дни организованные силы разгромили контрреволюционные группы. Он воспрепятствовал применению им самим же объявленного чрезвычайного положения, распространявшегося на вооруженных мятежников. Он воспрепятствовал тому, чтобы контрреволюционеры, бесчинствовавшие в переулке Корвин, были принуждены сдать ся или же были разгромлены. Зная о террористических действиях, совершавшихся на улицах, он все же 28 октября отдал распоряжение о прекращении огня, парализовав этим вооруженные силы, сражавшиеся за дело народной демократии и социализма.

Выдержка из свидетельских показаний Агнеш Шагвари, партийного работника Венгерской социалистической рабочей партии :

«...Постановление, запрещавшее выход на улицу, было сначала подписано Имре Надем, и он одобрил его как успешную меру, направленную против контрреволюции. 25-го утром Яноши в моем присутствии заявил Имре Надю, что запрет выходить на улицу надо незамедлительно аннулировать. Имре Надь сразу же аннулировал запрет о выходе на улицу. 25 октября во второй половине дня и вечером, а также 26 октября многие товарищи очень резко критиковали Имре Надя за самовольное снятие запрета выходить на улицу».

Лайош Тот, бывший начальник Генштаба армии, в своих свидетельских показаниях рассказал :

«По предложению военного совета Имре Надь отдал распоряжение, запрещающее выход на улицу, и постановление о введении чрезвычайного положения. Цель этих мер заключалась в том, чтобы на улице остались лишь те лица, которые с оружием в руках посягали на народно-демократический строй. Вскоре после этого по радио было объявлено, что постановление о запрещении выхода на улицу и о запрещении собраний аннулировано. Это распоряжение было отдано Имре Надем без согласия на то военного совета. Так же обстояло дело и с объявлением чрезвычайного положения. Оно было объявлено по предложению военного совета, но позже Имре Надь отменил его. В это время в военный совет непрерывно поступали сообщения о том, что арестовано много вооруженных лиц. Спрашивали, что делать с задержанными. По распоряжению Имре Надя военному совету пришлось отпустить этих лиц».

Выдержка из свидетельских показаний бывшего министра обороны Кароя Янза :

«Военный совет обсудил предложение относительно разгрома вооруженных контрреволюционеров, орудующих в районе переулка Корвин, так как они наносят огромный ущерб, являясь самым крупным в городе очагом сопротивления, уничтожение которого способствовало бы ликвидации остальных очагов сопротивления. Военный совет принял это предложение и поручил генерал-майору Иштвану Ковачу, полковникам Миклошу Слючу и Золоми из оперативной группы генерального штаба разработать план военных действий . . . Мне позвонил по телефону Имре Надь и заявил, что об осуществлении плана не может быть и речи».

В приложении к данной книге, содержащем фотоснимки, мы помещаем фотокопию докладной записки, написанной бывшим генерал-майором Иштваном Ковачем. Текст записки :

«Не стреляйте по кварталу. Это усложняет политическое положение. Имре Надь особо просил, чтобы мы не осуществляли этого плана».

Соответствующая часть свидетельского показания Лайоша Тота :

«Намеченная на 28 октября 1956 года военная операция по ликвидации контрреволюционеров, действовавших в переулке Корвин и прилегающем к нему районе, была сорвана также Имре Надем. Когда план был готов, Имре Надь сразу же протестовал против осуществления операции, угрожая в противном случае отказаться от поста премьер-министра. Ввиду того, что эта операция не была выполнена, переулок Корвин с прилегающим к нему районом превратился в еще более сильную контрреволюционную базу».

ИМРЕ НАДЬ ОБЪЯВЛЯЕТ ПЕРЕМИРИЕ РАЗГУЛ БЕЛОГО ТЕРРОРА

28 октября в 13 часов 20 минут радиостанция имени Кошута передала следующее :

«Внимание, внимание! Передаем важное сообщение!

Правительство Венгерской Народной Республики в интересах прекращения дальнейшего кровопролития и мирной консолидации постановляет незамедлительно прекратить огонь. Оно приказывает вооруженным силам открывать огонь только в случае прямого нападения. Имре Надь, председатель Совета Министров».

Вооруженные силы получили от председателя Совета Министров приказ — не предпринимать действий с целью принудить вооруженных контрреволюционеров к капитуляции.

Объявление перемирия и выступление Имре Надя по радио открыли путь фашистам-контрреволюционерам. Это явилось толчком для новых террористических актов, убийств и линчеваний.

В октябре и ноябре 1956 года весть об ужасах белого террора в Венгрии облетела весь мир. Значительная часть буржуазных журналистов, побывавших в Венгрии, также с чувством содрогания описывала фашистскую резню, совершавшуюся на улицах. Корреспондент парижской газеты «Ле Монд» Жан Роман сообщал, что в Будапеште свирепствует охота за людьми, во всей стране происходят сцены, напоминающие период возвращения белых в Венгрию в 1919 году.

Газета «Вестдейчес тагблатт» так информировала своих читателей :

«Невероятные ужасы — вот что было последствием событий ; жертвами были как преступники, так и невинные. В стране воцарился закон линча. Лились потоки крови».

Дюссельдорфская газета «Дейче фольскцейтунг» писала :

«...с того времени, как советские танки покинули Будапешт, началась страшная массовая резня, подлинная Варфоломеевская ночь».

В свое время в изданиях «Белой книги» было подробно рассказано о белом терроре в Венгрии. В напоминание мы перечислим несколько злодеяний из числа сотен страшных убийств.

26 октября 1956 года в Камараэрде был убит председатель Чепельского совета, старый чепельский рабочий Йожеф Каламар. Убийцы забили ему рот песком, подвергли страшным пыткам.

26 октября 1956 года лауреат премии Кошута токарь Андраш Бордаш был убит в тот момент, когда шел покупать хлеб своим детям.

Старшего лейтенанта пограничных войск Дьердя Дьенеша контрреволюционеры в Мошонмадьяроваре закололи насмерть древком знамени.

Контрреволюционеры, пробравшиеся в Мошонмадьяровар из Австрии, подвергли пыткам капитана пограничных войск Йожефа Ваги, а затем выбросили его в окно. Толпа на улице растоптала тяжело раненого офицера.

Контрреволюционеры с площади Сены в Будапеште схватили во время боя младшего лейтенанта войск МВД Кароя Надя. Они подвергли его жестоким пыткам, а затем распяли.

Мишкольцские контрреволюционеры напали на улице на лейтенанта полиции Яноша Штрелеца и избили его до смерти прикладами винтовок.

30 октября 1956 года, после штурма горкома партии на площади Кезтаршашаг в Будапеште, контрреволюционеры повесили полковника Лайоша Сабо за ноги, связанные стальным тросом и замучили до смерти. Здесь же дочь кулака Пирошка Янко ножом ударила в сердце полковника Яноша

Асталоша, контрреволюционеры же вопили: «Вырви ему сердце!» Полковник артиллерии Йозеф Папп и член Центрального Комитета партии Имре Мезе были убиты в тот момент, когда вышли из здания с белым флагом, чтобы вести переговоры с нападающими. Тяжелораненый полковник был еще исколот ножом, а затем повешен у театра имени Эркеля. Здесь же, на площади Кезтаршашаг, были убиты молодые защитники горкома, оставшиеся верными своей присяге.

Но контрреволюционеры готовились к еще более страшному, еще более массовому кровопролитию. По всей стране составлялись «списки смертников», тысячами арестовывались сторонники народной демократии; среди арестованных многим уже вынесли смертные приговоры и назначили день казни.

В Шюмерском районе области Веспрем «революционные комитеты» составили черные списки на коммунистов и других прогрессивных людей окрестных сел. В некоторых селах в каждый такой список входило по 100—150 имен.

В селе Несмей области Комаром список подлежащих казни был составлен председателем «национального совета».

В селе Тисасентимре области Сольнок «революционный совет» включил в список 38 коммунистов и других сторонников народно-демократического строя и готовился к их повешению.

В селе Добош области Бекеш был составлен список на 80 коммунистов и выбрано даже место для казни.

В селе Сакай области Толна четверо вооруженных автоматами контрреволюционеров образовали «трибунал» для осуждения и казни коммунистов.

В Надьдореге области Толна хортистский майор Геза Теглаши создал карательную группу из пяти человек. Каждому из членов группы — нилашистов и бывших жандармов — предстояло казнить по 6 коммунистов.

В Баконьсентласло (область Веспрем) на открытом собрании перед зданием совета был зачитан список коммунистов, подлежащих казни.

В Сентготхарде (область Ваш), в непосредственной близости от австрийской границы, где туда и обратно свободно прогуливались агенты радиостанции «Свободная Европа», казнь коммунистов планировалась на 7 и 8 ноября.

В XVI районе Будапешта при «национальном комитете» была создана карательная «бригада», которая намеревалась 4 ноября казнить около 130 коммунистов.

В XVII районе Будапешта несколько членов «национального комитета» включили в список подлежащих казни около 150 коммунистов и прогрессивно настроенных трудящихся.

Все вышеперечисленное представляет собой лишь незначительную часть того, что организовывалось в стране в последние дни контрреволюции. Десятками создавались «трибуналы расправы», известные по нилашистским временам, и уже не десятками, а сотнями — списки «смертников». Казнь большинства коммунистов и других прогрессивных граждан, находившихся в плену у контрреволюционных банд в Будапеште, намечалась на 6 ноября. Согласно плану, тогда должны были состояться на Вермезе торжественные похороны погибших, и с траурной речью здесь намеревался выступить главный проповедник ненависти — Йозеф Миндсенти. Эти торжественные похороны и траурная проповедь должны были явиться сигналом к общей массовой резне.

Заведующий отделом одного из торговых предприятий Ференц Кечкеш, который в свое время был схвачен контрреволюционерами из переулка Корвин и содержался под арестом на улице Пратер, в своем свидетельском показании рассказал, что и ему и другим арестованным охранявшие их мятежники неоднократно заявляли, что скоро до них дойдет очередь, так как 5 или 6 ноября на Вермезе будут устроены похороны погибших «борцов за свободу», а затем там же соберется «революционный трибунал», который приговорит к смерти арестованных коммунистов и работников госбезопасности.

По свидетельству других документов, контрреволюционеры готовились и к тому, чтобы в вечерние и ночные часы вооруженные бандиты пошли по домам и квартирам, отмеченным в те дни красной или другой краской, и устроили «ночь длинных ножей», казнили 3000 арестованных, верных народной демократии, и покончили с десятью тысячами граждан, включенных в «списки смертников».

Из всего этого явствует, что контрреволюционный белый террор, свирепствовавший до 4 ноября в Будапеште и во многих пунктах страны, при всех своих ужасах был лишь началом дальнейших злодеяний. Контрреволюция готовилась к значительно большей кровавой расправе и к большим ужасам, и если бы не выступили социалистические силы в Венгрии, если бы они не разбили контрреволюцию, фашистский террор затопил бы в крови всю страну.

В эти мрачные дни, когда на улицах Будапешта, Мишкольца и других городов шла фашистская охота за людьми, премьер-министром Венгрии был «коммунист» Имре Надь. В годы, предшествовавшие контрреволюции, Имре Надь любил выставлять себя защитником законности. Именно этим он приобрел себе целый ряд сторонников. Его заговорщицкая группа и ее сторонники распускали о нем именно такую славу. Характерно, что и бюллетень Специального комитета ООН называет Имре Надя «рыцарем законности».

В дни контрреволюционного кровавого террора действительно имелась величайшая необходимость в том, чтобы премьер-министр страны защитил законность, защитил жизнь тысяч и десятков тысяч честных и чистых людей. Но Имре Надь не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова против свирепствовавшего белого террора. Наоборот, благодаря своему тесному сотрудничеству и союзу с контрреволюционными бандами, он стал главным отечественным покровителем страшного белого террора 1956 года. Характерно для него и его поведение на судебном процессе.

Имре Надь заявил суду :

«О том, что 30 октября было совершено нападение на горком партии на площади Кезтаршашаг, я, к сожалению, не знаю».

Председательствующий спросил :

«Имели ли вы сведения о том, что в Будапеште и в провинции совершаются террористические действия, вешают коммунистов и демократически настроенных людей?»

Имре Надь ответил :

«Я таких донесений не получал. Что происходит в стране, мне не сообщали . . . И не моей задачей было, чтобы я как премьер-министр распоряжался и этой областью».

На судебном заседании 13 июня со свидетельскими показаниями выступила бывший секретарь Имре Надя Йожефне Балог. Она рассказала :

«Вообще я была очень усталой, поссорилась с несколькими товарищами. Повздорила и с Имре Надем. Он несколько раз призвал меня к порядку, чтобы я, как сказал он, не наводила панику. В среду я видела, как вешают людей в форме, и тогда Имре Надь сказал,

чтобы я не наводила панику. Во время штурма здания горкома на площади Кезтаршашаг я сама, лично, сказала Имре Надю, что стреляют по горкому. Тогда он тоже сказал, чтобы я не наводила панику».

В ответ на вопрос прокурора свидетельница рассказала :

«Однажды из партии прислали нам (в парламент — Прим. ред.) информационное сообщение. В сообщении описывались ужасные подробности совершаемых злодеяний. Я отнесла информацию в кабинет Имре Надя и просила его прочитать. После моей вторичной просьбы он заглянул в материал и отложил его, сказав, что «они преувеличивают». Он сказал мне, чтобы я оставила его в покое, чтобы такие материалы не приносила. С этого времени эти сообщения прочитывала только я, а затем убирала их в шкаф».

После показаний Балогне Имре Надь сделал следующее замечание :

«О нападении на горком я ничего не знаю».

На судебном заседании 13 июня прокурор объявил, что Верховная прокуратура получила кинолентку, снятую западными корреспондентами печати и кинорепортерами в период венгерской контрреволюции октября—ноября 1956 года, а также снимки, опубликованные в западной печати в период контрреволюции и после нее и свидетельствующие о террористических действиях. По инициативе прокурора председатель суда отдал указание о показе фильма. После демонстрации фильма ряд подсудимых сделал замечания.

Золтан Тильди :

«Показанный фильм глубоко потряс меня. Я сожалею, что мое имя связано с этими делами».

Ференц Донат :

«Вести о белом терроре дошли до парламента. Тот факт, что мы все же выстояли на стороне правительства, можно объяснять, но нельзя приукрасить . . . Я считаю долгом своей совести покаяться перед памятью тех коммунистов, тех венгерских и советских солдат, которые погибли в период контрреволюции».

Шандор Копачи :

«Я сознаю свою виновность и стыжусь того, что мое имя в глазах моих друзей совершенно справедливо запятнано. Мы видели этот фильм о том, как убивали

людей. Косвенно я тоже чувствую себя ответственным. Я видел советских солдат, которых на моих глазах вынимали убитыми из танка, и командир их со слезами рассказал, что они должны были завтра демобилизоваться и вот теперь погибли... Я сожалею о том, что совершил, и испытываю угрызения совести.

Имре Надь не имел замечаний.

КРОВАВОЕ РУКОПОЖАТИЕ ИМРЕ НАДЬ, ЛОШОНЦИ И ДОНАТА С ЙОЖЕФОМ ДУДАШЕМ

30 октября навсегда останется в памяти не только как день кровавой резни на площади Кестаршашаг. С этой датой связаны и другие события контрреволюции.

В этот день Имре Надь, Геза Лошонци, Ференц Донат (генеральный штаб заговора) и несколько других членов этой группы собрались для переговоров с одной из самых гнусных фигур контрреволюции — Йожефом Дудашем.

Йожеф Дудаш, — как он сам себя называл в статье своей газеты, — был одним из главарей «сил восставших вооруженных борцов за свободу», председателем им же самим основанного «национального революционного комитета», главарем контрреволюционеров, банды убийц. Вожак контрреволюционеров, засевавший в здании редакции газеты «Сабад неп», создал так называемую «оперативную группу» под названием «охотники за скальпами». Начальником террористической группы был старший лейтенант хортистской армии Ференц Палхази. Членами ее были, в частности, Реже Варга и Золтан Прейс. Реже Варга до контрреволюции находился под предварительным арестом за кражу, обман и социально опасное уклонение от работы, был освобожден из тюрьмы вследствие контрреволюционных событий. Золтан Прейс был приговорен к восьмилетнему тюремному заключению, освобожден из тюрьмы после 23 октября. «Охотники за скальпами» убивали коммунистов и других прогрессивно настроенных лиц, грабили. Дудаш вербовал членов своей вооруженной банды из числа уголовных преступников, осужденных лиц, освобожденных контрреволюцией из тюрем.

Лошонци и Донат встретились и совещались с Дудашем в «революционном комитете интеллигенции», а Имре

Надь — в здании Парламента. Иштван Маркуш в своих показаниях рассказал :

«Кажется 30 октября кто-то вызвал Йожефа Дудаша для переговоров в комитет. В совещании приняли участие от комитета Дьердь Адам, Тамаш Надь, Иван Кадар, Габор Танцош, Балаж Надь, Ласло Кардош и др.

Присутствовали Геца Лошонци, Ференц Донат и я. Формально руководителем совещания был Дьердь Адам. Однако Геца Лошонци был самым активным. Дудаш изложил собравшимся свои требования. Сутью их было : призывание войск ООН, объявление в течение двух недель всеобщих выборов на основе многопартийной системы, немедленный созыв учредительного собрания из представителей повстанцев.

Дудаш заявил также, что они прекратят борьбу только в том случае, если будет создано учредительное собрание из представителей повстанцев и будут проведены тайные выборы под наблюдением войск ООН».

Габор Танцош показал :

«Дьердь Адам руководил совещанием, в котором принимали участие отдельные члены комитета и Геца Лошонци, и Ференц Донат, а также Йожеф Дудаш. 30 октября Ференц Донат вместе с Гезой Лошонци пришел в революционный комитет интеллигенции и там встретился и вел переговоры с Йожефом Дудашем. Я не знаю, известно ли было Донату и Лошонци заранее, что революционный комитет интеллигенции ведет переговоры с Дудашем и его друзьями, однако факт, что оба принимали участие в совещании. От комитета были Дьердь Адам, Ласло Кардош и я. Присутствовали Йожеф Дудаш и двое сопровождавшие его, далее, Геца Лошонци, Ференц Донат и писатель Иштван Маркуш. Больше всех говорил Геца Лошонци, участники к его словам прислушивались больше всего. Дудаш рассказал, что он создал национальный комитет, у него имеются также вооруженные люди. Он намерен созвать «съезд героев-повстанцев». Он будет требовать проведения новых выборов. Среди его требований фигурирует выведение советских войск из страны и роспуск УГБ. Вот что нам в основном сообщил Дудаш».

Имре Надь, верный своей роли, сознательно принятой

им на себя, нетерпеливо дожидался встречи с главарем «охотников за скальпами».

Секретарь Имре Надя, Йожефне Балог, рассказала об этом следующее :

«Йожеф Дудаш, а затем и его жена неоднократно торопили со встречей. Наконец, договорились о встрече на следующий день, во второй половине дня. Имре Надь сказал мне, чтобы я вызвала Дудаша и сообщила ему время встречи.

В назначенный срок Имре Надь ожидал прибытия Дудаша и неоднократно просил поторопить его. Приблизительно час спустя позвонил Дудаш и сообщил, что он занят и придет позже. Имре Надь принял это к сведению и продолжал ожидать Дудаша. Подробностей переговоров я не знаю, так как они происходили в конференц-зале».

Имре Надь вел переговоры и с другими главарями вооруженных контрреволюционных групп.

Следующий номер органа Йожефа Дудаша, газеты «Мадьяр фюггетленшег», крупными буквами сообщал :

«Переговоры между членами национального революционного комитета и председателем Совета Министров». Текст статьи :

«30 октября 1956 года в шесть часов вечера начались переговоры между председателем Совета Министров Имре Надем и представителями вооруженных сил восставших борцов за свободу, членами национального революционного комитета, а также представителями революционной интеллигенции и студенчества. На основе предложения председателя Национального Революционного комитета Йожефа Дудаша от имени сил вооруженных борцов за свободу, переговоры ведутся в благоприятной атмосфере, и предложения повстанцев председатель Совета Министров Имре Надь представит правительству».

«Свободная радиостанция имени Кошута», возглавлявшаяся Гезой Лошонци, 30 октября 1956 года в 19 часов 50 минут передала следующее : «Дорогие радиослушатели ! Сейчас мы зачитываем важное сообщение», затем было дословно зачитано опубликованное в газете Дудаша выше-

приведенное сообщение. (Упомянутый сборник радиопередач, стр. 180.)

В этот же день, 30 октября 1956 года, утром контрреволюционеры, в том числе и вооруженные бандиты Дудаша, напали на здание горкома партии на площади Кезтаршашаг, где зверски убивали людей. А радиостанция сочла переговоры между Имре Надем и Дудашем столь важными, что через восемь минут после первой передачи, в 19 часов 58 минут, повторила указанную передачу.

Поскольку Имре Надь не мог опровергнуть доказанного многочисленными свидетелями факта, что он вступил в переговоры с Дудашем, он попытался отвести от себя ответственность за то, что именно с его ведома и при его содействии в газете Дудаша и по радио было обнародовано приведенное выше коммюнике. Однако и эта его попытка не имела успеха . . .

Отрывок из свидетельских показаний служащей Ференце Мольнар :

«В период октябрьских событий я работала секретарем у Имре Надя. Дудаш был у Имре Надя и беседовал с ним. Дудаш продиктовал мне текст, который затем был передан по радио. Имре Надь просмотрел этот текст и сказал, что все в порядке. Не знаю, подписал ли он его».

Замечание Имре Надя по поводу приведенного показания :

«Коммюнике о переговорах с Дудашем было опубликовано без моего одобрения».

На вопрос председателя свидетельница отвечает :

«Имре Надь вызвал меня и приказал записать то, что продиктует Дудаш. Дудаш продиктованный им текст показал Имре Надю».

ВЫСТУПЛЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ РЕАКЦИОННЫХ И ФАШИСТСКИХ ПАРТИЙ РОЛЬ МИНДСЕНТИ В КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Начали создаваться самые различные партии. Насчитывалось около 70 партий — от Независимой партии мелких хозяев до явных фашистов, — которые были созданы или же подготовлены к созданию в дни разгула контрреволюции.

Стоит перечислить некоторые из этих партий и политических группировок: Независимая партия мелких хозяев, Социал-демократическая партия, Партия Петефи (бывшая Национально-крестьянская партия), Венгерская партия независимости (преемница фашистской партии Пфейфера), Партия Венгерской жизни, Венгерская партия свободы, Партия венгерских революционеров, Христианско-демократическая партия (по образцу партии Аденауэра и итальянской клерикальной правительственной партии), Христианская венгерская партия, Буржуазно-демократическая партия, Венгерский демократический союз, Венгерская революционная партия молодежи, Партия скрещенных стрел (нилашисты — в Дьере), Венгерская народная партия, Национальный лагерь, Христианский фронт, Демократическая народная партия (преемница партии предателя родины Баранковича), Католическая народная партия, Христианская народная партия, Всевенгерский союз бывших политических заключенных, Венгерский национальный комитет (партия Дудаша), — не говоря уже о различных «революционных комитетах» и «рабочих советах», по названию хотя и не являвшихся партиями, но в своей деятельности выступавших как политические партии. Уже сам по себе этот список много говорит о «демократии», благословленной Имре Надем.

Не «ход событий» толкнул Имре Надя на этот курс. Уже задолго до этого он именно так и представлял себе дело. Доказательством этого является и тот факт, что уже в период подготовки контрреволюции члены его группы вели переговоры с Анной Кетли и Иштваном Эрдеи, предавшими родину и дело рабочего класса, о воскрешении Социал-

демократической партии, то есть ликвидации единства рабочего класса.

Подобным же образом была подготовлена к началу контрреволюции и Независимая партия мелких хозяйев. Об этом свидетельствуют показания Золтана Тильди :

«На следующий день после начала контрреволюции, 24 октября, в помещении Независимой партии мелких хозяйев по улице Зарда собралось большое число бывших членов партии. Здесь развернулись большие споры о деятельности отдельных лиц. Дискуссию вел д-р Янош Чорба, как старший по возрасту . . . На этом собрании речь шла о том, что следует исключить из партии тех лиц, которые после 1949 года находились на руководящих постах при народно-демократическом строе. В частности, речь шла об Иштване Доби, Йожефе Богнаре, Дьюле Оргутаи, Ласло Пешта».

О целях воссоздания Независимой партии мелких хозяйев бывшими правыми ее руководителями открыто оповестил мир по радио бекешский кулак Иштван Б. Сабо — вице-председатель партии, бывший государственный министр правительства Имре Надя. Он заявил, что в основном партия принимает бекешскую программу 1930 года (программу Иштвана Надьягади-Сабо).

Это означало, между прочим, что земля, полученная крестьянами при новом строе, будет отобрана, будут восстановлены в своих правах бывшие эксплуататоры, хортистские коммунальные административные органы и объединения депутатов, состоявшие из людей, угнетавших крестьянство.

Золтан Тильди рассказал на суде и о целях тогдашнего крайнего руководства своей партии :

«Независимая партия мелких хозяйев образовалась еще раньше. Перечислю наиболее известных ее членов : Йожеф Кеваго, Иштван Б. Сабо, Шандор Кишш, состоявший также и директором крестьянского союза, Тивадар Партаи. Этих людей я знал еще по деятельности в Независимой партии мелких хозяйев после 1945 г. Они определенно примыкали к правому ее крылу и даже к ее крайне правой группировке.

Они дважды посещали меня в Парламенте. Я немедленно установил с ними связь по поводу коалиции. Среди их требований фигурировало требование о запрещении Президиума.

Главным их требованием было распределение всех министерских портфелей на основе пропорций, имевших место в коалиционном правительстве 1945 г.».

В интересах осуществления этой программы Имре Надь дважды выдавал Независимой партии мелких хозяев из фондов ВПТ по 300 000 форинтов, то есть в общей сложности 600 000 форинтов, и принял к сведению, что партия захватила дом Венгеро-Советского Общества по ул. Земмельвейс и все находившееся там имущество Общества. Имре Надь предоставил также 300 000 форинтов Национально-крестьянской партии, которая стала теперь называться Партией Петефи.

Программа Венгерской партии независимости провозглашала неприкосновенность частной собственности и требовала осуществления «чистой, вечной и венгерской буржуазной демократии».

Вообще, требование восстановления частной собственности в большей или меньшей мере открыто фигурировало в программе каждой партии. Блок беспартийных в этом вопросе дошел до того, что провозгласил: «в государственных руках» следует оставить лишь земельные владения, превышающие 1000 хольдов. Что же касается промышленности, то мы дословно приводим пункт 15 программы блока:

«Преобразование национализированных предприятий (за исключением ключевых предприятий, шахт и т. п.) в акционерные общества» . . .

Эта партия включила в свою программу и такие требования, как полицейский надзор за бывшими партизанами, роспуск органов госбезопасности, ликвидация парткомов и профкомов на предприятиях и т. п. Программа Национального лагеря была выдержана прямо в салашистском духе. Пункт 6 этой программы гласит:

«Венгерский социализм основывается на древней венгерской идее коллективизма — на «кровном союзе», а также на ограниченной частной собственности».

Итак, можно подряд рассматривать программы всех партий, блоков, союзов, лагерей, фронтов, комитетов, программы, в которых на глазах у премьера — «национального коммуниста», с его ведома и согласия вырисовываются контуры уже открыто фашистских требований, далеко выходящих за рамки так называемой буржуазной демократии.

Наряду с партиями возникала масса контрреволюционных газет.

ИМРЕ НАДЬ НЕЗАКОННО РЕАБИЛИТИРУЕТ МИНДСЕНТИ

Йозефа Миндсенти, этого пресловутого представителя самой оголтелой реакции, вернули к политической жизни Имре Надь и его сообщники.

Кажется странным, — но того, кто знаком с образованием и составом контрреволюционных рабочих советов, это не удивит, — что впервые в защиту Миндсенти по радио выступил именно один из таких «рабочих советов». 30 октября по радио Сомбатхея были зачитаны требования «рабочего совета области Ваш», среди них имелось следующее требование :

«...в кратчайший срок обеспечить полную реабилитацию кардинала Йозефа Миндсенти и других репрессированных духовных лиц, а также возвращение этих лиц на церковные посты в кратчайшие сроки».

Секретарь Золтана Тильди Золтан Хамори в своих записках отмечает, что 31 октября из провинции позвонил по телефону майор Палинкаш, происходящий из рода маркграфов Паллавичини, и сообщил, что Миндсенти освобожден. Тильди дал ему указание привезти Миндсенти в Будапешт и поместить его в кардинальской резиденции в Дворцовом районе. Далее в записках Хамори говорится :

«...Тильди посетил Миндсенти в его резиденции. Его сопровождали Малетер и Янош Керестеш. Это посещение Тильди носило характер визита вежливости»...

Тем самым Имре Надь еще раз грубо нарушил Конституцию Венгерской Народной Республики, самочинно реабилитировав Миндсенти.

Документ о реабилитации гласит :

«Венгерское национальное правительство констатирует, что судебный процесс, начатый против кардинала Йозефа Миндсенти в 1948 г., не имел никаких законных оснований. Обвинения, предъявленные ему тогдашним режимом, были несостоятельными. На основании этого Венгерское национальное правительство объявляет все меры по лишению прав кардинала Миндсенти не имеющими законной силы, вследствие чего кардинал может неограниченно пользоваться всеми гражданскими и церковными правами. Премьер-министр Имре Надь».

Нельзя пройти мимо, более того, необходимо особо подчеркнуть то место текста, подписанного собственноручно Имре Надем, где говорится: «...обвинения, выдвинутые против него тогдашним режимом...» Какой режим имеется в виду? Режим 1949 года! Имре Надь, таким образом, недвусмысленно отмежевался от «старого» режима, от режима народной демократии, так как он желал другого режима!

И в этом он считал своим соратником и политическим партнером Йожефа Миндсенти, по поводу освобождения которого Венгерское телеграфное агентство 31 октября 1956 г. сообщило:

«Население села Ретшаг первым могло приветствовать освобожденного из заключения кардинала, который, отвечая на приветствия, сразу же сказал: — Дети мои, я буду продолжать то, на чем мне пришлось остановиться восемь лет тому назад!»

После такого заявления он получил возможность дважды выступить по венгерскому радио, руководимому тогда Гезой Лощонци.

На следующий день, 1 ноября, Миндсенти сделал краткое заявление по радио и объявил:

«...я изучаю обстановку, и в ближайшие два дня обращусь к нации с пастырским словом о путях развития страны.

И действительно он изучил обстановку...

Общеизвестно, что Миндсенти имел давние связи с капиталистическим Западом, в свое время он лично побывал у нью-йоркского архиепископа Спеллмана и у Отто Габсбурга. Сотрудница эмигрантской газеты «Уй Хунгария» графиня Беатриса Сечепьни, побывавшая во время контрреволюции в Венгрии, пишет о том, что ей рассказал секретарь Миндсенти:

«Хотя в городе почти не работает телефонная связь, а с провинцией ее вообще нет, но сегодня утром мы уже говорили с Вашингтоном, и слышимость была такой хорошей, как будто разговор велся где-то по соседству»...

По какому делу мог звонить только что освободившийся Миндсенти в Вашингтон, да еще дважды? Западно-германская газета «Дейче вохе» рассказывает о пресс-конференции, проведенной Миндсенти 2 ноября, где в присутствии западных корреспондентов кардинал обратился к

Западу с открытым призывом оказать политическую помощь и поддержку. Затем газета пишет :

«Перед интервью он говорил по телефону со своим бывшим сотрудником, патером Ясовски, живущим ныне в Сан-Франциско. Через него Миндсенти направил личное послание президенту Соединенных Штатов, прося его поддержать венгерский народ в его освободительной борьбе и дать указание открыть австрийскую границу в целях поставки оружия и материалов» . . .

Мы уже упомянули, что в момент освобождения в качестве информатора и советника Йожефу Миндсенти был предоставлен патер Вечи, присланный радиостанцией «Свободная Европа». Но за четыре дня между своим освобождением и бегством в американскую миссию Миндсенти установил еще более тесную связь с империалистами. Полную картину этого, а также всей политической концепции Миндсенти дают показания его секретаря, д-ра Эгона Альберта Турчаньи.

«2 ноября 1956 года у Миндсенти побывала делегация в составе трех человек, уполномоченных западногерманского и швейцарского Красного Креста. Среди них был князь Левенштейн . . . Миндсенти рассказал, что князь Левенштейн — близкий друг Аденауэра и принадлежит к его узкому кружку. На основе беседы с Левенштейном Миндсенти получил представление о мировой политической обстановке. Как он сказал в связи с этим, факт раздробленности Германии представляет важный фактор напряжения в мировой политике. Здесь в любой момент может создаться обстановка, могущая вызвать войну, и Западная Германия пойдет на риск, взяв на себя инициативу вмешательства. Миндсенти сказал буквально следующее : «Немцы уже имеют свое расписание, и ждать долго не придется». Как подчеркнул Миндсенти, мы должны опираться на западных немцев, так как это единственная инициативная, активная сила, которая идет на риск. Миндсенти высказал свое мнение, что с нашей стороны включение в такую акцию стоит любых жертв. Он упоминал 1957/58 гг. в качестве срока, когда немцы смогут уже сковать советские силы, а затем Соединенные Штаты и Англия смогут применить свои воздушные силы против сократившейся опасности. Англия именно из-за перевеса сил

Советского Союза нуждается в немцах. Хотя в этом вопросе еще и не достигнута общая с Соединенными Штатами платформа, но переговоры в этом направлении уже ведутся. Помимо этого, Миндсепти, ссылаясь на Левенштейна, сказал также: причиной противодействия Запада запрещению атомного оружия является та точка зрения, что без применения атомного оружия он вряд ли сможет победить Советский Союз».

Швейцарская газета «Журнал де Женев» в номере от 13 декабря писала:

«Некоторые венгры, как видно, упрекают Ватикан в том, что он недостаточно поддерживал их национальное восстание. Это утверждение не имеет никакого основания... Ватикан послал (в Венгрию. — Прим. ред.) своих доверенных людей. Так, например, монсиньор Роден, посланец Ватикана, проник в столицу и вел переговоры с кардиналом Миндсенти, который как раз в то время был освобожден из тюрьмы правительством Имре Надя. После того, как он ознакомился с обстановкой и передал кардиналу денежные суммы, посланные папой венгерским католикам, он, захватив с собой весьма ценные секретные документы, возвратился в Ватикан. Немного позднее тот же путь проделал ректор папского венгерского института монсиньор Загон».

После такого «изучения обстановки» и произнес Миндсенти 3 ноября свое пресловутое, исполненное ненависти «слово», которым ясно показал, что целью контрреволюции является не капиталистический строй западного типа, а восстановление фашистского строя, существовавшего до 1945 года.

Картина полна: нелегальные переговоры с буржуазными партиями, разрешение и поддержка полуфашистских и фашистских партий, предоставление в их распоряжение радио, визит вежливости к стороннику возвращения крупных церковных поместий, к человеку, который строит свои планы будущего на атомной войне против Советского Союза, — таков прямой и сознательно проделанный путь Имре Надя и его банды.

ИМПЕРИАЛИЗМ — ГЛАВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

ЗАПАДНАЯ ПРОПАГАНДА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Контрреволюция в течение длительного времени подготавливалась внутренней и внешней реакцией, причем подготавливалась как в политическом, так и в организационном отношении. Подготовка осуществлялась непрерывно, начиная с того момента, как был принят пресловутый американский закон об ассигновании 100 миллионов долларов на шпионскую деятельность, и усилилась, когда в 1956 году эта сумма была поднята до 125 миллионов долларов.

На американские деньги была создана и содержалась радиостанция «Свободная Европа», сыгравшая столь большую роль в подготовке, организации и руководстве контрреволюции 1956 года в Венгрии, на американские деньги организовывался запуск пресловутых воздушных шаров, поддерживались и содержались различные контрреволюционные эмигрантские организации.

В месяцы, предшествовавшие октябрю 1956 года, исключительно оживилась деятельность органов контрреволюционной пропаганды. Они теперь уже не отрицали, что подготовились к непосредственному выступлению против народно-демократического строя.

Летом 1956 года бывший хортистский премьер-министр Венгрии Миклош Халлаи совершил поездку по Южной Америке. Он заявил перед слушателями, являвшимися по большей части фашистским сбродом, который вынужден был бежать туда, спасаясь от ответственности за военные преступления :

«В ближайшее время может наступить освобождение Венгрии, возможно, что мы стоим на пороге его. Ближится время, когда венгры вновь смогут взять судьбу в собственные руки, и я верю, что скоро мы сможем вернуться на родину».

Еще яснее говорится о моменте запланированных действий в комментарии радиостанции «Свободная Европа» 19 августа 1956 года :

«Начинать исчисление будущего нельзя ни с 1939, ни с 1945 года, а возможно всегда лишь с того года, когда в будущем действительностью становятся чаяния части венгров, когда осуществляется строительство свободной страны, и, может быть, что это будущее начнется уже в 1956 году».

Каких изменений ожидают, какие изменения обещают, подготавливают в таком согласии и в такой короткий срок пропагандисты империализма для «части венгров»? Лондонское радио 6 сентября 1956 года уже по имени называет того, на кого они рассчитывают, и сообщает, чего от него ждут :

«Нет никакого сомнения, что и венгерский народ авансирует доверие Имре Надю в надежде на то, что он извлечет урок из провала половинчатых решений 1953—54 годов».

Не странно ли, что Иштван Эрдеи, бывший статс-секретарь, социал-демократ, в беседе с Имре Надем этими же словами говорил о половинчатых решениях, и Имре Надь ответил ему, что он «за половинчатые решения не берется». Почему именно Имре Надь способен «начать процесс развития?» В западно-германской газете «Тагесшпигель» 6 сентября 1956 года ясно говорится :

«Имре Надь через несколько месяцев после смерти Сталина занял пост премьер-министра, обещав осуществить очень много реформ политического, экономического и идеологического характера . . . Имре Надь скоро победит» . . .

Конечно, эмигрантов, рассчитывающих на контрреволюцию, и их союзников в Венгрии невозможно было бы сплотить вокруг Имре Надея, если бы они опасались того, что процесс, начатый с помощью Имре Надея, может остановиться хотя бы даже на ступени какого-нибудь полукоммунистического строя.

Римское радио в своей передаче 13 августа открыто говорит о том, какая роль предназначается Имре Надю :

«В худшем случае титоизм может быть принят лишь как краткое, временное состояние на пути к освобожде-

нию и независимости страны. Если венгерским последователям Тито удастся добиться, чтобы русские войска убралась из страны и был положен конец руссификации, то пусть будет титоизм в течение одного или двух месяцев, которые нужны для того, чтобы венгерские титовцы, национальные коммунисты были сметены трезвым выступлением венгерской нации и накопившимся недовольством. Венгерские титовцы должны заранее учесть это. Если они действительно стоят на национальной позиции и считают самым важным благосостояние страны, то они принесут и эту жертву. Пусть они будут титовцами, мы также желаем им больших успехов в деле изгнания из страны русских и русского влияния»...

28 августа выдвигает два требования. Вот одно из них:

«В принципе в Советском Союзе и в странах народной демократии средства производства переданы в руки трудящихся, следовательно, и политическая власть находится в руках трудящихся. Однако так обстоит дело только в принципе, то есть только на бумаге. Заводами и государственными предприятиями руководят не рабочие советы».

То есть, создания «титовских рабочих советов», передачи в их руки руководства заводами и фабриками первыми требовали не «венгерские титовцы», а содержащаяся на американские деньги, руководимая отъявленными фашистами радиостанция «Свободная Европа»! Более того, радиостанция «Свободная Европа» первой и еще задолго до создания пресловутого «центрального рабочего совета» требовала передачи рабочим советам также и политической власти!

В другой, транслировавшейся в тот же день передаче, радиостанция «Свободная Европа» подает следующую «мобилизующую» идею:

«Что произошло с 18 июля? Какие решения и действия связаны с режимом Герэ? Снесен ли на проспекте имени Дьердя Дожа монументальный памятник, довлеющий над городом?»

Тот, кто пережил события 23 октября, знает, что контрреволюционеры первым делом выполнили инструкцию, полученную из Мюнхена.

Общеизвестно, что в недели и дни, предшествовавшие контрреволюции, комитет «Свободной Европы» в процессе запуска пресловутых воздушных шаров забросил на территорию нашей страны большое число подстрекательских листовок, направляя их, в первую очередь, в провинцию. В одной из таких листовок, содержащей 12 требований «движения национального сопротивления» (по сути дела, это уже изложенные выше требования), говорится следующее:

«Борьба против производственных кооперативов является одной из форм национально-освободительной борьбы».

Постоянный «консультант по сельскохозяйственным вопросам» радиостанции «Свободная Европа», бывший депутат от Независимой партии мелких хозяев Балинт Цупи в своей лекции, посвященной машинно-тракторным станциям, 4 сентября 1956 года заявляет следующее:

«...эти машинно-тракторные станции также будут распушены народом в тот день, когда красная звезда испадет с венгерского неба».

Радиостанция «Свободная Европа» 13 октября, то есть накануне контрреволюции, гораздо подробнее, буквально по пунктам дает лозунги и требования контрреволюции. Дословно было передано следующее:

«Требуйте вывода Советской Армии, опубликования советско-венгерских соглашений и финансовых расчетов, демократии вместо лозунгов о демократизме, независимости вместо иностранной опеки».

Западные органы пропаганды выдвигали не только упомянутые политические и экономические требования для контрреволюционеров, но регулярно и методично провозглашали также программу разгула белого террора. В течение многих месяцев радиостанция «Свободная Европа» еженедельно передавала программу в неподдельном стиле американских романов, называвшуюся «Черный голос», в которой указывались имена тех преданных народу коммунистов, а нередко и беспартийных, которые должны быть безо всякого законного судопроизводства казнены контрреволюцией по закону линча. И если контрреволюционным бандитам не удалось казнить всех лиц, приговоренных к смерти «Черным голосом», то это зависело не от «Свободной Европы» и не от Имре Надя и его сообщников.

РОЛЬ ШПИОНОВ И ДИВЕРСАНТОВ В ПОДГОТОВКЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Естественно, контрреволюцию невозможно было подготовить лишь одними средствами пропаганды. Необходима была широкая и многосторонняя организационная деятельность, военная подготовка, в том числе возможно более тщательная организация шпионажа и даже создание вооруженных частей. Из показаний разочаровавшихся в эмиграции лиц, вернувшихся на родину шпионов и диверсантов, задержанных до и после контрреволюции, и найденных у них документов стало ясно, каким образом выполнялись задания по подготовке контрреволюции.

Эмигрантские организации поддерживали тесную связь со шпионскими органами империалистов. Шпион Шандор Вишнеи, арестованный венгерскими органами госбезопасности 9 декабря 1956 года, в своих показаниях заявил, в частности, следующее :

«В подготовке венгерских событий октября 1956 года сыграл определенную роль и венгерский отдел западно-германского разведывательного органа Гелена (находящийся на службе американских империалистов разведывательный орган в Западной Германии. — Прим. ред.).

Еще в период, предшествовавший событиям, все лица, работавшие в венгерском отделе, регулярно посещали лагеря венгерских беженцев в Западной Германии и Австрии, а также органы, функционирующие под прикрытием благотворительных заведений. Там, в кругу венгерских беженцев, они проводили пропаганду и агитацию и призывали их свергнуть народно-демократический строй в Венгрии. Одновременно с этим они вербовали агентов, которых после кратковременного обучения направляли в Венгрию, чтобы они подстрекали население против Венгерской Народной Республики. Подобная же активная деятельность наблюдалась и со стороны остальных эмигрантских органов»...

Однако венгерские эмигрантские организации самостоятельно и систематически обучали и засылали в Венгрию агентов разведки и диверсантов. Особенно регулярно вел такую деятельность «Венгерский союз борцов за свободу».

Для характеристики их методов и целей мы кратко изложим деятельность двух арестованных агентов :

Шандор Мезе бежал на Запад в 1951 году. В Граце он связался с бывшими хортистскими офицерами Шандором Марча и Иштваном Шюте, которые завербовали его для шпионской деятельности. Его должным образом научили обращаться с оружием, добывать шпионские данные, фотографировать, пользоваться тайнописью, а также методам перехода через границу. После того, как он был обучен, его раз в год со шпионскими заданиями забрасывали в Венгрию. В Венгрии Мезе создал из числа подходящих ему лиц шпионскую сеть и контрреволюционный заговор. Завербованным лицам он сообщал, что целью их заговора является оказание вооруженной поддержки нападению извне или же внутренним контрреволюционным действиям.

Лайошу Пати в 1952 году помог бежать за границу Шандор Мезе, впервые приезжавший в Венгрию со шпионским заданием, позже он связал Пати с Шандором Марча. Лайош Пати был завербован и обучен подобно Мезе, затем после 1954 года он был дважды заброшен в Венгрию. Его определенным заданием было выявление и фотографирование военных аэродромов, казарм и прочих военных объектов, важных общественных зданий. За свою шпионскую деятельность Мезе и Пати получали «жалование» размером в 1500 шиллингов. Через границу они переходили каждый раз вооруженные, с соответствующим шпионским оснащением и с подложными документами.

Конечно, эти купленные на мелкие деньги агентшкки не видели всей деятельности отдельных организаций, не видели они также и взаимосвязей и роли сети, направленной на свержение народно-демократического строя в Венгрии, на подготовку контрреволюции.

Один из бывших руководителей эмиграции Миклош Сабо, бывший депутат Независимой партии мелких хозяев, который в 1957 году, разочаровавшись в эмиграции, почувствовав к ней отвращение и осознав свои ошибки, покинул своих бывших товарищей и вернулся домой, в своем публичном заявлении сообщил :

«Накануне 23 октября или именно 23 октября бывший хортистский офицер, являвшийся тогда повеленным организации Гелена в Австрии, заявил, что пора уже перебраться в Венгрию и взять в свои руки

военное руководство. Он действительно сделал это и, имея при себе радиоприемник-передатчик, вероятно, в сопровождении немалого числа лиц прибыл в Венгрию. Он вернулся обратно в Вену лишь в декабре 1956 года.

В этот период началось создание бюро разведки, функционировавшее до тех пор в Зальцбурге под названием «Служба венгерских беженцев». Тогда уже было решено, что во главе его будет поставлен легитимист по имени Таубингер, который долгие годы находился на американской службе. Эта организация является, между прочим, органом радиостанции «Свободная Европа» и подчинена «Венгерскому национальному комитету».

«Берлинер Цейтунг» 21 ноября 1956 года публикует исключительно важные документы о подготовке, осуществлявшейся в Западной Германии. Приводим выдержку из статьи :

«После 20 октября в Мюнхене и в окрестностях Мюнхена на аэродромах появились вооруженные венгерские отряды, прибывшие из Регенсбурга, Штуттгарта и других городов Западной Германии. В разговорах с населением Мюнхена эти хортисты откровенно сказали, что готовятся вернуться в Венгрию «хозяевами страны».

В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» за 25 октября 1956 года опубликовано следующее заявление бывшего посланника Соединенных Штатов в Будапеште Кришчена Эвндела, весьма достойное внимания :

«Только срок всего этого восстания вызывал удивление. Западные наблюдатели рассчитывали на антирусское восстание, но оно вспыхнуло раньше, чем мы думали. Нечто подобное ожидалось нами к концу года».

Перечисленные документы подтверждают тот факт, что западные империалисты не ждали контрреволюции, сложа руки, а организовывали ее, оплачивали подготовку к ней, вели враждебную пропаганду. Истинный смысл слов бывшего посланника США в Венгрии, следовательно, состоит в том, что вспышка контрреволюции планировалась на конец 1956 г., но обстановка позволила провести ее раньше.

ИМПЕРИАЛИЗМ РУКОВОДИТ КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

Радиостанция «Свободная Европа» — штаб военного и политического руководства контрреволюцией за рубежом

В то время как в парламентах, на волнах радиостанций и на страницах газет ведущие политики империализма с энтузиазмом приветствовали «новую, свободную Венгрию», по улицам Будапешта и других венгерских городов потоками лилась кровь. Различные западные радиостанции постоянно поощряли контрреволюционеров, снабжали их советами.

Как с военной, так и с политической точки зрения продолжительную руководящую роль взяла на себя радиостанция «Свободная Европа». Накануне контрреволюции, 22 октября, она почти удвоила и довела до 20 часов в сутки продолжительность передач на венгерском языке и, начиная с этого времени, изо дня в день, час за часом передавала в эфир свои политические и военные инструкции. Вооруженные контрреволюционные банды немедленно выполняли военные приказы и, следуя полученным указаниям, немедленно поднимали на щит все новые и новые, все более правые политические требования. А Имре Надь, пользуясь полномочиями премьер-министра, без колебаний осуществлял их.

Контрреволюционный мятеж, объявленный «стихийным», «инстинктивным народным движением», с первого момента был военной операцией, разработанной сознательно, стратегически правильно и с большим знанием дела. Помимо полутора миллионов будапештцев, переживших все эти события, это же констатирует и западноберлинская газета «Тагесшпигель», которая в номере за 27 октября пишет :

«Повстанцы — это единодушно утверждают очевидцы и те, кто знает Будапешт, — действовали согласно точно разработанному стратегическому плану. Они стремились внезапно захватить шесть нервных центров столицы, а именно :

1. парламент и окружающий его район, где расположен ряд правительственных учреждений ;
2. радиостанцию ;
3. здание редакции и типографии органа Коммунистической партии — газеты «Сабад неп» ;
4. Восточный вокзал, откуда отправляются все поезда на Запад ;

5. казарму имени Кароя Роберта, где сосредоточен самый большой в Будапеште гарнизон ;

6. Цепной мост, как наиболее удобный стратегический мост через Дунай».

Несомненно, к области военного руководства относится и стремление держать и впредь вооруженные контрреволюционные банды под ружьем. Но объявление чрезвычайного положения угрожало тем, что менее «сознательные» или менее решительные элементы этих банд разбегутся. С момента объявления чрезвычайного положения радиостанция «Свободная Европа» самым решительным образом требовала отменить его. Вот одна из передач 25 октября, которая дает как бы квинтэссенцию военной тактики, применявшейся в первый период контрреволюционных акций :

«Нужно отменить действие законов военного времени и приказать советским войскам вернуться в их казармы. Положить конец кровопролитию возможно только в том случае, если будет немедленно отменено постановление о чрезвычайном положении» . . .

То есть, чтобы «положить конец кровопролитию», нужно отменить постановление, вынесенное в целях прекращения кровопролития, и вернуть на исходные позиции советские войска, сдерживающие кровавые банды! Только человек, совершенно несведущий в политике и военном деле, может поверить таким доводам, а выполнить это требование может лишь тот, кто намерен открыть дорогу контрреволюции. Всем известно, что Имре Надь все вновь и вновь откладывал крайние сроки сдачи оружия и препятствовал применению постановления о чрезвычайном положении.

Держать контрреволюционные банды под ружьем, сохранить их боеспособность было трудно, это постоянно создавало проблему для руководителей контрреволюции. Радиостанция «Свободная Европа» бесчисленное множество раз давала инструкцию относительно этого. 28 октября, например, она передавала :

«Будапештское Министерство обороны только что издало коммюнике, в котором говорится, что будапештские центры сопротивления на основе переговоров начинают сдачу оружия венгерским войскам, сменяющим советские части. Эта первая часть коммюнике лжива и коварна. Совершенно невозможно, чтобы будапештские повстанцы, которые, по последним сведениям,

потеряли уже 15 000 (!) убитыми, сложили оружие перед побежденной, обращенной в бегство Красной Армией; эта весть невероятна и потому, что освободительная борьба одержала лишь военную победу, своих политических целей она еще далеко не достигла... Если бы они сложили оружие, то это было бы равнозначно продолжению господства произвола и продолжению национальных бедствий».

28 октября Имре Надь по радио объявил, что советские войска возвращаются на свои базы. Мюнхенский генеральный штаб контрреволюции немедленно сделал еще один шаг вперед. В тот же день, 28 октября, радиостанция «Свободная Европа» выступила с новым требованием военного характера :

«Первое условие — чтобы советские войска немедленно под белым флагом начали выход из Венгрии... Потому-то, несмотря на триумф победы, мы сказали, что достигли еще только первого этапа».

И, действительно, буквально за каких-нибудь несколько часов они сделали шаги к следующим этапам. 31 октября бывший хортистский подполковник Юлиан Боршаньи, действовавший на радиостанции «Свободная Европа» в качестве военного эксперта под псевдонимом полковника Белла, дал следующее указание :

«Из руководства венгерскими вооруженными силами должны быть удалены те коммунистические руководители, которым и до сих пор нечего было там делать! Соратники, борцы за свободу! Немедленно требуйте для себя портфель министра обороны, должности главного командующего и начальника генерального штаба!»

1 ноября радиостанция «Свободная Европа», проявляя нетерпение, повторяет требование полковника Белла и распространяет его на другой министерский портфель :

«У кого оружие, у того и власть. Внутренние дела и оборона все еще принадлежат им! Не допускайте этого, борцы за свободу, не вешайте своих винтовок на стену!»

На следующий день, 2 ноября, Имре Надь вручил портфель министра обороны Палу Малетеру, возглавлявшему контрреволюционеров из казармы «Юлиан» и перелука Корвин.

В целях популяризации Имре Надя радиостанция «Свободная Европа» заявила по поводу постановления о чрезвычайном положении :

«Мы все еще не знаем, при каких обстоятельствах было вынесено это позорное постановление. Мы не знаем, какое отношение имеет к нему Имре Надь, от имени которого была объявлена эта мера. Одно несомненно : сталинисты силой добились этого».

И в результате этого сообщения немедленно распространился слух, который был подтвержден самим Имре Надем перед организованной специально для этой цели и доставленной к нему андьялфельдской «рабочей» делегацией, а затем в выступлении по радио и перед самой широкой публикой.

Собственно говоря, уже в момент начала контрреволюции Бела Варга как бывший председатель «Венгерского национального комитета» провозгласил буквально все требования контрреволюции, по существу, все то, что передавала и выдвигала на повестку дня радиостанция «Свободная Европа» в дозах, соответствовавших ходу событий. 24 октября сформулированные Белой Варга требования уже были опубликованы американской газетой «Сабадшаг» :

«Выведение всех советских вооруженных сил с венгерской территории. Немедленный роспуск политической полиции и ликвидация всяческого советского влияния в армии. Немедленный роспуск марионеточного парламента. Ликвидация монопольного господства коммунистической партии и ее решающей роли в исполнительной и административной системе государства. Роспуск массовых организаций . . . Посылка комиссии Объединенных Наций в Венгрию с той целью, чтобы она помогла создать соответствующие условия для свободных выборов под международным контролем. ООН должна позаботиться о том, чтобы ведение дел страны взяло в свои руки правительство, избранное в результате свободных выборов».

Если внимательно прочитать эти требования, то сразу же можно констатировать, что Имре Надь, несмотря на сравнительно недолгое время, имевшееся в его распоряжении, постарался выполнить возможно большую часть их. Конечно, времени для выполнения таких требований, как роспуск парламента или проведение «свободных» выборов, было мало.

Но Имре Надь публично, по радио обещал выполнить и их, и создал предпосылки для этого, предоставив возможности для создания буржуазных реакционных и даже открыто фашистских партий и объединений.

Контрреволюционеры были недовольны вторым правительством, тогда Имре Надь отставил его. Затем он образовал так называемый «узкий кабинет», в котором буржуазные политики были уже в большинстве. Однако контрреволюционерам и этого было недостаточно. Они стремились быстро продвинуться вперед. 2 ноября радиостанция «Свободная Европа» выступила с новым требованием :

«Нужно ликвидировать узкий и большой кабинеты. В так называемом большом правительстве из 25 членов 21 — коммунисты. Это правительство провалилось еще прежде, чем было образовано. Даже сам председатель Совета Министров не считал это правительство приемлемым и вынужден был создать более узкий кабинет для ведения дел. Однако малое правительство ничего не гарантирует. Это положение настолько противоречит здравому смыслу, что его даже и временно нельзя принять ! Важнейшая задача, как этого требуют свободные радиостанции, заключается в том, чтобы немедленно создать временное национальное правительство для ведения дел. В нем могут участвовать только подлинные представители партий и фактические руководители освободительной борьбы».

3 ноября Имре Надь осуществил и это.

И, наконец, что касается руководящей роли радиостанции «Свободная Европа» и всего западного пропагандистского аппарата в ходе контрреволюции, отметим, что не только мы так расцениваем эту роль. Так расценивали ее и на Западе, причем признавали это публично. Непосредственно после вооруженного разгрома контрреволюции, 12 ноября, американская газета «Ньюсуик» писала об этом так :

«Для радиостанций Соединенных Штатов было важно и одновременно очень воодушевляло их то, что требования, которые провозглашали отдельные радиостанции независимо друг от друга, чрезвычайно походили на те требования, которые предварительно высказывала радиостанция «Свободная Европа» . . .

*«Моральная» поддержка контрреволюции
империалистами*

25 октября 1956 года президент Соединенных Штатов Двайт Эйзенхауэр выступил с заявлением для печати. Французское агентство АФП среди прочего цитирует следующее место из этого заявления Эйзенхауэра :

«Америка от всего сердца поддерживает венгерский народ. Соединенные Штаты рассматривают происходящие в настоящее время в Венгрии события, как новое активное выражение любви венгерского народа к свободе».

После зверской резни на площади Кезтаршашаг вновь выступил Эйзенхауэр, не скрывая своей удовлетворенности и радости по поводу хода событий в Венгрии. 31 октября 1956 года в своем выступлении по радио и телевидению он сказал :

«Сегодня в этой борьбе по-видимому рождается новая Венгрия, Венгрия, которая, как мы надеемся от всего сердца, познает полное и свободное национальное бытие.

Эти исторические события наполняют нас радостью».

Стоит еще раз подчеркнуть, что эта речь была произнесена после массовой резни на площади Кезтаршашаг 30 октября. Это еще раз показывает, что скрывается за такими напыщенными фразами и фарисейскими проповедями, как «полное и свободное национальное бытие . . .» Вот как трактует «свободу» империализм . . .

Когда 1 ноября Имре Надь провозгласил нейтралитет, это за границей и в Венгрии было расценено как дипломатический шаг, который открыл путь к тому, чтобы окончательно вырвать Венгрию из социалистического лагеря и перевести ее в лагерь империалистов. На другой день, 2 ноября, американское телеграфное агентство «Ассошиэйтед пресс» передало из Вашингтона всему миру следующее сообщение :

«Президент Эйзенхауэр предложил революционной Венгрии продовольствие и денежную помощь на сумму в 20 миллионов долларов . . . Эйзенхауэр заявил, что распорядится о незамедлительной выдаче пособия из соответствующего фонда на основании закона, дающего возможность предоставлять в случае необходимости пособие дружеским народам».

Имре Надь оказался достойным того, чтобы президент Эйзенхауэр выделил из фонда помощи Соединенных Штатов Америки «дружеским народам» предназначенные для этой цели доллары. И ничто не свидетельствует ярче о том, что миллионы долларов были предназначены для оказания поддержки контрреволюции, а не венгерскому народу, чем тот факт, что хотя в Вашингтоне эти деньги и были выделены, они никогда не прибыли в Венгрию. Венгерский народ и народно-демократический строй после разгрома мятежа уже не считались в Вашингтоне «дружескими».

Западное оружие в руках контрреволюционеров

В период подготовки империалисты не удовлетворялись лишь пропагандистской деятельностью в интересах контрреволюции, а помогали в этом и шпионажем, диверсиями, заговорщицкой деятельностью. В период практического осуществления контрреволюционных планов их деятельность тоже не исчерпывалась лишь военно-политическим руководством, проводившимся по радио и в печати.

С момента начала контрреволюции и в течение всего ее периода империалистические органы разведки и эмигрантские группы контрабандным путем засылали в страну большое количество оружия и боеприпасов. Характерно для цинизма империалистов, что наряду с другими методами, они весьма часто применяли для перевозки оружия машины Красного Креста. Целые тома заполнены свидетельскими показаниями, рассказывающими о прибытии, принятии и распределении оружия, присланного самыми различными путями. Выберем наугад несколько свидетельских показаний. Вот выдержка из показаний Режене Патаки, урожденной Эржебет Келемен :

«26—27 октября 1956 года я видела, как с австрийской территории на венгерскую, на венгерском грузовике прибыли посылки Красного Креста. Часть прибывших посылок была сложена в доме культуры, часть осталась в грузовике. Я сама видела, что на этой машине под присланными Красным Крестом вещами были спрятаны боеприпасы и разное оружие. Я старалась подслушать разговор людей, сопровождавших машину, и узнала следующее : руководитель этих людей специально предупредил их, что оружие надо упаковать с особой тщательностью, так как однажды на границе

машину остановили и осмотрели. Он предостерег их, чтобы в дороге они разговаривали только с людьми, располагающими таким же удостоверением, что и они»...

Но не каждую посылку с оружием удавалось доставить тем, кому она предназначалась. Шофер из Сомбатхея Вильмош Тот так рассказывает об одной захваченной партии оружия :

«В полицейском управлении была грузовая машина с красными крестами на бортах, которая привезла в Венгрию с Запада боеприпасы и немецкие винтовки. В машине было два ящика с винтовками и мешок боеприпасов для них».

Житель Будапешта Ференц Кечкеш в своем свидетельском показании о партии иностранного оружия, доставленной в школу по улице Пратер, где обосновалась группа контрреволюционеров, рассказал следующее :

«Днем 4 ноября 1956 года вооруженные контрреволюционеры, находившиеся в подвале школы по улице Пратер, в нашем присутствии вскрыли деревянные ящики с красным крестом и немецкими надписями на них. Как они рассказали, эти ящики были привезены в тот день на грузовике. Ящики, размером примерно 50x50 см., внутри выложены металлическими пластинками, некоторые из них содержали лимоны, апельсины, шоколад и другие продукты, а в остальных были ручные гранаты».

Швейцар дьерской больницы Лайош Фюлеп рассказал в своем свидетельском показании :

«В период контрреволюции я находился в больнице. Около 27—28 октября 1956 года в воротах больницы появилась западногерманская автомашина. В машине сидело три немца, которые привезли с собой раненого венгра... Несколько раз я своими глазами видел, что в машинах с иностранными номерами, привозивших раненых, а также у сидевших в них людей было оружие различного образца и производства. Во время проверки вышеупомянутой западно-германской машины я видел, что в передней и в задней частях машины, под ногами сидевших, находилось приблизительно 6 штук различного оружия».

И действительно, после ликвидации контрреволюционных банд в руках венгерских властей оказалось большое

количество оружия западного производства, самых новейших образцов. Так, среди этого оружия были западногерманские скорострельные карабины «МП-44», американские автоматы «ЮС Карбин», английские автоматы нового типа «Томпсон» и западногерманские автоматы «МП-40».

Однако западным правительственным кругам было вовсе нежелательно, чтобы общественность узнала о поставках оружия, поскольку они старались провозгласить венгерскую контрреволюцию «стихийным народным движением». 4 ноября 1956 года гамбургская газета «Вельт ам Зоннтаг» опубликовала репортаж о беседе с повстанцем, прибывшим из Венгрии. Он рассказал следующее :

«Первую партию мы получили лишь в субботу. Один иностранец, бегло говоривший по-венгерски, передал нам четыре автомашины с жестяными коробками и предупредил, чтобы мы очень осторожно открывали их. Только позже мы поняли смысл этих слов. Двести жестяных коробок были наполнены ручными гранатами». Гамбургская газета «Ди Тат» опубликовала отчет об этом **с такими комментариями :**

«Это сообщение стояло в первоначальном тексте выпуска «Вельт ам Зоннтаг». Только в одной части выпуска. После того, как промах редакции был замечен, продажу газеты запретили, приостановили печатание и выпустили новое издание, в котором вышеупомянутого материала уже не было».

Один из руководителей эмиграции, вернувшийся на родину, Миклош Сабо, заявление которого мы уже цитировали, рассказал интересные подробности о поставках оружия :

«Вся эмиграция без исключения считала необходимой самую интенсивную поддержку контрреволюции. Руководители ее, генерал Зако, генерал-лейтенант Кишбарнаки-Фаркаш, Тасило Дароци, граф Бела Хадик, полковник Белл и «Гелен» — делали все для получения военной помощи или хотя бы оружия».

Наряду с западным оружием и другими военными средствами, в Венгрию в большом числе прибывали вооруженные банды, прошедшие подготовку в западных лагерях. Перейдя венгерскую границу, они включались в контрреволюционную борьбу. Эти части были подготовлены в различных лагерях Австрии и Западной Германии : в лагере «Союза венгерских борцов за свободу» в Мюнхене ; возле Вены, в лагере, содержащемся на средства «Каритас» ; в Линце и Инсбруке, а

также в лагерях возле Зальцбурга и Регенсбурга, где «Хунгарский легион» подбирал свои штурмовые отряды. Как же формировались и как перебрасывались через границу эти части? Йожеф Катона, покинувший родину за много лет до контрреволюции, показал :

«Спустя несколько дней после 23 октября 1956 года в цирндорфском лагере меня вызвали к себе беженцы Цукрас и Силард Карачоньи и спросили, не хочу ли я вернуться в Венгрию. На автобусе, в котором было 30—35 человек, мы отправились на родину.

В Зальцбурге к нам присоединились и другие беженцы. Здесь, в помещении организации «Каритас», бывший правый депутат парламента Янош Барта сообщил нам, что с нами поедет один полковник».

Интересно отметить, что уже 24 октября зальцбургская организация «Каритас» направила в сторону Бургенланда группу из 45 человек, называвшуюся «добровольческой трудовой группой». Эта «вербовка рабочей силы» обошлась недешево: согласно квитанции, попавшей в руки венгерских властей, на перевозку, снабжение и иные расходы этих 45 человек «Каритас» истратила 2587 шиллингов и 20 грошей. На венгерской территории переброшенные вооруженные группы начали свою вооруженную контрреволюционную деятельность. Пограничник Карой Бренчак с порнопатской заставы рассказал :

«29 октября через границу перешла вооруженная группа, состоявшая примерно из 130 человек. По их рассказам, они венгры, уже давно сбежавшие на Запад, а теперь направляются в Будапешт сражаться против советских войск. Двум пограничникам, находившимся в наряде на границе, они сказали, чтобы застава сдала им оружие, иначе они нападут на нас. Группа была снабжена револьверами и автоматами».

Западная печать и сама широко оповещала о переброске вооруженных эмигрантов. Так, лондонская «Рейнольдс ньюс» писала 4 ноября 1956 года :

«...Из-за границы в Венгрию стекаются венгерские фашисты... Революционерами являются представители крайних правых венгерских группировок... Имеются следующие возможности :

1. Режим Надя, в котором и в дальнейшем значительную роль будут играть «титовцы»...

2. Парламентский режим западного типа...

3. Крайний фашистский режим, под руководством сторонников адмирала Хорти и Салаша» . . .

В эти дни западные демократические газеты постоянно разоблачали факты возвращения в страну фашистского сброда, в свое время бежавшего на Запад. Согласно газете «Эстеррейхише фольксцитимме» от 30 октября 1956 года :

«На отдельных пограничных станциях контрреволюция создает настоящие штабы. В последние дни множество агентов контрреволюции из числа так называемых венгерских беженцев перешло границу, чтобы здесь, как они говорят, «присоединиться к повстанцам».

Газета же «Нейес Дейчланд» в связи с этим сообщала о таком важном факте :

«Все венгерские эмигранты, несущие службу в американо-американском рабочем лагере в Фогельве, в большинстве своем члены нилашистской организации, были освобождены от несения службы, а затем они как бы исчезли из мира сего . . . Таково же положение и в управлениях ряда других западногерманских концернов, где работали венгерские граждане».

О том, что это действительно не было изолированным явлением, заявляла и выходящая в Берлине газета «Дер Морген», которая также писала о «воодушевлении» западногерманских крупнокапиталистических слоев «венгерскими событиями» :

«В последних числах октября дирекция эшвейлерского горного управления дала отпуск всем венгерским эмигрантам и хортистским фашистам, которые работали в этом концерне, чтобы дать им возможность участвовать в венгерской контрреволюции».

Следует отметить, что этот эшвейлерский горный концерн не является каким-то мелким предприятием местного значения. Его акциями владеют капиталисты Западной Германии, Люксембурга и Бельгии.

Свалка истории зашевелилась

Эмигрантские организации накануне контрреволюции исключительно активизировали свою деятельность. Главы этих организаций отправились в разные страны, выступая с лекциями буквально во всех частях света. Стоит проследить хотя бы некоторые из числа этих поездок :

Бывший премьер-министр Ференц Надь 25 ноября 1955 года приехал в Женеву в то время, когда там проходило

совещание глав четырех держав. Затем вел переговоры в Риме, Вене, Мюнхене, Бонне, Париже и Лондоне. 26 июня 1956 года он прибыл в Вену, где вел переговоры с австрийскими деятелями и руководителями венгерской эмиграции. Из Вены он поехал на несколько дней в Мюнхен, затем 6 июля вновь прибыл в Вену. Отсюда он направился в Швейцарию, затем вернулся в Соединенные Штаты Америки и в момент начала контрреволюции вновь очутился в Вене. Во время контрреволюции, 3 ноября, он имел телефонный разговор с Золтаном Тильди. В соответствии с их разговором он просил радиостанцию «Свободная Европа», чтобы та, — в связи с тем, что в последние дни она начала нападать на Имре Надя — умирала свой тон.

Бывший председатель Независимой партии мелких хозяев, председатель т. н. «венгерского национального комитета» Бела Варга 4 августа 1956 года отправился из Америки в Европу, побывал в Англии, Франции, Западной Германии и в Скандинавских странах.

Карой Пейер, известный предатель рабочих, удаленный даже из Социал-демократической партии за свои крайне правые взгляды, в июле 1956 года провел две недели в Вене.

Католический священник Йожеф Кези Хорват побывал с июля до конца 1955 года во Франции, Западной Германии, Австрии, Бельгии, Италии и Испании. Летом 1956 года он совершил подобную же поездку. В середине августа 1956 года он находился в Вене.

Миклош Хорти 29 октября направил телеграммы главам трех империалистических великих держав и потребовал их вмешательства в интересах контрреволюции.

Отто Габсбург в начале 1956 года совершил турне по Америке, читая лекции. После этого он побывал в Западной Германии. В период контрреволюции он послал телеграмму президенту Эйзенхауэру с просьбой, чтобы :

«свободно избранные представители венгерской нации вновь обрели свой главный национальный символ — корону Иштвана Святого».

Отто Габсбург считал, что пришло время для воскрешения королевских институтов !

Эмигрантские круги, руководившие контрреволюцией из-за границы, используя соответствующих людей, стремились завязать непосредственные связи с контрреволю-

ционерами. 30 октября 1956 года радиостанция «Свободная Европа» направила в Дьер бывшего хортистского офицера Лайоша Шомодьвари для того, чтобы он организовал там контрреволюционное правительство и выступал как «посланец сражающейся молодежи».

В дни контрреволюции граф Миклош Фештетич и граф Альберт Аппоньи младший также перешли австрийско-венгерскую границу и завязали связи с шопронскими контрреволюционерами.

Как попали на Запад работы Имре Надя?

Коллегия Народного суда на своем заседании 11 июня заслушала показания свидетеля, бывшего будапештского шофера английской миссии Ласло Рееци Надя. Последний рассказал, как попали на Запад труды Имре Надя :

«В начале февраля 1957 года мой приятель, Арпад Генц обратился ко мне с просьбой, чтобы я спросил у секретаря миссии Копя, согласится ли он вывезти за границу политическое наследство Имре Надя. Это необходимо потому, что лицо, у которого хранится политическое наследство Имре Надя, собирается выехать за границу, но у него нет связи с тамошними эмигрантскими организациями.

Все это я передал Копу, на что он ответил, что он не сможет передать материалы непосредственно эмигрантским организациям, но что он склонен передать его своим высшим инстанциям.

Я передал этот ответ Арпаду Генцу, и тот согласился принять условия, поставленные Копом.

Я встретился с Арпадом Генцем в маленьком переулке позади здания Статистического управления. Я туда прибыл на машине миссии. Он передал мне пакет, завернутый в бумагу. Я тогда не имел возможности рассмотреть содержимое пакета. Этот материал я отвез, и когда я вскрыл пакет, то увидел, что это стопка исписанных на пишущей машинке страниц, всего около трехсот. Внизу первой страницы стояло имя Имре Надя.

В мае Генц сообщил мне, что хранивший рукопись Ласло Кардош арестован».

*Сотрудники английской и американской миссий
в казарме «Килиан»*

Пал Малетер в ходе судебного процесса подробно рассказал о посещении его английским военным атташе Каули :
«Разговор велся на немецком языке. Посетитель повторил, что он пришел как частное лицо и заявил, что он много слышал о событиях, развернувшихся в районе казармы «Килиан», и они его интересуют. Я рассказал ему о ходе событий».

Каули давал Малетеру конкретные советы. Например, он советовал, чтобы различные вооруженные отряды объединить под единым руководством, «ибо только так можно сохранить достигнутые результаты», и подчеркивал, что нужно крепкое централизованное руководство, нужна военная диктатура . . .

Из показаний многих свидетелей выяснилось, что английский военный атташе полковник Каули в период контрреволюции и после нее допустил такое поведение, в результате которого Министерство иностранных дел Венгерской Народной Республики было вынуждено предложить в ноте, адресованной английской миссии в Будапеште, чтобы полковник Каули покинул страну. Среди прочего в ноте говорится :

«Во время событий, имевших место в Венгрии в 1956 году, военный атташе английской миссии в Будапеште, господин полковник Джемс Н. Каули поддерживал активную и непосредственную связь со многими главарями контрреволюционных сил, а также со многими лицами, участвовавшими в контрреволюции. В процессе этой деятельности он, в частности, своими военными и военно-политическими советами поддерживал руководителей событий, имевших целью свержение государственного строя Венгерской Народной Республики, реакционные силы, посягавшие на интересы венгерского народа (например, в казарме «Килиан», в переулке Корвин и т. д.). После подавления вооруженных сил контрреволюции господин полковник Каули давал специальные советы упомянутым лицам, с которыми поддерживал связь, относительно того, как спрятать оружие, снаряжение» . . .

Американская миссия не только косвенным путем нарушила принцип невмешательства, но и установила непосред-

ственную связь с контрреволюционерами. 30 октября 1956 года сотрудник американской миссии Квед посетил контрреволюционеров в казарме «Килиан» и сообщил им, что пришел в качестве атташе миссии поинтересоваться политическим положением. Квед выслушал сообщения вооруженных контрреволюционеров и заверил их, что они могут рассчитывать на американский заем. После этого он пошел на площадь Кестаршашаг, где незадолго до этого закончился штурм здания горкома, и где контрреволюционеры сказками о заключенных, залертых в «подземелье», старались разжечь страсти. Квед примкнул к ним, заявив, что он также слышит стуки людей, заключенных в «подземелье».

Переговоры герцога Хубертуса фон Левенштейна с Гезой Лошонци

Главарь венгерской контрреволюции установили связи также с возродившимся в Западной Германии империалистическим крупным капиталом. Естественно, что капиталистические круги тоже искали эту связь. Их тайные замыслы и надежды, возлагаемые на контрреволюцию, ясно отражает одна из статей газеты «Байришер штатсанцейгер», опубликованная во время контрреволюции.

В этой статье говорится, что «некоторые круги» считают, что венгерские события «могут вызвать подобные же волнения» и в Германской Демократической Республике, что в свою очередь «могло бы облегчить восстановление единства Германии путем освобождения советской зоны».

Нельзя считать случайностью, что многие заграничные газеты — одни более, другие менее откровенно, но недвусмысленно — считали рыцаря Мальтийского ордена герцога Хубертуса фон Левенштейна, депутата западногерманского парламента, посланцем от правительства, когда в дни кровавого разгула контрреволюции он приехал в Будалешт, как сопровождающий транспорт Красного Креста.

Герцог Хубертус фон Левенштейн состоит в родстве с аристократическим родом Габсбургов по линии эрцгерцога Йозефа. Этот последний в 1956 году предложил организовать в Западной Германии «Венгерский военный совет», в который входили исключительно бывшие хортистские генералы, и который сыграл решающую роль в подготовке контрреволюции.

Хубертус фон Левенштейн состоит также в родстве с семьей Мартенов, западногерманских «королей металла». Мартены заинтересованы главным образом в алюминии. Боксит, необходимый для производства алюминия, до 1945 года они получали в первую очередь из Венгрии. Разработка производилась через цюрихскую компанию «Боксит-трест». Этот концерн еще существует, но свое могущество в Венгрии, естественно, утратил. В инспекционном совете концерна, в частности, состоят барон Альфонс Вейс, бывший руководитель «Челель-треста»; Карл Ширмер (связанный со Стиннесом), Лудгер Вестрик, боннский государственный секретарь и другие. Западная Германия особенно интересуется венгерскими месторождениями боксита.

В 1953 году концерн «Тиссен» за 200 000 марок протащил герцога Хубертуса фон Левенштейна в боннский парламент. Одним из владельцев концерна является никто иной, как происходящая из венгерской аристократии графиня Зичи. Таким образом, имелись налицо все причины и предлоги для того, чтобы послать с дипломатическим паспортом сопровождать «транспорт Красного Креста» именно герцога Левенштейна, именно в то время и именно в Венгрию.

2 ноября герцог Левенштейн произнес речь по Будапештскому радио. Приведем отрывки из этого выступления :

«... Нам, в Германии, в Германской Федеративной Республике, нельзя забывать, что Венгрия воевала за нас».

«Что мы можем сделать еще? Я думаю, мы должны помочь также в политическом и моральном отношении»...

Другим доказательством связей, зародившихся между западными империалистическими кругами и тогдашними руководящими деятелями Венгрии, увлеченной в результате предательства на путь капиталистическо-феодальной реставрации, является встреча герцога Левенштейна и Миндсенти, о чем мы писали в другой главе нашей книги.

Будапештские переговоры, информации, заявления герцога Хубертуса фон Левенштейна — все они, хотя и в дипломатической формулировке, но недвусмысленно поощряли контрреволюционеров и их руководителей на продолжение борьбы, обещая им «действенное сочувствие свободного мира». Чтобы не оставалось сомнений в правильном истолковании пребывания мальтийского рыцаря в Будапеште, приведем несколько предложений из того заявления для печати,

которое он сделал в Вене, по пути из Венгрии домой — что было уже после 4 ноября. В этом заявлении он следующим образом подытожил «уроки», извлеченные из венгерских событий.

«В Будапеште у меня созрело глубокое убеждение, что с ремилитаризацией ни минуты дальше нельзя медлить. Если у нас не хватает казарм, то задача Штрауса (западногерманский военный министр. — Прим. ред.) — днем и ночью строить их. Воссоединения Германии можно добиться только путем революции, проведенной под прикрытием западных вооруженных сил».

Вашингтон просит, чтобы проявлялось хотя бы минимальное недоверие со стороны Имре Надя

Европейский корреспондент хорошо осведомленного американского журнала «Репортер» Эдмонд Тейлор в номере журнала от 27 декабря 1956 года сообщал характерные факты о том, какие «советы» давала Имре Надю американская миссия в Будапеште :

« . . . Вашингтон, — приводит он выдержку из статьи Рестона «Нью-Йорк таймс» от 24 октября, — особенно беспокоился по поводу того, что польское и венгерское правительства останутся в составе Варшавского пакта и будут вести себя по отношению к Западу с подозрением, если не враждебно.

Несколькими днями позже я получил из официального американского источника сведения, что к тому времени из опасений только одно оставалось обоснованным, а именно то, что в Венгрии события развиваются слишком быстро. (К тому времени Имре Надя уже денонсировал Варшавский договор. — Прим. ред.)

. . . Американский поверенный в делах в Будапеште получил указание посетить Имре Надя и призвать его проявлять хотя бы некоторое недоверие к Западу, по крайней мере, до тех пор, пока советские войска окончательно не покинут страну . . .

Мой информатор не сказал прямо, советовали ли мы решительно Имре Надю не отказываться от Варшавского пакта или нет, но, как видно, смысл сказанного им был именно таков . . .

Наше обращение к Имре Надю, чтобы он не ликвидировал коммунизм слишком быстро, в данном положении

нии было совершенно правильным. Но беда была в том, что мы слишком поздно дали ему этот совет, да к тому же без подкрепления его соответствующим ответственным органом. Да и помимо этого, его сделали недействительным другие официальные и неофициальные американские действия, которые увеличивали давление народа в направлении на полную и немедленную ликвидацию коммунизма в Венгрии.

Наиболее опасным из американских действий было использование Миндсенти как символа сопротивления коммунизму» . . .

ИМРЕ НАДЬ И ЕГО СООБЩИКИ ПОДГОТАВЛИВАЮТ ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЛАГЕРЮ

После того, как Имре Надь и его сообщники развалили аппарат народно-демократического государства и прежде всего из контрреволюционеров организовали свои вооруженные силы, разрешили деятельность буржуазных реакционных фашистских партий, квалифицировали контрреволюцию как борьбу за свободу, предложили перемирие, терпели и поддерживали фашистский террор, настало, наконец, по их мнению, время порвать связи Венгрии со странами социалистического лагеря; поэтому они торжественно объявили нейтралитет Венгрии и расторгли Варшавский договор.

Как и почему был создан Варшавский договор? Каково его значение для венгерского народа и дела мира?

ВАРШАВСКИЙ ДОГОВОР — ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ВЕНГРИИ И МИРА В ЕВРОПЕ

Основные принципы социалистического общества, его внутреннее социальное устройство исключают стремление к развязыванию военных конфликтов, угнетению других народов, захвату чужих территорий. В социалистических странах у власти находится народ, а народ в войне не заинтересован.

В то же время, наличие капиталистического окружения ставит социалистические страны перед необходимостью крепить свою оборону ввиду опасности, связанной с этим окружением. Они должны защищать свои страны и мир во всем мире от империалистических агрессоров, готовящихся к новым военным авантюрам и продолжающих гонку вооружений.

В этих целях в мае 1955 года был заключен Варшавский договор — оборонительный военный союз европейских социалистических стран.

Оборонительный характер Варшавского договора доказывает следующее :

1. Он был заключен через 6 лет после создания агрессивного Североатлантического союза (НАТО). В цели НАТО входит развязывание новых военных авантур для того, чтобы укрепить или же (в уже освобожденных странах) восстановить власть империализма.

2. Необходимость образования Варшавского договора была непосредственно вызвана созданием Западноевропейского союза. В этом союзе западные державы легализовали ремилитаризацию Западной Германии. То обстоятельство, что Западная Германия была втянута в Североатлантический союз, увеличило угрозу новой войны и в еще большей степени поставило под угрозу национальную безопасность миролюбивых государств. Вооруженная Западная Германия является таким военным очагом в Европе, который может повлечь за собой чрезвычайно тяжелые последствия для человечества.

3. Мирный оборонительный характер Варшавского договора доказывается и тем обстоятельством, что договор держит двери открытыми для вступления в него любого другого несоциалистического государства, которое пожелало бы предпринять усилие в интересах защиты мира. Наряду с этим договор гласит, что договаривающиеся стороны стремятся к созданию такой системы европейской коллективной безопасности, которая основывалась бы на участии всех европейских стран. С другой стороны, агрессивность и военные намерения Североатлантического союза неоспоримо доказываются тем обстоятельством, что заявление Советского Союза о желании вступить в НАТО было отвергнуто.

4. Государства — члены Варшавского договора, в отличие от Североатлантического союза, не угрожают странам — участникам НАТО своими военными базами. НАТО же создал и создает систему военных баз вокруг социалистических стран.

5. Варшавский договор решительно заявляет, что он будет распущен, как только будут ликвидированы военные блоки, угрожающие миру.

6. О мирных намерениях государств — членов Варшавского договора — свидетельствует и то обстоятельство, что эти государства, каждое в отдельности и все вместе, неоднократно предлагали странам — участницам НАТО заключить договоры о ненападении или один такой договор между странами — участницами Североатлантического союза и стра-

нами Варшавского договора. Эти предложения до сих пор самым решительным образом отвергались Североатлантическим блоком.

Из этого следует, что стремление, направленное на ослабление единства стран, сплоченных Варшавским договором, является не только враждебным социализму, но оно враждебно и делу мира. Осуществление этого стремления привело бы к подчинению народов Европы возрождающемуся германскому милитаризму и планам военных авантюристов.

Решение группы Имре Надя о выходе из Варшавского договора было преступлением против насущных интересов венгерского народа и в то же время угрожало миру и безопасности в Европе. Венгрия стала бы очагом войны в сердце Европы и трамплином для нового военного конфликта.

ОРГАНИЗАЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ» И ПОЛИТИКА «СВЕРШИВШИХСЯ ФАКТОВ»

С помощью двойственной тактики, неоднократно применявшейся Имре Надем и его сообщниками на практике, что в настоящее время подтверждается документами, они подготавливали последние свои действия, то есть отрыв ВНР от содружества социалистических стран.

Применение их тактики от начала до конца характеризуется тем, что они «организовывали» общественность на провозглашение лозунгов и требований, ими же самими сформулированных и «брошенных» в массы, что, впрочем, пресловутый Специальный комитет ООН также вынужден был установить по вопросу о нейтралитете относительно Имре Надя (как было указано в предыдущей, III-й главе). Такая организация общественного мнения проводилась прежде всего по радио и через контрреволюционную печать — оба участка, возглавлявшиеся Гезой Лошонци.

Второй метод их тактики заключался в создании положения свершившегося факта.

Во время контрреволюции родилась газета «Мадьяр сабадшаг», редактируемая сообщниками Имре Надя (Миклош Гимеш и Пал Лечей). В первом ее номере от 30 октября появилась передовая, которая и от имени общественного мнения требует :

«По Варшавскому договору Венгрия приняла на себя обязательство, и если она желает внести изменения в существующее положение, венгерское правитель-

ство должно сделать это путем переговоров с правительством Советского Союза. Переговоры надо начинать как можно ранее и вести их так, чтобы достичь результатов».

Эту передовую написал Миклош Гимеш, один из главрей в группе Имре Надя, который перед 23 октября внес предложение о нелегальной организационной деятельности группы.

31 октября в 20 ч. 30 м. радио огласило воззвание так называемого «революционного комитета венгерских адвокатов», созданного из бывших юристов-нилашистов и адвокатов, которым раньше было запрещено заниматься их профессией. Воззвание содержит в себе следующие выражения :

«Национальный революционный комитет венгерских адвокатов . . . устанавливает, что в законе божьем и священной идее родины видит гарантию восстановления нашей отчизны. Мы требуем немедленного расторжения навязанного Венгрии Варшавского договора, который противоречит интересам венгерского народа. Пусть правительство объявит, что Венгрия хочет быть нейтральной страной» . . .

Еще до того, как Имре Надя с соответствующими руководителями и в руководящих органах обсудил свои планы, он 31 октября произнес речь на площади Кошута перед собравшимися, заявил об отказе от Варшавского договора и просил немедленно вывести советские войска.

Для большего обоснования политики свершившихся фактов были организованы одобрительные отклики прессы, и позаботились даже о том, чтобы эти статьи путем радиопередач были как можно шире опубликованы. В номере от 1 ноября газеты «Мадьяр сабадшаг» напечатана передовая статья журналиста Петера Кенде, сторонника группы Имре Надя, близкого друга Гезы Лошонци. Тон статьи одобряющий ; она выступает с новыми требованиями :

«Мы одобряем, что венгерское правительство начало переговоры о выходе нашей страны из Варшавского договора. Разрыв навязанного нам и связывающего нас по рукам и ногам Варшавского договора означает первый шаг на этом пути. Но это только первый шаг ; надо идти дальше по начатому пути и недвусмысленно

заявить, что Венгрия так же, как и соседняя Австрия, желает проводить политику нейтралитета и в дальнейшем не желает присоединяться ни к одному блоку в мировой политике» . . .

1 ноября «Свободная радиостанция имени Кошута» в обзоре газет, начавшемся после известий в 10 ч. 08 м., познакомила слушателей с передовой статьей под заглавием «Пусть независимая Венгрия будет нейтральной», появившейся в газете «Мадьяр сабадшаг». (Указанный сборник радиопередач, стр. 248.)

После такой подготовки Имре Надь созвал кабинет. В своих показаниях перед судом Золтан Тильди рассказал об этом заседании следующее :

«Это заседание было полностью подготовлено. Об этом говорит тот факт, что Имре Надь пришел на заседание с готовым решением, которое зачитал перед составом кабинета и немедленно удалился, чтобы объявить его по радио. Подготовленность события доказывается также и тем фактом, что после заседания внесли большой плакат с новым гербом. На плакате, перетянутом красно-бело-зелеными полосами, была следующая надпись : Да здравствует независимая нейтральная Венгрия !»

Из показаний Золтана Тильди выясняется следующее : Имре Надь познакомил кабинет со своим предложением о выходе Венгрии из Варшавского договора не с целью обсуждения, односторонне заявив об этом как о решенном факте.

Золтан Тильди, отвечая на вопрос председателя, заявил :

«Расторжение Варшавского договора произошло по инициативе Имре Надя. Я это решительно утверждаю».

Имре Надь сделал следующие замечания относительно показаний Золтана Тильди :

«Мое мнение относительно показаний Тильди состоит в том, что он не искренен во многих вопросах. Укажу конкретно. Тильди решительно утверждает, что Имре Надь был инициатором расторжения Варшавского договора. Во-первых, Золтан Тильди должен знать, что не я был инициатором. Он должен знать мою позицию. С другой же стороны, он должен знать и свою

собственную точку зрения, которая и раньше была наиболее определенной именно у Золтана Тильди по сравнению со всеми остальными членами кабинета. Именно Золтан Тильди был тем человеком, который имел решительное и недопускающее кривотолков мнение как относительно нейтралитета, так и относительно расторжения Варшавского договора».

Имре Надь продолжал отрицать вину и тогда, когда председатель пожелал выяснить одну из важных подробностей в связи с заявлением о нейтралитете.

«Председатель: Следующее, на чем я остановлюсь, это заявление о нейтралитете. Первый вопрос. Была ли вами 31 октября произнесена речь перед людьми, собравшимися у парламента, суть которой состоит в том, что ведутся переговоры о выводе советских войск и об отказе от обязательств, взятых нами по Варшавскому договору. Если да, то имели ли вы полномочия делать подобное заявление, и действительно ли в то время велись переговоры по указанным вопросам?»

Имре Надь: Я выступил с речью экспромтом 31 октября перед собравшейся у парламента небольшой толпой. В этой речи я говорил о тех переговорах, которые мы в то время уже вели, значит, говорил не о переговорах относительно Варшавского договора. Обвинительное заключение здесь подвергает факты сомнению. Я сожалею. Но должен сказать, что речь идет здесь о фактах, а факты я знаю. Речь здесь шла о выводе советских войск, находящихся на территории Венгрии».

Имре Надь с сожалением подвергает сомнению утверждение обвинительного заключения в то время, когда и этот пункт обвинительного заключения был подтвержден свидетелями и письменными документами. Кроме того, целесообразно напомнить, что Комитет Свободной Европы также разоблачил тот факт, что Имре Надь пытался опровергнуть доказанные факты.

На 217 странице в уже упоминавшемся сборнике радиопередач («Венгерская революция и борьба за свободу в отражении венгерских радиопередач». Пресса Свободной Европы, отделение Комитета Свободной Европы, Парк Авеню 2, Нью-Йорк 16, выпуск восьмой, № 10—11) мы можем про-

честь следующий текст из передач «Свободной радиостанции имени Кошута :»

«Сегодня во второй половине дня огромная толпа собралась на площади имени Лайоша Кошута. (Тогда еще радио сообщало об «огромной толпе». Имре Надь заявил на суде, что толпа была небольшая. — Прим. ред.) Премьер-министр Имре Надь вышел из парламента, подошел к памятнику Кошута и произнес речь. В своей речи он подчеркнул, что он не просил помощи у советских войск. Эта мера была предпринята без его ведома. Он заявил, что *с расторжением Варшавского договора мы просим и немедленного вывода советских войск*».

Здесь слова о разрыве Варшавского договора выделены редакцией. Однако для того, чтобы полностью опровергнуть попытку Имре Нады выгородить себя, приведем выдержки из передачи «Свободной радиостанции Кошута», переданной в тот же вечер (31 октября! — Прим. ред.). В 20 часов 01 мин. передавалась, по-видимому, магнитофонная запись его выступления.

«Речь председателя Совета Министров Имре Надя на площади перед парламентом 31 октября 1956 года :

«Я вновь обращаюсь к вам, мои венгерские братья, с горячей пламенной любовью! . . .

Дорогие друзья! *Сегодня мы начали переговоры о выводе советских войск с территории страны, о разрыве обязательств, принятых нами по Варшавскому договору*. Однако мы просим у вас немного терпения, я думаю, что наши достижения таковы, что вы можете оказать нам это доверие» . . . (Указанный сборник радиопередач, стр. 219—220).

В данном случае слова выделены уже не редакцией «Белой книги», а нью-йоркской редакцией сборника радиопередач.

Это было произнесено во второй половине дня 31 октября 1956 года перед огромной, или даже не огромной, толпой. И только на другой день Имре Надь (1 ноября 1956 года) внес в правительственный кабинет предложение об объявлении нейтралитета и выходе из Варшавского договора, причем, он это сделал так, как об этом заявил на суде Золтан Тильди.

И после всего этого он с сожалением подверг сомнению утверждения обвинительного заключения . . .

Показание Золтана Санто на судебном заседании 13 июня проливает свет еще на одну заслуживающую внимания подробность поведения Имре Надя :

«Имре Надь не запрашивал мнения президиума партии. В качестве примера можно привести и вопрос о нейтралитете и разрыве Варшавского договора . . . Я считаю это тяжелой виной потому, что мне стало известно, что представители коалиционных партий, являвшиеся тогда членами кабинета, при обсуждении многих вопросов заявляли, что прежде чем они выскажутся по данному вопросу повестки дня, они предварительно обсудят их с остальными руководителями своих партий. Имре Надь как представитель Венгерской партии трудящихся этого не сделал».

«НОТЫ» ИМРЕ НАДЯ ООН

Еще не успело закрыться заседание кабинета, как снова зазвучал голос хорошо организованного «общественного мнения». Газеты, вышедшие днем, уже сообщили требования повстанцев из переулка Корвин, группы, состоящей из уголовных преступников и фашистских элементов :

« . . . Ввиду суэцких событий, стало крайне необходимым, чтобы венгерский представитель в ООН немедленно заявил о том, что благодаря революции, начатой 23 октября и закончившейся победой, Венгрия вступила в ряды нейтральных стран».

Группа Имре Надя поспешно удовлетворила и это требование «борцов за свободу», тем более потому, что ведь надо было осуществлять свои намерения, которые были уже заранее предрешены. Бывший служащий Министерства иностранных дел Пал Феликс в своем свидетельском показании сообщил следующее :

«Мы получили от Имре Надя поручение составить ноту относительно отказа от Варшавского договора и заявления о нейтралитете. Эта нота, кроме ООН, была направлена также всем иностранным представительством в Будапеште».

Вот как звучит отрывок одной из таких нот Имре Надя, направленной им 1 ноября 1956 года в адрес генерального секретаря ООН :

«...1 ноября 1956 года правительство Венгерской Народной Республики объявило декларацию о нейтралитете. Прошу Ваше превосходительство, будьте столь добры, включить вне очереди в повестку дня открывающейся сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о венгерском нейтралитете и защите его четырьмя великими державами».

Инструкцию о такой установке послали также тогдашнему представителю Венгрии в ООН. После этого серия все более срочных нот полетела к генеральному секретарю и государствам — членам ООН, а на делегата Венгрии в ООН хлынули инструкции подобного содержания. Для группы Имре Надя было также крайне важно не только внутри страны, но и в международном масштабе настойчиво проводить авантюристическую политику свершившихся фактов.

3 ноября Имре Надь послал следующую инструкцию представителю Венгрии в ООН :

«Приказываю без промедления официально заявить непосредственно генеральному секретарю ООН, что все телеграммы, письма, сообщения, так же, как и содержащиеся в них информации, поступившие до сих пор, и те, которые будут поступать в будущем, в том числе адресованные лично генеральному секретарю, выражают официальную точку зрения всего венгерского правительства».

В связи с этой установкой сошлемся снова на приведенное выше свидетельское показание Золтана Тильди. Имре Надь обманул страну, он не только обходил Государственное Собрание и правительство в обсуждении и решении таких насущно важных вопросов, но даже созданный вместо правительства, «очищенный» от коммунистов совсем узкий кабинет, в общем и целом уже известный, также ставил перед свершившимся фактом. Имре Надь с этих пор не информировал даже кабинет о своих дипломатических действиях. В качестве министра иностранных дел он распоряжался относительно составления и отправления различных нот.

Члены группы Надя и в этом случае обманули и ввели в заблуждение тех людей, которые верили им, верили в возможность нейтралитета. Что же это за нейтралитет, когда «нейтральная» страна немедленно просит помощи у Запада? Венгрия ни на минуту не осталась бы нейтральной, и утверждение, что она могла остаться нейтральной, было ложью. Болтовня о нейтралитете являлась средством для Имре Надя и его сообщников, с помощью которого они пытались вырвать страну из социалистического лагеря и вовлечь ее в лагерь империализма, передать страну в руки своих внутренних фашистов, а в международных отношениях — в руки империалистов. Они вели подлую игру с лозунгом о нейтралитете.

Хорошо, не в бровь, а прямо в глаз, характеризовала это в свое время, правда, не без крайностей, газета «Мадьяр немзет», попавшая в руки руководителей реакционной Независимой партии мелких хозяев. В номере от 4 ноября 1956 года, в статье под заглавием «Что означает нейтралитет?», приводятся слова идеолога американских империалистов, «реального политика» Уолтера Липпманна, напечатанные на столбцах «Нью-Йорк геральд трибюн»:

«Восточную Европу нельзя освободить путем войны так же, как нельзя освободить ее и путем жестокой контрреволюции. Восточноевропейские коммунистические страны могут освободиться только путем вступления в нейтральные союзы».

Значит, цель была ясна: путем нейтралитета — который к тому же был соединен с дикой контрреволюцией — «освободить» Венгрию от социализма.

Кабинет Имре Надя 2 ноября 1956 года снова заседал. На заседании родилось два важных решения. Согласно первому решению правительственная делегация под руководством Имре Надя должна поехать в Лондон и Нью-Йорк. Этой поездкой они хотели завершить откол Венгрии от социалистического лагеря.

Согласно второму решению на заседании кабинета была намечена и другая правительственная делегация с Лошонци во главе, которая должна была отправиться в Варшаву с тем, чтобы официально отказаться от Варшавского договора. В соответствии с решением в этой делегации должен был принять участие и один из членов рабочего совета (очевидно, для демонстрации позиции «рабочего класса»).

Характерно, что в отношении конкретного лица этого представителя «рабочего совета» предложение должен был сделать Золтан Тильди (!).

Когда на рассвете 4 ноября Имре Надь узнал о начале революционного контрнаступления, он вызвал к себе находящихся в парламенте Золтана Тильди и Ференца Доната и сообщил им о развернувшихся событиях. Тогда Тильди предложил в какой-либо форме сообщить о случившемся по радио. Имре Надь при участии Доната и Тильди составил текст обращения по радио, затем поспешил в парламентскую студию и зачитал его перед микрофоном.

И после того, как Имре Надь по радио «перед страной и миром» заявил, что правительство на месте, он обманул население страны и некоторых членов своего кабинета и со своими ближайшими единомышленниками укрылся в югославском посольстве . . .

Во время судебного разбирательства 9 июня Имре Надь неожиданно заявил, что текст выступления по радио, сделанного на рассвете 4 ноября, был написан не им. Сам факт, что этот текст был прочитан им перед микрофоном, он, по-видимому, отрицать не мог, и поэтому он попытался частично или полностью возложить ответственность за действия, в которых он обвинялся, на других обвиняемых, а именно на Ференца Доната и Золтана Тильди.

Во время судебного процесса неоднократно имели место очные ставки. Одну из этих очных ставок мы приведем здесь :

«Ференц Донат : 4 ноября на рассвете меня разбудили и сообщили, что советские войска вошли в город, и просили созвать членов исполнительного комитета. Я позвонил Золтану Санто, и во время телефонного разговора ко мне пришел Золтан Тильди с женой. Затем мы прошли в секретариат.

Тогда Тильди обратился к Имре Надю и сказал, что правительство должно сделать заявление, пока еще имеется возможность выступить по радио. В этом заявлении правительство должно констатировать факты. Заявление диктовал Имре Надь. Я карандашом стал записывать, и когда дошел до конца, насколько мне помнится, он сказал, что этот текст не смогут прочесть, тогда я стал писать на машинке. Я сделал некоторые стилистические исправления, по смыслу текста никаких исправлений не сделал. До окончания диктов-

ки, кроме Имре Надя, здесь находился Золтан Тильди. Таким образом был подготовлен текст.

И м р е Н а д ь : Я текста не диктовал, Донат писал заявление карандашом, а я в это время провел 15—20 телефонных разговоров».

Золтан Тильди в своем показании на суде рассказал также, как с ним, с одним из государственных министров своего кабинета, Имре Надь 4 ноября обошелся :

«Обвинение правильно ставит мне в вину, что я передал генеральному секретарю ООН заявление Имре Надя, сделанное по радио на рассвете 4 ноября. Я хочу рассказать, каково было положение 4 ноября в парламенте. Я два раза заходил в комнату Имре Надя. Когда я заходил к нему во второй раз, моя жена оделась, и мы снова пошли к Имре Надю. В это время Имре Надь и его группа, целая компания в пальто и шляпах, с портфелями в руках, выходили из комнаты. Я спросил, куда они идут. Имре Надь сказал, что они идут в нижние помещения. Поскольку возможна стрельба, они могут здесь пострадать. Тогда я снова вернулся в свою комнату за пальто и пошел вниз. Я заблудился. Дошел до подвала, и когда вернулся, Имре Надя уже нигде не было. Я стал интересоваться, где он может быть, и где находятся те, кто был с ним. Из гарнизона охраны парламента явился офицер и сказал, что Имре Надь ушел в советское посольство на переговоры. Я считал тогдашнюю неразбериху и ужасное положение трагическими, и для меня явилось некоторым успокоением то обстоятельство, что Имре Надь все же пошел в советское посольство. Я попросил, чтобы радиостудия прекратила передачу заявления Имре Надя, ибо до тех пор оно беспрерывно повторялось. Не в тот день, а уже на следующий день, я узнал, что Имре Надь из парламента пошел не в советское посольство, а прямо в посольство другого государства. Это было одним из самых больших потрясений в моей жизни. Я остался один в ужасно обостренной обстановке, которую так обострил именно Имре Надь. Если бы Имре Надь имел хоть малейшее человеческое чувство, то он, во всяком случае, сообщил бы мне в то утро, что они идут искать убежище, а не передал бы мне ложное сообщение, что пошел в советское посольство.»

В это утро на рассвете Имре Надь обманул еще одного своего государственного министра. На судебном заседании 11 июня Иштван Б. Сабо в своем свидетельском показании рассказал :

«4 ноября за мной была прислана машина с тем, чтобы я поехал в парламент. Когда я туда прибыл, Имре Надь как раз выходил из своей комнаты в сопровождении нескольких человек. Он сказал, чтобы все немедленно шли в убежище. В кабинете Золтана Тильди к нам присоединился Миндсенти, и мы спустились в убежище, куда Имре Надь так и не прибыл» . . .

ИМРЕ НАДЬ И ЕГО СООБЩНИКИ — РУКОВОДИТЕЛИ АРЬБЕРГАРДНЫХ БОЕВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

После 4 ноября заговорщики во главе с Имре Надем искали и нашли убежище там, откуда им и раньше оказывалась поддержка.

СООБЩНИКИ ИМРЕ НАДЯ НА ЗАПАДЕ

Часть заговорщиков бежала на Запад и в качестве наймитов врага продолжает свою деятельность. Вот некоторые из них.

Анна Кетли в номере газеты «Непсава» от 1 ноября 1956 года пишет :

«Сегодня контрреволюция шепчет, что она не начнет ничего из того, что она совершила в свое время. Мы должны следить за этим, и партия своими действиями должна воспрепятствовать тому, чтобы этот шепот превратился в торжествующий смех».

2 ноября она поехала в Вену, чтобы принять участие в заседании бюро Социалистического Интернационала. Там она сделала отчет. Об этом отчете газета «Фолксштиме» в статье от 27 ноября 1956 года, под заголовком «Анна Кетли о контрреволюции», пишет :

«Член руководства Германской социалистической партии (социал-демократическая партия, действующая в Германской Федеративной Республике. — Прим. ред.) Герберт Венер на этой неделе выступил с речью перед партийными работниками в городе Гамбурге. Из полного текста его речи явствует, что Венер принимал участие в заседании бюро Социалистического Интернационала, имевшего место в Вене 2 ноября. Он сообщил о речи, произнесенной Анной Кетли, лидером венгерских социалистов. Мы приводим отрывок из речи Венера :

«В то время, когда Анна Кетли выступила с отчетом в Вене, она должна была уже констатировать, что движение венгерского народа под воздействием посторонних сил находится в опасности. Кетли сказала, что ненависть против органов госбезопасности обратилась в кампанию, направленную на уничтожение всех, кого можно было обвинить хотя бы в принадлежности к коммунистической партии или в том, что он является партработником. Подвергались преследованию не только эти люди, но их жены и дети, их убивали, и не просто убивали, а убивали так, что этого нельзя описать.

Анна Кетли рассказала: Эти события можно сравнить только с теми ужасными временами, которые пережили венгры после разгрома советской республики в 1919 году при Хорти.

Далее, Анна Кетли рассказала, что освобожденный в те дни кардинал Миндсенти стал знаменем этих, как она выразилась, белых элементов»...

К статье, излагающей выступление Венера, газета при-
совокупила:

«Мы вновь обратились к газете «Арбейтер цейтунг» (орган австрийских социал-демократов. — Прим. ред.), чтобы она опубликовала речь лидера венгерских социал-демократов. Наш призыв до сих пор остался без ответа. Вероятнее всего потому, что речь Анны Кетли противоречит всей пропаганде «Арбейтер цейтунг», которая выступает и проваливается со своим тезисом, утверждающим, что в Венгрии не было совершенно никакой опасности победы контрреволюции и белого террора».

Эти заявления Анны Кетли не вызывают сомнений. В своей статье от 1 ноября она писала о «контрреволюции», на венском заседании события, происходившие тогда в Венгрии, она сравнила с белым террором 1919 года, а потом она уже признавала лишь «чистую борьбу» за свободу, чтобы своим новым предательством обеспечить себе кусок хлеба и заслужить поддержку своих империалистических хозяев.

Сейчас на Западе она выставляет себя, как единственного члена правительства Имре Надя, живущего на «свободной земле.»

В 1957 году она стала председателем созданного в Страсбурге «революционного совета». Она включилась в западный

клеветнический поход, направленный против Венгерской Народной Республики, организовала вербовку ложных свидетелей для так называемого Комитета пяти ООН. Осенью 1957 года она была избрана председателем «Венгерской социал-демократической партии в эмиграции». Эта организация считается самой правой партией Социалистического Интернационала. Наряду с этим, Анна Кетли является главным редактором так называемого свободного профсоюзного органа, газеты «Непсава», выходящей в Лондоне и редактируемой ею совместно с венгерскими сотрудниками Би-Би-Си (лондонское радио). В своих статьях она делает грубые выпады против народно-демократического строя Венгрии и против Советского Союза.

За ее деятельность политические друзья оказывают Анне Кетли различного рода материальную поддержку. Для ее финансирования основан консорциум, называемый «Фондом Кетли». Исполнительный Комитет английской Лейбористской партии оказал ей материальную поддержку размером в 1500 фунтов.

Бела Кирай, который 31 октября Имре Надем был назначен военным комендантом Будапешта в чине генерал-майора, как начальник контрреволюционной «национальной охраны» бежал в Австрию вместе с группой вооруженных бандитов. Под его руководством был создан так называемый «Венгерский союз борцов за свободу», в состав которого вошли бежавшие на Запад вооруженные террористы. Под его руководством эта организация приступила к созданию шпионской сети, направленной против Венгрии. Кирай послал, например, обратно в Венгрию со шпионским заданием Петера Реннера и его сообщников. Многие своих агентов он направил для обучения на курсы диверсантов в Италию и Испанию; некоторых же по его рекомендации приняли в ряды вспомогательных войск американской армии в Западной Германии. «Венгерский союз борцов за свободу» принял также участие в наглых подстрекательствах против Венгерской Народной Республики. По указанию Кирая руководители Союза вместе с Анной Кетли вербовали для так называемого Комитета пяти ООН подкупленных ложных свидетелей.

Кирай растратил различные фонды пожертвований, предназначенные для «Венгерского союза борцов за свободу» и венгерских «беженцев».

Он поддерживал исключительно тесную связь с военным департаментом США. Пользуется решительной поддержкой со стороны военных кругов США. Этой поддержки он добился тем путем, что определил на службу военного департамента Соединенных Штатов Америки многих бывших офицеров венгерской армии. Он регулярно пишет статьи о «военных уроках» контрреволюции в издании Комитета «Свободной Европы». Этот Комитет регулярно вознаграждает Белу Кирая.

В качестве главы создаваемого «Союза борцов за свободу» 1 мая 1957 года Бела Кирай хотел в Монреале, в столовой «Приюта венгерских беженцев», сделать доклад примерно для 150 слушателей. Доклад был скандально сорван членами тоже контрреволюционного «Легиона свободы». Восстановить порядок не смог даже председатель собрания, священник ордена иезуитов Фодор, пришлось вызвать на помощь полицейских молодчиков. Небольшая часть оставшихся слушателей двумя часами позже перешла в помещение бывших польских солдат, и там продолжался скандал. Здесь Кирай взял под свою защиту Анну Кетли, сказав о ней следующее :

«Анна Кетли является ныне, пожалуй, единственным лицом среди венгерской эмиграции, которое в состоянии добиться эффективных результатов для Венгрии у великих держав. Я думаю, достаточно, если я скажу, что она связана узами личной дружбы со Спааком, председателем самой мощной антибольшевистской организации (Спаак — генеральный секретарь НАТО. — Прим. ред.). Узами не только политической, но и личной дружбы она связана также со многими членами Межпарламентского союза. Все они оказывают решающее влияние на направление мировой политики»... (Опубликовано в еженедельной газете «Аз эмбер», Нью-Йорк, 11 мая 1957 г.).

В другой раз Бела Кирай четко подытожил свою точку зрения, заявив :

«Венгерская революция показала путь выхода, потому что выступила за западную технику и форму свободы, а также за общую политическую мораль». (Опубликовано в газете «Аз эмбер», Нью-Йорк, 28 сентября 1957 г.).

В октябре и ноябре 1956 года венгерский народ получил достаточно наглядный урок, какое применение нашли в методах венгерской контрреволюции «свободная западная техника» и «общая политическая мораль».

Йожеф Кеваго живет в Соединенных Штатах Америки. Под тем предлогом, что он был бургомистром Будапешта и желает восстановить столицу, он начал сбор средств в капиталистических странах. Большую часть собранных средств он растратил. Вопреки этому он продолжал пользоваться поддержкой Комитета «Свободной Европы». Он установил также тесную связь с генералом США Маккаргером. Кеваго шел в авангарде борьбы за создание так называемого «Эмигрантского венгерского парламента».

Свою эмигрантскую деятельность Кеваго согласовывал с Анной Кетли. По поручению Анны Кетли он побывал в сентябре 1957 года у принца Таиланда Ван Вайтхаякона, которому поручили возглавить «расследование венгерского дела».

В недавнем прошлом Кеваго написал книгу, крайне враждебную по отношению к Венгерской Народной Республике. Он был избран в новый «репрезентативный национальный орган», в «Венгерский комитет», финансируемый американскими правящими кругами. «Венгерский комитет» был создан как преемник ранее существовавшего «Венгерского национального комитета». Кеваго является вице-председателем нового органа.

ГРУППА ИМРЕ НАДЯ В ЮГОСЛАВСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

Имре Надь и многие члены его группы, как мы уже упомянули, 4 ноября отправились в посольство Югославии.

Между членами группы Имре Надя и частью официальных представителей югославского правительства в Будапеште уже до октября 1956 года установилась подпольная связь.

В период, предшествовавший контрреволюции, Ференц Яноши, Миклош Гимеш и Миклош Вашархеи поддерживали регулярную и конспиративную связь с первым секретарем посольства Югославии Миланом Георгиевичем.

Об этом Миклош Вашархеи показал следующее :

«...Впервые с Георгиевичем я встретился весной 1955 года на официальном приеме в посольстве. В июне 1955 года, когда уже стало известно, что меня снимут

с занимаемого поста и отстранят от работы в области печати, Георгиевич позвонил мне по телефону и попросил меня зайти в служебное помещение посольства. Здесь мы договорились о том, что независимо от моего увольнения мы будем и впредь поддерживать друг с другом связь. Относительно наших дальнейших встреч мы договорились, что они будут носить конспиративный характер. Это Георгиевич мотивировал тем, что я могу иметь неприятности, если об этом узнают венгерские власти.

Относительно нашей первой встречи мы условились так, что он позвонит мне по телефону и тогда мы конкретно договоримся, где и когда встретимся. Он позвонил мне в сентябре 1955 года, и мы договорились встретиться в кафе на углу улицы Нью во II районе.

С сентября 1955 года до августа 1956 года я встречался с Георгиевичем в среднем раз в месяц, всего примерно девять раз.

Во время наших встреч я передал Георгиевичу многие письменные материалы Имре Надя, которые я получил от него с поручением передать их югославским руководителям, используя свои связи.

Я передал многие адресованные Центральному Комитету заявления Имре Надя, а также труды, написанные им, объемом примерно в 180—200 страниц. Из числа их я точно помню труды: «Пять основных принципов международных связей», «Мораль и этика», а также «Некоторые актуальные вопросы».

Миклош Гимеш показал следующее :

«... На пресс-конференции, организованной в югославском посольстве, я познакомился с пресс-атташе, а также с советником посольства Дикичем и секретарем посольства, по имени Георгиевич.

На пресс-конференции Георгиевич сказал мне, что хотел бы со мной встретиться, поговорить. Мы договорились встретиться через две недели после пресс-конференции.

Все встречи состоялись таким образом, что на каждой состоявшейся встрече мы договаривались о месте и времени следующей встречи.

Я помню, что осенью 1955 года Георгиевич сообщил мне, что хотел бы побеседовать с Ференцем Яноши.

Он просил меня узнать, согласится ли Ференц Яноши поговорить с ним. После этого я поговорил с Яноши и он согласился встретиться с Георгиевичем. Я сообщил Георгиевичу ответ Ференца Яноши, затем мы договорились о встрече на квартире у Габора Магоша».

Ференц Яноши подтвердил это в своих показаниях :

«В марте 1956 года Имре Надь через меня передал свои материалы югославам при посредстве одного из членов посольства Югославии, Георгиевича».

КАК ИМРЕ НАДЬ И ЕГО СООБЩИКИ ОКАЗАЛИСЬ В ЮГОСЛАВСКОМ ПОСОЛЬСТВЕ

13 июня на заседании суда Золтан Санто дал следующее свидетельское показание :

«4 ноября 1956 года, примерно в час ночи, мне сообщили из канцелярии Совета Министров о том, что югославский посол Солдатич желает срочно поговорить со мной, чтобы я сейчас же позвонил ему по телефону. Когда я позвонил, сотрудник посольства Милованов сообщил мне, чтобы я без промедления пришел в посольство, потому что посол Солдатич желает лично говорить со мной.

Посол Солдатич рассказал, что он сообщил в Белград содержание разговора с Лошонци и со мною, имевшего место 1 ноября в канцелярии Совета Министров относительно того, нет ли возможности в целях безопасности временно устроить в югославском посольстве несколько женщин и детей. Несколько часов тому назад он получил ответ на это сообщение. Суть ответа, по мнению посла, заключалась в следующем : положение исключительно серьезно, события развиваются очень быстро, новое наступление советских войск на Будапешт может последовать в любую минуту. Поэтому югославское правительство решило предоставить право убежища Имре Надю, членам руководства и всем тем, кого руководство сочтет достойным этого».

Миклош Вашархеи, который за недостатком времени уже не попал в югославское посольство, показал следующее :

«...Я пешком пошел по данному мне адресу на квартиру заместителя военного атташе Вукмировича. Здесь я уже застал начальника воздушных сил полков-

ника Ференца Надора с семьей и Петера Эрдеша. Вукмирович сообщил мне, что югославское правительство предложило нам право убежища».

Подобным же образом был приглашен в югославское посольство Габор Танцош. Танцош показал об этом следующее :

«4 ноября 1956 года около 8 часов утра мне позвонили по телефону. Милованов сообщил мне, что он говорит от имени югославского посольства и приглашает меня прийти в посольство, где уже находятся многие венгерские лица. Милованов заявил, что он решительно рекомендует и предлагает, чтобы я в собственных интересах пошел в посольство, взяв с собой и жену. В соответствии с этим я вместе с женой около 9 часов утра пошел в посольство».

ПОД ПРИКРЫТИЕМ «ПРАВА УБЕЖИЩА»...

Имре Надь вместе со своими сообщниками продолжал в здании югославского посольства свою деятельность, направленную против народной демократии. В то время, как силы Венгерской Народной Республики с помощью советских войск сражались, громя вооруженные банды контрреволюции, и приступили к восстановлению законного порядка, Имре Надь вместе со своими сообщниками обсуждали, какую поддержку они могут оказать контрреволюции и каким образом могут выступить против правительства Венгерской Народной Республики, Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства.

В то время, как в борьбе против сил контрреволюции, против террора в стране была воссоздана партия, Имре Надь и его сообщники в югославском посольстве декларировали себя Исполбюро партии. Это так называемое Исполбюро уже 4 ноября имело беседу с послом Солдатичем. Об этом Силард Уйхеи в своих свидетельских показаниях сказал следующее :

«Беседа была осуществлена таким образом, что, выйдя от Солдатича, Геза Лошонци лично пригласил каждого присутствующего члена Исполбюро — Золтана Санто, Дьердя Лукача, Ференца Доната и Шандора Харасты, о котором Лошонци заметил, что он не является членом Исполбюро, но на основании ранее вынесенного решения как главный редактор партийного ор-

гана принимает участие в заседаниях Исполбюро, — зайти в кабинет Солдатича для беседы. Имре Надь тогда уже был в кабинете Солдатича.

От Лошонци я знаю, что на заседаниях протоколов не вели, а Лошонци позже фиксировал материалы заседаний. Лошонци сказал мне также, что Исполбюро разработало проект возможного хода событий после 4 ноября» . . .

Оформленные записи заседаний так называемого Исполбюро были конфискованы у Гезы Лошонци и Ференца Доната при их аресте.

Из этих записей выясняется, что от имени так называемого Исполбюро Имре Надь и его группа разработали контрреволюционную платформу. В ней они требуют вывода советских войск, выступают за денонсирование Варшавского договора и провозглашение нейтралитета, требуют многопартийной системы, а также того, чтобы «центральная правительственная власть в Венгерской Народной Республике опиралась в первую очередь на рабочие советы, а также на те органы, которые были созданы в течение минувших недель крестьянством, интеллигенцией и другими прослойками».

Под этим подразумеваются различные контрреволюционные комитеты, в которых, как о том свидетельствуют документы, заправилами были фашистские реакционные элементы, хоргисты, кулаки, капиталисты и подобные им элементы.

В то время, как при Имре Наде, в бытность его премьер-министром, в тюрьмы бросались тысячи коммунистов и других прогрессивных людей, сотни их убивались, и против всего этого у Имре Надя не нашлось ни слова протеста, более того, в его печатных органах требовалось привлечение к ответственности партийных работников, борцов-коммунистов, защитников народно-демократического строя — сейчас же, когда началось привлечение к ответственности контрреволюционеров и белых террористов, Имре Надь в проекте своей программы требовал: «Освободить всех политических заключенных».

Имре Надь и его сообщники в соответствии с проектом программы, разработанным в посольстве, и со всем их предательским поведением вошли в сношения с известными реакционными политическими деятелями и уговаривали их бежать на Запад и там продолжать свою предательскую деятельность.

Тивадар Партаи в своих показаниях сказал следующее :

«4 ноября утром мне позвонили по телефону. Вызывающий по телефону голос сказал, что говорит Лошонци. Он интересовался судьбою Белы Ковача и Иштвана Б. Сабо, спрашивал, где они находятся. Я ответил, что не знаю. Тогда он попросил, чтобы мы не оказывали поддержки правительству Кадара, а скрылись в данный момент в одном из посольств, а затем встретились в Вене».

11 июня Иштван Б. Сабо на суде рассказал :

«Тивадар Партаи сообщил мне, что ему из югославского посольства звонил Лошонци, чтобы мы уходили в Австрию. После этого я попытался пойти в английскую миссию, но это мне не удалось».

Группа Имре Надя с помощью югославских журналистов установила связь с радиостанцией «Свободная Европа» и просила передать о них сообщение. Радиостанция «Свободная Европа», естественно, с готовностью выполнила эту просьбу. Корреспондент Дьердь Фазекаш показал об этом следующее :

«Коллектив принял решение поручить мне организовать передачу сообщения. 8 ноября я сказал югославским журналистам Зельмановичу, Юлиусу Дьюка, Гавро Альтману, что, мол, все знают, где мы находимся, в то же время публично об этом никто не говорит. В связи с этим мы просим предпринять шаги для обнародования этого факта. Вскоре после этого одна из западных радиостанций сообщила, что Имре Надь и некоторые члены его правительства находятся в здании югославского посольства в Будапеште» . . .

Золтан Санто в своих свидетельских показаниях сказал об этом следующее :

«Я знаю, что Имре Надь передал сообщение радиостанции «Свободная Европа». Это произошло примерно 15 ноября. Габор Танцош сообщил, что он в передаче радиостанции «Свободная Европа» только что слышал интересную вещь. Танцош рассказал, что, согласно передаче радиостанции «Свободная Европа», Имре Надь переслал из югославского посольства сообщение, в котором опровергает слухи, будто он вел переговоры с Яношем Кадаром. Это сообщение Танцоша было встречено с большей радостью и ликованием, при этом гово-

рили : «Вот это здорово, вот это действительно оперативность».

Обратившись к Имре Надю, я спросил, о чем идет речь. Имре Надь ответил, что после полудня ими было отправлено сообщение вышеуказанного содержания радиостанции «Свободная Европа», которая так быстро передала его. Я выразил свое удивление ; один из присутствовавших, — кажется, Донат, — заметил, что нечего этому удивляться, так как в Будапеште действует столько тайных передатчиков, что нетрудно передать такое сообщение».

Несмотря на имевшиеся показания свидетелей, Имре Надь отрицал часть фактов :

«С нашей стороны мы передавали сообщение о том, кто из нас где находится и, вообще, где мы обитаем. Но эти сообщения направлялись не радиостанции «Свободная Европа», это вообще не соответствует действительности. Не соответствует фактам и то, что в этом сообщении, помимо простого перечисления имен, мы говорили еще о чем-либо. Мы в свое время просили югославы обнародовать это, поскольку распространялись слухи, что мы убиты или находимся в американском посольстве. Мы просили их сообщить, что мы находимся здесь, что они дали нам право убежища, пригласили нас, и мы не бежали».

Находясь в здании югославского посольства, Имре Надь и его сообщники старались в ноябре 1956 года установить связь с находившимися вне посольства членами группы и через сотрудников посольства конспиративно передавали им документы. Золтан Санто в своих свидетельских показаниях сказал об этом следующее :

«Вставал вопрос, не лучше ли было бы ограничиться организацией не партии, а лишь движения. Это вызвало большие споры. Имре Надь колебался ; он поддерживал предложение Доната или Харасты, согласно которому надо было запросить мнение товарищей вне посольства. Был составлен опросный лист из трех пунктов, который был отправлен».

Габор Танцш, который по поручению Имре Надя организовал тайный вынос документов из посольства, показал следующее :

«Примерно 10 ноября 1956 года (точной даты я не помню) в югославском посольстве меня вызвали в каби-

нет, в котором находились Имре Надь, Геза Лошонци, Ференц Донат, Дьердь Лукач и Золтан Санто. Мне показали листок бумаги, содержащий текст вопросов, и сказали, что в целях нашей собственной ориентации было бы необходимо узнать, каково о них мнение вне посольства. Лист бумаги с вопросами я переслал Балажу Надю через советника посольства Дикича. Ответ пришел через того же советника Дикича. В ответе говорилось, что ВСРП не имеет никакого авторитета, и нужна не партия, а широкое движение. Этот ответ я передал тем, от кого получил вопросы для дальнейшей их передачи».

Члены группы Имре Надя, оставшиеся вне посольства, собрались, чтобы обсудить послание Имре Надя и ответ на него. Это послание послужило исходным пунктом заговора Миклоша Гимеша, Дьердя Адама и их остальных сообщников, целью которого было свержение Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства и народной власти. Иштван Пожар, бывший ассистент университета, показал об этом следующее :

«Цель заговора была изложена Дьердем Адамом на первом совещании, происходившем на квартире Роберта Бохо, где впервые собрались Миклош Гимеш, Шандор Херпай, Роберт Бохо, Балаж Надь и я. Он заявил, что необходимо, чтобы это движение организованно направлялось и в кругах интеллигенции, ибо оно продолжит национальную революцию, развернувшуюся перед 4 ноября . . .

На этом же совещании Балаж Надь зачитал письмо, полученное им от Имре Надя и его сообщников, находившихся в югославском посольстве. Наш ответ, который должен был передать Балаж Надь, по сути соответствовал нашей оценке положения и нашей точке зрения, сформировавшейся на совещании. Все члены нашей организации, так называемого «Демократического движения за независимость Венгрии» были приверженцами политической линии Имре Надя. Поведение Имре Надя и его сообщников 4 ноября и позже безусловно оказало влияние на нас, на нашу контрреволюционную деятельность».

Подобное показание было дано и Дьердем Адамом, который во время контрреволюции был председателем «революционного комитета интеллигенции» :

«Совещание вел я, и главной темой его было обсуждение письма, присланного Балажу Надю из югославского посольства группой Имре Надя. Содержание его в основном совпадало с тем, что было опубликовано нами в качестве требований в подпольной газете «Двадцать третье октября», решение о выпуске которой было принято здесь же, после совещания. Эти требования были одновременно политической платформой созданного нами так называемого «Демократического движения за независимость Венгрии». Эта платформа по сути совпадала с известной позицией Имре Надя до 4 ноября и, как таковая, была выступлением против Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства. Миклош Гимеш взялся редактировать подпольную газету «Двадцать третье октября». Послание и поведение Имре Надя и его группы, естественно, оказали серьезное влияние на принятые нами решения».

Сказанное подтверждает и Роберт Бохо, бывший старший преподаватель университета :

«В дни перед 12 ноября 1956 года бывший член секретариата кружка имени Петефи Балаж Надь сообщил мне, что он получил от Имре Надя и его сообщников, находящихся в югославском посольстве, весть.

13 ноября у меня на квартире собрались Дьердь Адам, Миклош Гимеш, Иштван Пожар, Балаж Надь и Шандор Херпай. На этом совещании нами было принято решение создать «Демократическое движение за независимость Венгрии», которое мы сначала хотели назвать «Союзом венгерских социалистов»... На этом совещании Гимеш заявил, что не согласен с «вторжением» советских войск 4 ноября, считает, что события, имевшие место, были революцией, и заявил, что консолидация возможна только лишь вместе с «демократическими» партиями, и Имре Надь должен получить руководящую роль в политической жизни. Адам и Гимеш вместе взялись за разработку платформы и привлечение людей в интересах обеспечения руководства.

Если бы не прозвучал призыв Имре Надя и мы не получили бы от него весточку через Балажа Надя, то я убежден, что не совершил бы никакого преступления, направленного против народной демократии».

Заговор Миклоша Гимеша, Дьердя Адама и их сообщников сыграл исключительно важную роль в забастовках после 4 ноября. Газета «Двадцать третье октября», в которой можно найти тезисы платформы, разработанной в югославском посольстве, подстрекала к забастовке, к вооруженному сопротивлению. Газета Гимеша и его сообщников призывала к продолжению контрреволюции. Она писала, например, следующее :

«Мы избрали в качестве названия нашей газеты дату начала революции потому, что этим выражается программа национального сопротивления. Для того и была революция, для того и существует национальное сопротивление, чтобы осуществилась эта программа и родилась демократическая, независимая, нейтральная Венгрия» . . .

Известно, что этим лозунгом — демократическая, нейтральная, независимая Венгрия — контрреволюция подчеркивала, что Венгрия должна быть не социалистической, не народно-демократической страной, союзной с народно-демократическими странами, а придатком «свободного Запада», капиталистического мира. Таким образом, этот лозунг, который был принят также и явно фашистскими элементами контрреволюции, был вновь провозглашен газетой Гимеша.

Газета намечала также «программу», согласно которой «руководство страной должно было быть передано вновь в руки Имре Надя».

«Демократическая власть», за создание которой развернула борьбу эта группа, должна была опираться в первую очередь на вооруженные силы контрреволюции, на вооруженные группы, набранные преимущественно из фашистских и преступных элементов.

Газета «Двадцать третье октября» давала следующие инструкции контрреволюционным группам :

«Надо самим находить формы сопротивления. В одном месте лучшей формой является борьба за повышение зарплаты, в другом — борьба за удаление ненавистного директора, начальника отдела или ответственного работника ВСРП».

Эта газета выбросила лозунг : «Во вторник с нуля часов всеобщая забастовка по всей стране. Пусть будет парализована жизнь, пусть остановится сердцебиение страны !»

Эта антигосударственная группа поддерживала связь с так называемым Центральным рабочим советом, контрреволюционных главарей которого она призывала требовать себе «права руководства страной».

Контрреволюционная группа Гимеша, Дьердя Адама была узкой организацией нескольких реакционно настроенных интеллигентов, не имевшая опоры, значительной базы в массах. Опасность ее заключалась в том, что она действовала в такое время, когда в стране бесчинствовали контрреволюционные террористические банды, и на многих предприятиях орудовали фашистские и преступные элементы, вынесенные на поверхность грязной волной контрреволюции. В такой обстановке возможно было разжечь опасную провокацию. С укреплением народно-демократического строя эта организация была полностью изолирована.

* * *

В качестве заключения к этой главе, в интересах полноты информации следует упомянуть, что венгерские органы полиции и юстиции не возбудили судебного дела против многих таких венгерских подданных, которые 4 ноября вместе с Имре Надем и его сообщниками бежали в югославское посольство. Не было предпринято никаких шагов против Дьердя Лукача, жены Ласло Райка, Золтана Санто, Силарда Уйхеи, Золтана Ваши и других, несмотря на то, что среди них имеются и такие, которые своей деятельностью причинили большой ущерб венгерскому народу. Однако компетентные органы приняли во внимание то обстоятельство, что указанные лица не были участниками тайного заговора, и что в своей вредной деятельности они не руководствовались заранее продуманными намерениями, или же, осознав всю тяжесть своего проступка, выступили против Имре Надея и его сообщников.

ВАРВАРСТВО ИМПЕРИАЛИСТОВ, ПРОПОВЕДУЮЩИХ ГУМАНИЗМ

В этой книге неоднократно утверждается, что события, имевшие место в 1956 году во время контрреволюции в Венгрии, могут быть сравнимы лишь с ужасами разнузданного белого террора 1919 года.

В 1919 г., после Великой Октябрьской социалистической революции, венгерский народ был первым народом, который поднялся за дело социализма и создал Советскую республику. Он ценою своей пролитой крови защищал Советскую республику, землю своей родины от нападения империалистических держав и их венгерских лакеев. Империалисты поставили у власти Миклоша Хорти для того, чтобы утопить в крови и беспощадно подавить борьбу за свободу и независимость венгерского народа и восстановить власть помещиков и крупных капиталистов. Палачи Хорти действительно с неопикуемой жестокостью истязали и убивали лучших сынов венгерского народа. Империалисты не поднимали голоса против этого, тогда в них не просыпались гуманные чувства . . .

ПРЕЕМНИКИ ТЕРРОРИСТОВ 1919 ГОДА В 1956 ГОДУ

Если сравнить злодеяния, террористические акты буржуазно-фашистской контрреволюции, подавившей Венгерскую Советскую республику 1919 года, с разгулом, злодеяниями, жестоким террором октябрьской контрреволюции 1956 года, то сразу же бросается в глаза роковое сходство.

Об этом красноречиво свидетельствуют документы 1956 и 1919/20 гг. Стоит восстановить в памяти и сравнить некоторые документы и события этих периодов.

Август 1919 года. Из письма одного очевидца :

«Сообщаю товарищам, если они еще не имеют об этом сведений, что произошло в отдельных местах об-

ласти Шомодь. В августе 1919 года в Балатонфельдваре жандармский начальник Бунци с тремя своими помощниками — жандармами Эрдейи, Надем и неким Чакня — повесили местного жителя, нашего товарища Имре Фехера вместе с женой и 24-летним сыном. Затем в Герешхеде они повесили товарища Имре Либича. Ни тот, ни другой не имели никакой вины, а все это произошло лишь потому, что они были коммунистами. Помимо вышесказанного, господин Бунци в своем районе наказал палками еще человек восемьдесят. Население так боялось жандармов, что если узнавало, что господин Бунци находится в селе, то бежало в виноградники и там в страхе проводило ночь» . . .

Эгер, 24—25—26 октября 1956 года. Под предводительством бывшего майора хортистской армии Эде Хольцера был создан особый отряд под названием «революционная разведывательная и карательная служба». О задачах и деятельности отряда наиболее красноречиво свидетельствует листовка, изданная им самим :

«Венгры! Нынешний этап нашей освободительной борьбы вызвал необходимость в создании революционной разведывательной службы, а параллельно с ней — войск революционной карательной службы. Задача революционной разведывательной службы: разыскивать тех лиц, кто является опорой оккупационных властей (включая и тех, кто срывает наши объявления). Имена, место работы, местожительства данных элементов следует, неоднократно повторяя это, публиковать на стенах домов. Задача революционной карательной службы: убедившись в правильности данных разведки, уничтожать данные элементы имеющимися в нашем распоряжении средствами».

Подобный фашистский орган создали в Геделле бывший майор хортистской армии Тибор Бенке, бывший старший лейтенант хортистской армии Шандор Миклош, бывший военный следователь хортистской военной прокуратуры Будапештского района Даниэль Каса и бывший офицер контрразведки хортистской армии Тибор Одервальд. Они арестовали и подвергли пыткам работника машинно-тракторной станции Йожефа Даллоша . . .

20 сентября 1919 года. Офицерский патруль во главе с лейтенантом Реже Шмидтом и унтер-офицером Нандором

Шмидтом направляется в село Орговань на розыски оружия и боеприпасов, спрятанных коммунистами. Они искали оружие и боеприпасы — а, по донесениям местных кулаков, схватили коммунистов. Так оказались в их руках Лайош Юеги, Янош А. Сабо, Андраш Хайнал, Михай Чако и Янош Хади.

Вот их донесение :

«...Названные лица даже при аресте подчеркивали, что являются убежденными коммунистами».

Тогда лейтенант отдал приказ, и офицерский патруль немедленно расстрелял на краю села всех пятерых коммунистов.

4 ноября 1956 года. Бывшие хортистские полицейские Иштван Мичинаи и Шандор Ланг вошли в дом № 2 по улице Ракоци в Пештэржебете, чтобы забрать коммуниста — рабочего-металлиста Кальмана Турнера. Они кричали в направлении подвала, где находилась семья Турнеров :

«Турнер, выходи! Выходи, участковый уполномоченный! Выходи, товарищ Турнер, сейчас мы создадим коммунистическую партию!»

Они спустились в подвал и расстреляли его. Пуля попала Кальману Турнеру прямо в сердце, он тут же скончался...

9 октября 1919 года. Правительственный комиссар по области Зала посылает министру просвещения и культов Гусару донесение с настоятельной просьбой поторопиться проведение процесса по делу преподавателей, поддерживавших Советскую республику :

«Члены преподавательского состава залаэгерсегской гимназии и высшего коммерческого училища в период пролетарской диктатуры скомпрометировали себя. Я нуждаюсь в полномочиях, чтобы с помощью своих областных органов исполнительной власти начать дисциплинарное дело против преподавателей залаэгерсегской главной гимназии и высшего коммерческого училища, которые симпатизировали коммунистическому режиму или каким-либо иным образом проявили себя в тот период»

2 ноября 1956 года. Область Веспрем, Шюмегский район. В «революционный комитет» вошли бывшие хортистские офицеры, кулаки, нилашисты и бывшие жандармы.

Бывший капитан хортистского генштаба Бела Кохански организовал «национальную гвардию». Районный врач из Капталанфа д-р Йожеф Можари, председатель сельского «революционного комитета», заставил принять в «районном революционном комитете» следующее решение :

«Полиция, ввиду ее ненадежности, должна быть немедленно разоружена, а войска по охране внутреннего порядка должны быть организованы из бывших жандармов и полицейских. Коммунистических руководителей арестовать, поскольку они полностью ненадежны. Коммунистов истребить».

Можари заявил, что областному «революционному комитету» доверять нельзя, так как в нем есть несколько коммунистов. Следует проверить членов комитета, и пока в нем есть коммунисты, «мы не можем принимать во внимание его распоряжения».

4—5 августа 1919 года. Из протокола о зверском кровопролитии, устроенном особым отрядом Пронаи в селе Марцали :

«Еще в первых числах августа, 4-го, 5-го или 6-го главный уездный исправник Вильмош Ленер с помощью своих жандармов, на основании письменных поименных ордеров арестовал всех коммунистических руководителей, да и не коммунистов тоже. Сначала он запер людей, в том числе и меня, в еврейской школе, затем под усиленным конвоем жандармов нас перевели в тюрьму уездного суда ; вместе с коммунистами, схваченными в окрестностях, количество нас возросло почти до двухсот человек.

Во дворе тюрьмы особый отряд Пронаи подверг бесчеловечным пыткам и мучениям арестованных коммунистов и большинство других заключенных. Были такие, у которых при жизни сдирали кожу с головы, других — сжигали, а всех вообще били дубинками и палками с шипами, так что и те, кто после пыток остался в живых, очень долгое время не могли оправиться. Первые пытки производились в присутствии родных.

Все, кто был арестован в Марцали, были замучены до смерти ; троим или четверым удалось бежать. Замученных товарищей закопали на кукурузном поле против графского кирпичного завода, причем только забросали землей, так что собака одной из жертв —

Йожефа Ковача откопала трупы, и поэтому через несколько дней они были найдены. Даже по прошествии многих дней сельские власти не хотели разрешить похороны убитых; потом, после слезных просьб, разрешили, но на похоронах от каждой семьи погибшего могло присутствовать только по одному человеку; ставить кресты на могилах было запрещено.

30 октября 1956 года. Уйпешт, «революционный комитет». Показания Йожефа Собачи, полицейского офицера: —

«Первым на допрос повели меня. В комнате, где я оказался, за столом сидел Коша, слева от него — мужчина лет тридцати, высокий и худой, с маленькой козлиной бородкой на узком бледном лице. Меня посадили на стул. Вокруг находилось пятнадцать человек с автоматами. Находившиеся в комнате автоматчики несколько раз ударили меня по шее и голове. Кто-то из присутствовавших приказал мне снять сапоги, Я сделал это. Затем меня заставили голые ноги поставить на стол. Я подчинился и этому. Тогда мужчина, заставивший меня снять сапоги, начал бить меня по пальцам ног шомполом, стремясь попасть по ногтям и сорвать их. Боль была ужасной, и я зарыдал, но потом, так как попытка продолжалась, мои ноги потеряли чувствительность. Я и сейчас плачу, вспоминая эти мучения. Потом меня заставили надеть сапоги. Распухшие ноги никак не хотели повиноваться, но меня заставляли, и я, перебив боль, выполнил приказ и с большим трудом встал на ноги. Стоявший за моей спиной автоматчик приказал мне повернуться лицом к стене так, чтобы нос касался стены. Он нанес мне сзади такой сильный удар, что у меня изо рта и носа потекла кровь, которую я не мог вытереть. Тогда на пол посреди комнаты была поставлена тарелка и мне приказали наклониться над ней, упереться в нее указательным пальцем и в таком положении ходить вокруг тарелки. Кровь текла на пол и в тарелку. Я попробовал рукавом левой руки стереть кровь с лица, но получил за это сильный удар. Так меня заставляли ходить вокруг тарелки до тех пор, пока я не упал, потеряв сознание. Тогда мужчина с козлиной бородкой плеснул мне в лицо водой, и я пришел в себя. Меня снова заставили кружиться вокруг тарелки, опершись на нее указательным пальцем. Я снова потерял

сознание. Тогда меня вновь облили водой и заставили кружиться вокруг тарелки. Эти жестокие издевательства продолжались с 9 до 11 часов вечера. Затем меня отвели в подвал и заявили, что здесь расстреляют. Но через час снова привели наверх, и все началось снова, меня били за то, что плачу большие партвзносы (50 форинтов ежемесячно). Потом опять увели в подвал. Теперь меня начали истязать и издеваться надо мной те, кто был в охране. Они заставляли меня становиться на пятки, а затем по несколько раз приседать. Несколько раз меня били головой об стену, потом привязали к стене руки. Когда я потерял сознание, опять облили водой.

Когда они ушли, я заметил, что на полу валяется резиновый шланг. Я сделал из шланга петлю, накинул ее себе на шею, а конец его привязал к трубе водопровода. Но когда я сделал попытку повеситься, резиновая трубка оборвалась» . . .

Приход советских войск спас Йожефа Собачи от пули контрреволюционных палачей.

15 ноября 1919 года. Комендант города Кечкемета, старший лейтенант Иван Хейяш издает распоряжение о том, что в ночь с 15 на 16 ноября никто не может до рассвета покидать своих квартир, и если кто-либо будет замечен без значка общества «Пробуждающиеся венгры», того патрули могут смело расстрелять. Хейяш напоил своих людей, и затем они отправились в путь, чтобы «убрать с дороги» коммунистов, числившихся в черных списках. Началась кечкеметская варфоломеевская ночь. Хейяшевцы пришли в тюрьму, вывели заключенных, погрузили их на телеги, заткнули рты и вывезли всех на окраину города. Здесь часть их задушили, часть — повесили, а некоторых с помощью различных приспособлений избивали до тех пор, пока они не скончались. Таким варварским способом люди Ивана Хейяша и Михая Франция-Кишша замучили в эту ночь более пятидесяти коммунистов и людей, симпатизировавших Советской республике.

26—27—28 октября 1956 года. В селе Сентмартонката контрреволюционная банда ворвалась в дом члена производственного кооператива Михая Бене, который в 1945 году был членом комиссии по разделу земли, уволокла его с собой и утопила в колодце. В Кишкунмайше контрреволюционные

бандиты сначала тяжело избили референта сельсовета по торговым делам Йожефа Неменьи, а позже замучили его до смерти и проткнули древком знамени. В селе Какуч контрреволюционеры напали на бывшего председателя сельсовета, парторга кооператива Йожефа Багло и зарезали его ножом. В селе Будьи расстреляли Ласло Лендьела, председателя производственного кооператива «Новая жизнь». И все это — лишь фрагменты, лишь незначительная часть тех злодеяний, тех террористических актов, которые совершила разнузданная контрреволюция в венгерских городах и селах за несколько дней своего разгула.

Жестокий и кровавый белый террор 1956 года был преемником хортистского белого террора. Фашисты в союзе с уголовными преступниками, бывшие исправники, жандармские и армейские хортистские офицеры, нилашисты покушались на свободу венгерского народа и жизнь многих его славных сынов. И хотя в 1956 году они еще чувствовали, что лишь приступили к осуществлению задуманного, все же сторонники свергнутого хортистского режима не могли сдержаться и самым открытым белым террором попробовали «подржать» 1919 году. К сожалению, в эти 13 дней им это удалось...

КРОВЬ, НАСИЛИЕ, ВИСЕЛИЦЫ, ИСТРЕБЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Различные империалистические круги во имя «права, справедливости и человечности» разразились крикливыми выпадами в адрес Венгерской Народной Республики за то, что она уничтожила контрреволюцию и законным путем привлекла контрреволюционеров к ответственности. Дамасская газета «Ас Сарха» писала об этом:

«Назнь Имре Надя и его трех сообщников является для империалистов предлогом для того, чтобы поднять шум вокруг этого вопроса...

Соединенные Штаты причисляют Имре Надя и его сообщников к «мученикам»; в то же время те десятки и сотни тысяч людей, которых империалисты убивают в настоящее время в Алжире, Адене, Ливане, Индонезии и в других местах — лишь «бродяги и мятежники». На юге Соединенных Штатов негров подвергают линчеванию, Соединенные Штаты подвергают страшной экс-

плуатации миллионы трудящихся земного шара, однако, по мнению американских империалистов, это не имеет никакого значения и не заслуживает внимания.

... Империалисты Соединенных Штатов и их защитники не имеют никакого права разглагольствовать по поводу осуждения Имре Надя, того самого Имре Надя, который был причиной гибели многих сотен людей во время мятежа в Венгрии, организованного империалистами и ставящего целью восстановление фашистского режима».

Приводимые ниже данные и выдержки из выходящих на Западе книг и журналов показывают, как «законно», «справедливо» и «человечно» поступают они в тех районах, которые считают своей «охотничьей территорией».

Кипр

По свидетельству сборника документов «Нарушение прав человека на Кипре», изданного в октябре 1957 года этнархатом Кипра, британские органы безопасности массами подвергали кипрских граждан самым зверским пыткам.

Жертва такого «гуманистического обращения» Костас Стилиану рассказал о своих страданиях следующее :

«20 октября 1956 года, в десять часов утра меня арестовали в магазине, где я работал. Отобрав у меня удостоверение личности, меня отвели домой и сделали тщательный обыск. Затем меня отвезли в особую секцию полиции Никозии.

Там в небольшой камере меня посетил один англичанин. Ни слова не сказав, он схватил меня за волосы, а другой рукой начал бить по голове, груди, желудку и половым органам. Затем меня заставили вести моих мучителей к тому дому, где я когда-то жил. Там они тоже сделали обыск, но безрезультатно.

Затем меня передали пресловутому Севериму, который вместе со своими двумя телохранителями отвез меня на такси в Платре.

После допроса меня отвели в другую камеру, в которой стояли стул и постель без матрацев. Здесь меня держали девять дней, не давая уснуть. Каждые две-три минуты в дверь стучали, и я должен был отвечать : «Иес, сэр !» Уснуть нельзя было ни на минуту.

4 ноября 1956 года вернулся Северим вместе с турком, по имени Талат, и двумя другими людьми, которых я не знаю. С меня сняли штаны и белье и заставили сесть на край кровати. Северим похвалился, что их как раз достаточно для того, чтобы не утомиться от «работы» со мною, и они немедленно приступили к пыткам. Чаще всего они били меня по половым органам. Когда боли стали невыносимыми, я закричал. Тогда они жестоко избili меня всего.

Ушли. Через два часа вернулись и продолжали допрос. В одиннадцать часов вечера отвели меня в глухое место в лесу, на мне был только один плащ. Они вновь повалили меня и стали давить на мои половые органы, угрожая сделать меня импотентом.

После часа страшных мучений мне связали руки и ноги, между ногами положили мину и сказали, что пришло время мне умереть; если я не скажу всего, что знаю об ЭОКА, они меня убьют. Когда я ответил, что «ничего не знаю», они подожгли запал мины и вновь потребовали от меня сказать все, что я знаю. Когда в конце концов мина не взорвалась, они назвали меня счастливецem, и мы возвратились в Платре.

Там на четверть часа меня поставили под ледяной душ, пока я не потерял сознания. Тогда меня отнесли обратно в камеру. Но все еще не давали покоя, постоянно стучали в дверь, чтобы я не уснул.

В полночь следующего дня на прощание меня еще раз на двадцать минут поставили под холодный душ. Тем самым кончились мои пытки, и на следующий день меня отвезли в пиласский концентрационный лагерь».

Мария Ломбру из Кириinei рассказала о своих мучениях :

«14 октября 1956 года я рассказала начальнику полиции Оморфита о том, что со мной произошло. Около 8 часов вечера снова пришел ко мне судебный следователь. Он избил меня в присутствии лица, которому я как раз жаловалась. Он сказал, что ребенка убьет во мне, а меня изрежет на куски.

Во время избивения я почувствовала, что по всему телу прошел холод. Судебный следователь пришел снова в полночь. Он пытался меня запугать. Я больная лежала на своей койке. В час ночи ко мне зашел поли-

цейский № 1413. Я попросила его позвать доктора, так как чувствовала, что у меня будет выкидыш. Но врач не пришел, и таким образом в понедельник около 9 часов утра я потеряла своего ребенка».

Только в 1957 году более тысячи кипрских патриотов было в английских концентрационных лагерях. 27 несовершеннолетних были приговорены к смерти.

Несколько сообщений прессы :

Никозия, 10 мая 1956 г. :

Согласно сообщению лондонского радио и агентства АФП, в никозийской тюрьме в четверг на рассвете были повешены молодые киприоты Караолис и Деметриу.

Лондон, 13 июня 1956 года :

Как сообщает агентство Рейтер из Никозии, 12 июня был приговорен к смертной казни 23-летний киприот Стелиос Мавроматис.

Никозия, 19 июля 1956 г. :

В Никозии были приговорены к смертной казни два молодых кипрских грека за то, что они в мае стреляли по английскому летчику. Третий грек приговорен к пожизненному заключению.

Никозия, 17 июня 1956 г. :

Чрезвычайный трибунал Никозии в понедельник приговорил к смертной казни 18-летнего грека Кризостомоса Панаи.

Никозия, 8 августа 1956 года :

Согласно сообщению агентства АП, в Никозии в среду были повешены молодые кипрские греки Андреас Закас, Карилаос Михаел и Яковос Пататос.

Никозия, 24 августа 1956 года :

Кассационный суд Кипра в четверг оставил в силе смертный приговор 23-летнему Никосу Ксенофонтосу.

Никозия, 21 сентября 1956 года :

Агентство Рейтер сообщает, что в час ночи по местному времени в никозийской тюрьме были казнены три молодых киприота.

Никозия, 8 октября 1956 года :

Агентство АП сообщает, что никозийский чрезвычайный трибунал признал виновным и приговорил к смертной казни через повешение 22-летнего киприота Микоса Тсартеллиса.

Никозия, 25 февраля 1957 года :

В понедельник утром в Никозии был осужден на смертную казнь 19-летний кипрский грек Эбаторас Паликаридес — сообщается агентством АФП.

Лондон, 19 марта 1957 года :

Вашингтонский корреспондент газеты «Таймс» сообщает :

«...Сенатор республиканец от штата Пенсильвания Джеймс Фултон заявил : «Коммунистические суды в Венгрии намного более справедливо и умеренно обращаются с теми, кто восстал против них, чем это делают английские суды на острове Кипр». Сенатор сказал, что он позвонил маршалу сэру Джону Хардингу, английскому наместнику на острове Кипр, и просил отменить казнь молодого грека-киприота, который был осужден только за то, что у него было найдено оружие без боеприпасов. «Палач-наместник» ответил ему, что нет места жалости и проявлению чувствительности».

Никозия, 5 апреля 1957 года :

Никозийский суд на основании закона о чрезвычайном положении в пятницу приговорил к смертной казни пять молодых кипрских греков и среди них двух учеников средней школы. Самому молодому приговоренному — 17 лет. Самому старшему — 21 год.

Никозия, 6 июня 1957 года :

Согласно сообщению агентства Рейтер, в Никозии в четверг 22-летний киприот Михаэл Росидес был признан виновным в убийстве английского солдата и приговорен к смертной казни. Вместе с ним на острове Кипр с момента введения чрезвычайного положения было приговорено к смертной казни 25 греков.

Никозия, 21 июня 1957 года :

Согласно сообщению агентства АФП, молодой кипрский греческий журналист Никос Самсом, приговоренный кипр-

ским верховным судом к смертной казни, обратился к британскому королевскому тайному совету с просьбой о помиловании.

Никозия, 30 августа 1957 года :

Согласно сообщению АФП, в пятницу были приговорены к смертной казни один 25-летний и один 19-летний киприоты.

Никозия, 15 сентября 1957 года :

(Рейтер) Согласно официальному коммюнике, в субботу на острове Кипр был арестован архимандрит Фотиос Константинидес, руководитель церковного суда кипрского епископата и архимандрит Максимос Курсумбас из ларнакского епископата. Согласно официальному коммюнике, они принимали участие в деятельности ЭОКА и тем самым «угрожали общественной безопасности».

Йемен

Все это — не террористические акты отдельных людей, а закономерное следствие империалистической политики. Это становится ясным по прочтении нижеследующего заявления йеменской миссии в Лондоне, которое было опубликовано 30 августа 1957 года в газете «Таймс» :

«25 августа (1957 года) в 10 часов утра по йеменскому времени британские военно-воздушные силы совершили первое, единственное в своем роде, беспощадное нападение в районе Шукаир, в Йемене. Самолеты сбрасывали такого рода бомбы, которые до сих пор не применялись во время британских нападений. Помимо большой разрушающей силы, действие этих бомб проявлялось и в том, что находившаяся в них жидкость сжигала то место, куда они падали, а затем превращалась в дым. Человека, вдохнувшего его, рвет кровью, потом наступает смерть. Эти бомбы разрушили и сожгли все сторожевые посты в этом районе, многие же из бойцов оборонительных войск пали их жертвой. Эта ужасная агрессия все еще продолжается».

Ясно. Эти бомбы означали, что правительство Великобритании приступило к ведению химической войны, запрещенной целым рядом международных конвенций.

Оман

Князь Шалех Бен Иса эль Ариси, брат оманского имама, официальный представитель Омана в Каире, 22 октября 1957 года сделал следующее заявление :

«Английский террор в Омане превосходит всякие представления. Много патриотов погибло уже в мускатской тюрьме. Многие же находятся на грани смерти ввиду ужасных пыток. Англичане вспрыскивают им инъекции. Тысячи и тысячи оманцев пали жертвами английской бактериологической войны. Согласно самым последним сообщениям, количество раненых составляет несколько тысяч. Большая часть их также осуждена на смерть, поскольку англичане не позволили Международному Красному Кресту послать на место событий докторов и медикаменты».

Кения

Лондон, 25 мая 1956 года.

Эйлин Флетчер пишет в газете «Трибюн» :

«Недавно я возвратилась из Кении... Я видела африканских детей в английских тюрьмах, они были осуждены на пожизненное заключение за то, что «имели связи с вооруженными лицами» или же «незаконно хранили боеприпасы». В одной женской тюрьме я видела 21 малолетнюю заключенную и среди них были девочки по 11—12 лет. Они были осуждены английскими судьями за участие в союзе туземцев Мау-Мау... Однажды их бросили на 16 дней в карцер за то, что они в своих спальнях ночью пели».

Французская Экваториальная Африка

В буржуазном еженедельнике «Обсерватер» появилась статья представителя Убанги-Шари (Французская Экваториальная Африка) Б. Боганда, под заголовком «Жизнь народа на земле его предков не находится в безопасности». Несколько отрывков из этой статьи :

«В Убанги-Шари существует положение, которое первоначально называлось «трудоустройство туземцев». Это, как в былые времена так и теперь, означает рабство.

Есть люди, которые утверждают, что один из законов ликвидировал эту систему. Пусть эти люди съездят в Мобей, Кем, Уанго, Буар, Гобуа, Бриа и там они смогут убедиться в действительном положении вещей. В эти места, т. е. во все деревни Убанги-Шари, посылаются милиционеры, чтобы заставить население производить хлопок. В результате этого, милиционеры получают возможность организовывать облавы, насиловать женщин, взимать штрафы, мучить людей и устраивать резню. И все это происходит с ведома и при поддержке колониальных властей...

Вот типичный пример :

В Мобейе женщина, по имени Дабайаши, являющаяся матерью пятимесячного ребенка, разводит хлопок на земельном наделе в 80 квадратных метров. Эта площадь определена для нее. Агент хлопковой компании пытался заставить ее ходить на работу и на другие поля. Дабайаши не пожелала подчиниться этому и заявила, что она должна кормить своего младенца. У нее отобрали ребенка, ее от имени Франции бросили в тюрьму. По прошествии восьми дней на нее наложили штраф в 500 франков. Поскольку у нее не было пятисот франков, начальник района передал ее одному милиционеру, который на рынке продавал несчастную женщину как товар...

За то, что я это рассказал, я был арестован вместе с моей женой и шестилетней дочерью. Я был привлечен к суду и осужден. Меня заставили замолчать»...

Алжир

Письмо одного французского солдата, помещенное в книге видного католического писателя Пьера Анри Симона «Против пыток» :

«3 декабря днем жандармы пригласили нескольких солдат присутствовать при пытках двух арабов, арестованных предыдущей ночью. Первая пытка состояла в том, что обоих мужчин, раздев догола, повесили за ноги, руки им связали за спиной, а головы обмакивали в кадку с водой, чтобы заставить их говорить. Вторая пытка была следующей : их подвесили, руки сзади привязали к ногам, затем под ними поставили козлы

для пилки дров и начали раскачивать их так, чтобы половые органы ударялись об острую поперечную доску козел».

Так обращались не только с мусульманским населением. Жандармерия арестовала французскую учительницу Леон Мезюра за то, что она дружила с арабским населением. В еженедельнике «Экспресс» от 27 сентября 1957 года она так описала историю своих мучений:

«Они набросились на меня. Связали руки. К большому пальцу левой руки присоединили электрический провод. Посадили меня на землю, под ноги положили железную балку и к ней привязали обе мои руки. В такой позе я не могла даже пошевелиться. Балку по обе стороны держало по солдату, а третий коленями стал мне на спину. Это были французские солдаты. Лейтенант, который меня допрашивал, — парижанин. Сначала они лишь с небольшими промежутками пропускали через меня ток. Один из проводов был подключен к большому пальцу моей левой руки, второй — к левому уху. От этого, второго провода я чувствовала в голове страшные удары. Шрам у меня сохранился и поныне. Увидев, что я ни в чем не признаюсь, мои мучители стали пропускать через меня ток уже беспрерывно. Никому я не пожелаю пережить это. Ток был включен до тех пор, пока я не задохнулась. В таких случаях лицо человека распухает до чудовищных размеров и нервно подергивается, тело парализуется. Я хотела говорить, но у меня было ощущение, как будто я прикусила язык. Чувствуешь, будто голова отделяется от туловища и, присоединенная к столбу, вращается с невероятной быстротой.

Все это продолжалось в течение почти трех часов. Я была совершенно разбита. Я слышала, что говорят: «Что с твоей бандой? Назови хоть одно имя! Кому ты отдала документы? Назови хоть одно парижское имя!»

Говорить я уже не могла... Ток продолжал идти через меня. Кажется, три или четыре раза я теряла сознание. В этих случаях меня поднимали, ставили на ноги. Потом изо рта у меня потекло что-то странное — не жидкость, а нечто зернистое, как песок. Рот мой был наполнен этим и когда это нечто потекло мне на платье, я увидела, что оно красного цвета.

Я уже не говорю о том, какую площадную брань пришлось мне выслушать... Вдруг они прекратили пытку. В последний час я уже ничего не слышала, находилась почти без сознания.

Потом у меня на глазах мучили старика. Его раздели догола и начали розгами бить по икрам. Допрос велся на арабском языке. Это был старый мусульманин».

Приведем несколько строк из коммюнике Алжирского фронта национального освобождения о массовой резне в Меллузе (коммюнике было опубликовано в Каире 21 июня 1957 года):

«Что касается фактов, то в ночь с 28 на 29 мая было безжалостно убито 500 алжирцев. Жертвы были тщательно отобраны — забрали всех мужчин села, способных носить оружие. Женщин увезли, чтобы они ни с кем не могли общаться и не могли рассказать, чему были свидетелями. Эти кровавые события произошли в селах Сатиф, Борг, Бурейрег».

Приводим отрывки из записок выдающегося французского журналиста Анри Аллег.

Анри Аллег был до 1955 года директором «Алжер Републикен». 12 июня 1957 года его арестовали солдаты десятой парашютной дивизии и в течение целого месяца допрашивали в населенном пункте Эль-Биар, расположенном близ Алжира. Аллег рассказал о событиях этого месяца.

«Я видел заключенных, которых ударами дубинок спускали с лестницы и которые настолько оступели от побоев и пыток, что были способны только бормотать первые слова древней арабской молитвы.

В Луди я встретил своего друга де Милли, бывшего служащего блидской больницы для нервных больных. Его тоже пытали парашютисты, но при помощи современной техники: голого привязывали к металлическому стулу, через который проводили ток; на его ноге и сегодня видны глубокие следы ожогов. В коридоре я узнал среди «прибывающих» Магомеда Сефта, члена алжирского махакма (магометанского суда). «Сорок три дня у парашютистов! Извини меня, мне трудно говорить: мне обожгли язык». — И он показал покрытый ранами язык. Я видел и других: я ехал вместе с молодым торговцем Буалем Бахмедом на тюремной

машине, везшей нас в военный суд. Он показал шрамы, тянувшиеся по его ноге: «Это сделали парашютисты. Ножом. Я прятал одного члена Алжирского фронта национального освобождения».

По другую сторону стены во флигеле для женщин были заключены молодые девушки, о которых никто не говорил: Джамила Бухиред, Элиетт Лу, Нассима Хабалл, Мелика Кеде, Люси Коскас, Колеетт Грегуар и многие другие. Садисты-мучители раздевали, избивали, оскорбляли их и также пытали их водой и электрическим током. Здесь все знают мученичество Анник Кастел: один парашютист изнасиловал ее, и она кончила жизнь самоубийством, почувствовав, что забеременела».

Анри Аллег записал о пытках, которым его подвергли, следующее:

«Раздевайтесь» — сказал Л., и так как я не послушался, добавил: «Если вы не хотите, мы вас разденем силой».

Л. положил на пол черную доску... Доска была влажной, грязной, с липкими следами рвоты, которые вероятно оставили прежние «клиенты».

«Давай, ложись!» Я распластался на доске. Л. при помощи другого солдата прикрепил мои запястья и ступни ремнями к доске.

«Начинайте» — сказал Ш.

Один из парашютистов сел мне на грудь. Другой же (по его произношению я догадался, что он родом из Орана) сел с левой стороны, третий — у ног, вокруг меня сидели офицеры, и в комнате толпились еще многие, не имеющие определенных задач, но, безусловно, интересующиеся зрелищем.

Л. продолжал улыбаться и сначала помахал перед моими глазами зажимами, прикрепленными к концам электродов. Маленькие, продолговатые стальные зажимы блестели. Монтеры называли такие зажимы «крокодиловыми». Один прикрепил их к мочке правого уха, другой — к пальцу правой руки.

Внезапно я дернул за ремни и взвыл во весь голос: Ш. пропустил первую дозу электрического тока через мое тело. Около моего уха проскочила большая искра, и я чувствовал, что сердце судорожно сжимается. Я с криком метался и напрягал тело как струна, в то время

как Ш., держа динамо в руке, непрерывно пропускал через меня ток. В это время он в такт ударов тока повторял единственный вопрос: «Где тебя прятали?»

...Вдруг я почувствовал, как будто дикий зверь срывает с меня мясо... И., который все еще сидел на мне, скаля зубы, прикрепил зажим к моему половому члену. Удары тока так меня трясли, что один из ремней, державших мою ступню, развязался. Сделали маленький перерыв, пока снова закрепили ремень, и после этого продолжали пытку.

Лейтенант вскоре сменил И. Из зажима он вынул кусочек провода и протаскивал его по моей груди. Все усилившиеся удары потрясали все мое тело; пытка продолжалась. Меня полили водой, чтобы усилить силу разрядов, так что я между двумя «дозами» вдобавок дрожал от холода. Ш. и его друзья, сидевшие вокруг меня на набитых вещевых мешках, одну за другой опоражничали пивные бутылки. Я кусал кляп, чтобы бороться с судорогой, охватившей все мое тело. Напрасно.

И. вдруг рывком дернул меня вверх. Он был вне себя. Безуспешность допроса полностью вывела его из равновесия. «Слушай, ты дрянь! Тебе уже конец! Будешь говорить! Понял? Ты будешь говорить!» Он приблизил свое лицо к моему, почти касаясь его, и так орал: «Ты будешь говорить! Здесь все должны заговорить! Мы проделали войну в Индокитае и имели случай познакомиться с вами. Это здесь гестапо! Ты знаешь гестапо?» И далее продолжал издевательским тоном: «Правда, ты писал статьи о пытках, ты дрянь? Ну, хорошо! Теперь десятая парашютная дивизия на тебе попробует все это!» За спиной я слышал смех моих мучителей. И. продолжал бить меня по лицу, потом ударил коленом в живот. «То, что мы здесь делаем, мы будем делать и во Франции. Твоего Дюкло и твоего Миттерана мы тоже возьмем в оборот, как тебя, и уничтожим твою республику! Ты заговоришь, я тебе говорю». На столе валялась толстая картонка, И. поднял ее и ею бил меня по лицу. Каждый удар меня все больше оглушал, но в то же время укреплял мое решение: не отступлю перед этими бандитами, которые гордятся тем, что они ученики гестапо.

Меня вытолкали в кухню, положили на плиту. Л. обернул мои ступни мокрой тряпкой и крепко обмотал

веревкой. После этого общими усилиями они повесили меня головой вниз над раковиной. Я касался земли только кончиками пальцев. В течение некоторого времени они развлекались тем, что толкали меня туда-сюда, как мешок с песком. После этого Л. перед моими глазами медленно зажег скрученный из бумаги факел. Он поднялся, и через секунду я почувствовал пламя на моем половом члене и ногах, волосинки загорались, потрескивая. Движением бедер я дернулся и толкнул Л. Он снова и снова обжигал меня, затем начал жечь один из сосков.

Я уже не реагировал должным образом на пытки, и офицеры понемногу расходились. Около меня остались только Л. и один его товарищ. Время от времени они били меня или топтали ногами мои пальцы, как бы напоминая мне о своем присутствии.

В комнату сначала вошел И., пнул меня ногой и сказал: «Встань!» Я не двинулся с места. Он меня рывком поднял и прислонил в один из углов. Секундой позже я снова дергался от ударов тока. «Воткнем ему в пасть» — сказал И. Он приказал: «Открой рот!» Он заставил меня подчиниться тем, что зажал нос, и когда я открыл рот, чтобы вздохнуть, силой втолкнул оголенный провод мне в горло, в то же время Ш. вращал динамо. Я чувствовал усиление тока, и мое горло, челюсть, все лицевые мускулы и даже брови дергались все более болезненной судорогой.

Теперь провод держал Ш. «Можешь отпустить» — сказал И., — «он теперь сам держится». И правда, ток как будто приварил мою челюсть к электроду, и как я ни старался, я не мог шире раскрыть рот. Под моими дергающимися веками я видел пылающий огонь, ослепительные геометрические фигуры, я чувствовал, как от разрядов электрического тока мои глаза вылезают из орбит. Я чувствовал, что сильнее этого меня уже не смогут пытать. Тогда я услышал, что И. сказал вращающему ручку динамо: «Действуй ловко, сначала уменьшишь, а потом опять усилишь...» Я так хотел спастись от этих гор боли, что изо всех сил бился головой об пол и каждый удар как будто смягчал мою муку. И. кричал, нагнувшись к моему уху: «Не пытайся кончить с собой, это тебе все равно не удастся».

Наконец пытку прекратили. Позже я увидел, что все трое стоят передо мной. «Ну, что?» — спросил Ш., я ни слова не сказал.

«Черт побери . . .» — выругался И. и ударил меня изо всей силы по лицу.

«Слушай, — сказал Ш. более спокойным голосом, — ну к чему тебе все это? Если ты ничего не хочешь сказать, мы возьмем в оборот твою жену. Ты думаешь, во Франции твои щенята находятся в безопасности? Мы их привезем сюда, когда захотим».

«Поскольку дата инкриминированного случая не была сообщена» . . .

О непосредственной ответственности французского правительства свидетельствует следующая выдержка из французского официального вестника :

Депутат Балланже. Соответствует ли действительности, что под предлогом репрессий в Тибане восемь человек были арестованы и казнены в гипсовых рудниках Сиди-Эс. Соответствует ли действительности, что трупы казненных в течение пяти дней валялись вдоль шоссе Алжир-Бужи?

Министр Лакост. Поскольку дата инкриминированного случая не была сообщена, убедиться в действительности его не было возможности.

Депутат Балланже. Соответствует ли действительности, что в Икеджане под предлогом репрессий 28 феллахов были схвачены в своих домах и казнены?

Министр Лакост. Поскольку дата инкриминированного случая не была сообщена, убедиться в действительности его не было возможности.

Депутат Балланже. Соответствует ли действительности, что в Седуке — 14, в Эк-Ильзеуре — 20, в Тудже — 24 человека под предлогом репрессий были схвачены и казнены?

Министр Лакост. Поскольку даты инкриминированных случаев сообщены не были, убедиться в действительности их не было возможности.

Депутат Балланже. Соответствует ли действительности, что под предлогом репрессий недавно в Адекаре

45 человек были расстреляны и трупы их в течение нескольких дней были выставлены для общественного обозрения?

Министр Лакост. Поскольку дата инкриминированного случая не была сообщена, убедиться в действительности его не было возможности.

Депутат Сермолас. Согласно письму одного очевидца от 9 сентября 1957 года, сорок два подозреваемых — людей различного возраста — содержались в Бу-Сааде в палатках, обнесенных колючей проволокой. Соответствует ли действительности, что их морили голодом, а затем намеренно давали пересоленную пищу, но не давали воды? Соответствует ли действительности, что из числа солдат войсковых частей, находящихся в селе, ежедневно вербовали добровольцев, которые брались за то, чтобы бить пленников и пытатель их электрическим током?

Министр Лакост. Поскольку точная дата инкриминированного случая не была сообщена, убедиться в действительности его не было возможности.

Депутат Рикю. Известно ли господину министру по делам Алжира, что недавно одного алжирца европейского происхождения и одного алжирца еврейского происхождения пытали электрическим током, у одного обвиняемого мусульманина сорвали ногти, а двое других подозреваемых, измученные пытками, в отчаянии попытались покончить с собой?

Министр Лакост. Поскольку место инкриминированных случаев не было сообщено, убедиться в действительности его не было возможности».

Еще несколько примеров длинного списка террористических преступлений в Алжире :

Париж, 13 февраля 1957 года :

Руководитель Алжирского фронта освобождения в департаменте Оран Беналах Хадж был приговорен к смертной казни Оранским военным трибуналом.

Алжир, 21 июня 1957 года :

Как сообщает агентство Рейтер, в Алжире было казнено 4 алжирца.

Алжир, 11 июля 1957 года :

(АФП) В ходе «очистительных» операций в Алжире за последние 48 часов французские войска убили 49 алжирских повстанцев . . . Алжирский военный трибунал в среду вечером приговорил к смертной казни за заговорщицкую деятельность и попытку убийства шестерых мусульман.

Париж, 19 августа 1957 года :

Гельмайский военный трибунал приговорил к смертной казни трех алжирцев.

Алжир, 1 октября 1957 года :

Алжирский постоянный военный трибунал вынес 8 смертных приговоров по делам мусульманских обвиняемых.

Париж, 10 октября 1957 года :

Во дворе алжирской тюрьмы Барбаросса в среду утром вновь работала гильотина. Было казнено три алжирских смертника. Алжирский военный трибунал во вторник вынес четыре решения о смертной казни арабов.

Париж, 22 октября 1957 года :

Алжирский военный трибунал в субботу приговорил к смертной казни арабского студента Талеба Абдерахмана.

Париж, 13 ноября 1957 года :

Во дворе алжирской гражданской тюрьмы во вторник на рассвете были казнены три араба по обвинению в убийствах и поджогах.

Париж, 14 ноября 1957 года :

В Алжире в среду было казнено два араба.

Париж, 23 апреля 1958 года :

В Алжире военными трибуналами вновь было вынесено несколько смертных приговоров. В действие вступила гильотина. Алжирский военный трибунал в среду приговорил к смертной казни 23-летнего алжирца Эль Хосина . . . Константинопольский военный трибунал осудил на пожизненные каторжные работы Суитаха Али . . . Во дворе гражданской тюрьмы Алжира на рассвете в среду были приведены в исполнение два смертных приговора . . . В Константине был приведен в исполнение приговор к смертной казни, вынесен-

ный по делу 26-летнего стрелка Шайба эль Хади, служившего во французском пехотном батальоне . . .

Константин, 11 мая 1958 года :

Военный трибунал Константина в пятницу вынес шесть смертных приговоров.

*

Вот что представляет собой «гуманизм» капиталистов : они мучают, убивают патриотов во всех находящихся под их властью частях света. И после этого они еще обращаются к «совести мира» !

ВЕНГЕРСКИЙ НАРОД ЗА СОЦИАЛИЗМ

Внешние и внутренние контрреволюционные силы всеми путями хотели заставить мир поверить, что венгерский трудовой народ поддерживает их и противостоит народно-демократическому строю. В дни яростного белого террора на улицах столицы и других городов сторонники народной демократии не могли поднять свой голос: на поверхности были реакционные и контрреволюционные элементы.

Но, когда 4 ноября началось контрнаступление социалистических сил, выяснилось, сколь слаба база контрреволюции в рядах трудящихся. Вооруженные группы контрреволюции были изолированы и быстро распались.

Руководители контрреволюции в стране и за ее пределами попытались средствами террора и обмана повести массы на новые действия против народно-демократического строя, волной забастовок хотели они сбросить страну в пропасть, вызвать голод и лишения. Хотя они и причинили значительный ущерб, их планы провалились, они не смогли воспрепятствовать тому, чтобы кровообращение страны было нормализовано. Не осуществились предсказания, согласно которым в Венгрии должен был начаться период тяжелой безработицы, инфляции и голода. Наоборот, спустя несколько месяцев после контрреволюции даже западные капиталистические газеты писали о «венгерском чуде», признавая, что неожиданно для них и за рекордно короткий срок условия в Венгрии нормализовались и страна вступила на путь здорового развития.

Большую роль в быстрой консолидации сыграла та помощь, которую венгерский народ получил от Советского Союза и народно-демократических стран. Но одна только эта помощь не могла бы нормализовать жизнь, укрепить страну. Главным фактором упрочения народно-демократического строя была поддержка подавляющего большинства населения, поддержка трудового народа.

В дни контрреволюционного вооруженного нападения социалистически настроенные венгерские народные массы были дезорганизованы. Двуличная и вероломная политика, которую вели Имре Надь и его группа, затрудняла их ориентацию в обстановке. Многие ждали, что премьер-министр — «коммунист» выступит против контрреволюционеров. Мешала разобраться в положении и безудержная националистическая пропаганда. Несмотря на это, буквально со всех предприятий, из всех районов города торопили руководство ВПТ и правительство, требуя создания вооруженных рабочих отрядов для борьбы против контрреволюции. Но распад сил ВПТ, внутреннее предательство воспрепятствовали мобилизации сил народной демократии, хотя эти силы были во много раз более мощными, чем силы контрреволюции.

4 ноября в радиоречи председателя Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Яноша Кадара прозвучал призыв, которого венгерские рабочие, венгерские трудящиеся ждали с 23 октября. Из кадровых рабочих, из старых организованных трудящихся были созданы первые отряды новых внутренних вооруженных сил и первые организации Венгерской социалистической рабочей партии. Сознательность венгерского рабочего класса, стойкость трудового крестьянства, поддержка лучшей части венгерской интеллигенции и были той прочной основой, на которую правительство народной республики могло опираться при решении важной задачи консолидации.

Так венгерский народ дал достойный ответ на вопрос внутренней и внешней реакции о том, каково массовое влияние правительства, с доверием ли относится страна к руководящему ею правительству.

Другим важным фактором быстрой консолидации было обстоятельство, что цели и бесчеловечность контрреволюции, ее связи с иностранной реакцией были постепенно разоблачены, а благодаря разъяснительной работе, проводившейся на основе фактов, даже те, кого в свое время обманул, сбил с толку лживый враждебный идейный поход, поняли, какая опасность угрожала венгерскому народу осенью 1956 года. Разоблачение контрреволюции, правильная политика правительства приблизили к идее социализма даже таких людей, которые прежде были равнодушны и пассивны. На этой основе укрепилось единство венгерского народа, благодаря чему Венгерская Народная Республика, венгерская народная власть ныне сильнее, чем когда-либо.

Усиленная забота о благосостоянии народа помогла даже и политически отсталым слоям трудящихся понять, что народно-демократический строй — это строй трудового народа, Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство — это правительство народа.

Несколько месяцев спустя после разгрома контрреволюции правительство выступило в Государственном Собрании, избранном 6 370 519 избирателями, чтобы отчитаться в своей деятельности и своих планах. Государственное Собрание единодушно выразило правительству свое доверие и утвердило его работу. К новой жизни пробудились массовые организации, играющие важную роль в народном государстве, прежде всего местные органы государственной власти — советы, а также Отечественный Народный фронт — массовое движение, охватывающее патриотические и демократические силы.

Стремление врага бойкотировать законное правительство Венгерской Народной Республики и тем самым нашу Родину сорвалось и в международном масштабе. Венгерская Народная Республика поддерживает дипломатические отношения с 40 странами. В 1957 году в нашей стране побывали политические и общественные деятели из четырех частей света, в том числе главы государств, премьер-министры, парламентские депутаты многих стран, от Японии до Бразилии. Венгрия имеет торговые соглашения с 58 странами, но ведет торговлю еще в рядом стран, помимо этого. Всего Венгрия имеет торговые связи более, чем со 100 странами. Мы принимали у себя в стране множество культурных делегаций, а представители Венгерской Народной Республики участвовали буквально во всех важных международных мероприятиях в области культуры, науки и спорта.

О растущем интересе к политике Венгерской социалистической рабочей партии и Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства, о поддержании этой политики свидетельствуют те политические массовые демонстрации, в ходе которых руководители партии и правительства, а также гостившие в стране ведущие государственные деятели дружественных стран обращались к венгерскому народу. Уже 4 апреля 1957 года огромные массы народа вышли на демонстрацию, чтобы присягнуть в своей верности народной власти и делу социализма. Первомайская демонстрация, на которой присутствовало четверть миллиона будапештских трудящихся, показала, какими несбыточными были

надежды контрреволюции отторгнуть венгерский трудовой народ от народно-демократического строя.

20 августа 1957 года по всей стране прошли многолюдные собрания и митинги, на которых трудящиеся праздновали День Конституции народной республики. Но всего грандиознее был митинг 4 апреля 1958 года в Будапеште, на котором полмиллиона человек славили годовщину освобождения страны и приветствовали Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, приехавшего по этому случаю в нашу страну. По всей стране, в больших городах и маленьких деревушках, венгерский народ встречал Советскую партийно-правительственную делегацию с большой любовью, как посланцев лучшего своего друга, советского народа.

Не только число участников и энтузиазм митингов свидетельствуют о политическом развитии народа. С большим вниманием трудящиеся относятся к отчетам депутатов Государственного Собрания и советов, население вносит много предложений по общегосударственным и местным делам. При большой активности участвующих прошли собрания и митинги, предшествовавшие Стокгольмскому всемирному конгрессу за разоружение и международное сотрудничество. Такие собрания состоялись повсюду, от столицы до отдаленных хуторов, от научных институтов до жилых домов.

Венгерский народ хочет одного — мирно работать в своей независимой и свободной стране ради блага своего и блага всей Венгерской Народной Республики. Наш народ верит в своих друзей, в миролюбивые народы мира, верит в свое правительство и свои силы, верит в социалистическое будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. АНТИГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАГОВОР, ИЗМЕНА РОДИНЕ, МЯТЕЖ	9
<i>Выдержка из обвинительного акта</i>	10
<i>Приговор по делу Имре Надя и его сообщников</i> Сообщение Министерства юстиции	12
II. ЗАГОВОР С ЦЕЛЬЮ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЗАХВАТА ВЛАСТИ	22
<i>Имре Надь письменно излагает свои антигосударственные планы и организует нелегальную группу</i>	22
<i>Подрывная работа против народно-демократического строя под легальным прикрытием</i>	26
Группа Имре Надя направляет кружок Петефи — публичный форум вражеской агитации	27
Попытки подстрекательства рабочих	34
Проводники контрреволюционной пропаганды	35
Группа распространяет свои подстрекательские действия и антигосударственную деятельность и на провинцию	37
<i>Тайные встречи и совещания</i>	40
<i>Организация демонстрации 23 октября</i>	44
III. ЛИКВИДАЦИЯ ОСНОВ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ	48
<i>Вытеснение из руководства социалистических сил</i>	49
<i>Разложение вооруженных сил, вооружение контрреволюционеров</i>	52
Члены группы Имре Надя распоряжаются в Будапештском полицейском управлении	52
Имре Надь во главе войск по охране внутреннего порядка ставит офицера хортистского генерального штаба	57
Освобождение и вооружение преступников	61
Разгул в стране фашистских террористов, нилапистов, военных преступников, разбойников, убийц..	63
Нарушивший присягу Малетер в кабинете Имре Надя	70

<i>Развал законных местных органов государственной власти, образование контрреволюционных органов</i>	76
Планы контрреволюции в отношении рабочих советов	79
<i>Имре Надь организует «давление снизу»</i>	82
Миклош Гимеш, Пал Лечеи, Тамаш Ацел — в роли рабочих Андьялфельда	86
<i>Имре Надь не допускает провала своих планов, срывает осуществление мер по ликвидации контрреволюции</i>	91
<i>Имре Надь объявляет перемирие. Разгул белого террора</i>	93
<i>Кровавое рукопожатие Имре Надя, Лошонци и Доната с Йозефом Дудаием</i>	99
IV. ВЫСТУПЛЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ РЕАКЦИОННЫХ И ФАШИСТСКИХ ПАРТИЙ. РОЛЬ МИНДСЕНТИ В КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	103
<i>Имре Надь незаконно реабилитирует Миндсенти</i>	106
V. ИМПЕРИАЛИЗМ — ГЛАВНЫЙ ОРГАНИЗАТОР КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	110
<i>Западная пропаганда в период подготовки контрреволюции</i>	110
<i>Роль шпионов и диверсантов в подготовке контрреволюции</i>	114
<i>Империализм руководит контрреволюцией</i>	117
Радиостанция «Свободная Европа» — штаб военного и политического руководства контрреволюцией за рубежом	117
«Моральная» поддержка контрреволюции империалистами	122
Западное оружие в руках контрреволюционеров	123
Свалка истории зашевелилась	127
Как попали на Запад работы Имре Надя?	129
Сотрудники английской и американской миссий в казарме «Килиан»	130
Переговоры герцога Хубертуса фон Левенштейна с Гезой Лошонци	131
Вашингтон просит, чтобы проявлялось хотя бы минимальное недоверие со стороны Имре Надя	133
VI. ИМРЕ НАДЬ И ЕГО СООБЩИКИ ПОДГОТОВЛИВАЮТ ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЛАГЕРЮ	135
<i>Варшавский договор — гарантия независимости Венгрии и мира в Европе</i>	135
<i>Организация «общественного мнения» и политика «свершившихся фактов»</i>	137
<i>«Ноты» Имре Надя ООН</i>	142

VII. ИМРЕ НАДЬ И ЕГО СООБЩИКИ — РУКОВОДИТЕЛИ АРЬБЕРГАРДНЫХ БОЕВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	148
<i>Сообщники Имре Надя на Западе</i>	148
<i>Группа Имре Надя в югославском посольстве</i>	152
<i>Как Имре Надь и его сообщники оказались в югославском посольстве</i>	154
<i>Под прикрытием «права убежища»</i>	155
VIII. ВАРВАРСТВО ИМПЕРИАЛИСТОВ, ПРОПОВЕДУЮЩИХ ГУМАНИЗМ	163
<i>Премники террористов 1919 года в 1956 году</i>	163
<i>Кровь, насилие, виселицы, истребление людей</i>	169
Кипр	170
Йемен	174
Оман	175
Кения	175
Французская Экваториальная Африка	175
Алжир.....	176
«Поскольку дата инкриминированного случая не была сообщена»	182
IX. ВЕНГЕРСКИЙ НАРОД ЗА СОЦИАЛИЗМ	186